

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Фрэнсис Бэкон

Опыты или Наставления

нравственные и политические.

Посвящение к первому изданию «Опытов» 1597 Г

М-ру Антони Бэкону

Любезный брат мой! Я поступаю ныне подобно тем владельцам садов, которые, имея плохих соседей, собирают плоды, прежде чем они созреют, опасаясь, чтобы их не разворовали. Эти плоды моих размышлений готовы были выйти в свет. Задержать их выход было бы хлопотно и могло подать повод к толкам; пустить их на волю судеб значило бы подвергнуть их опасности искажения или приукрашивания, как вздумалось бы любому их издателю. Вот почему я почел за лучшее издать их самому так, как они некогда вышли из-под моего пера, что не грозит никакими неприятностями, разве что автора их упрекнут в слабости. Я всегда был того мнения, что изъятие своих произведений из обращения (за исключением особых случаев) может быть поступком столь же тщеславным, как и навязывание их читателю. Так что я в этом случае сам явился себе цензором и не нашел их ни в чем противными религии или же вредными для нравов, но, скорее, как кажется мне, целительными. Единственно, почему я выпускаю их неохотно, это потому, что они будут подобны новым полупенсовым монетам: серебро в них полноценно, но монеты очень уж мелки. Но раз уж они не остались со своим создателем, а хотят гулять по свету, я представляю их тебе, как ближайшему мне по крови, посвящая их, каковы они есть, нашей любви; она во мне так сильна (уверяю тебя), что я иной раз желаю себе твои недуги, дабы ум твой, столь деятельный и сильный, мог служить ее величеству, а я имел возможность посвятить себя всецело созерцанию и занятиям, которые всего более мне по душе. Препоручаю тебя всевышнему. Писано в моей адвокатской конторе на Грейс-Инн, 30 января 1597 года.

Любящий тебя брат Фрэнсис Бэкон

Посвящение к изданию «Опытов» 1612 Г

Генриху, принцу Уэльскому,

герцогу Корнуэльскому и графу Честерскому

Ваше высочество!

Разделив жизнь свою на две части – созерцательную и деятельностьную, – я желал бы преподнести ее величеству и вашему высочеству скромные плоды обеих частей. Обстоятельный трактаты требуют досуга пишущего, равно как и досуга читателя, между тем как ваше высочество заняты своими королевскими делами, а я – постоянной службой. Это и вынудило меня избрать иной род – кратких очерков, примечательных, скорее, содержанием, нежели тщательностью отделки, которые я назвал «Опытами». Слово это новое, сама же вещь отнюдь не нова. Ибо послания Сенеки к Луцилию, если хорошенько в них разобраться, не что иное как «Опыты», т. е. отрывочные размышления, хотя и облеченные в форму посланий. Я знаю, что эти мои труды недостойны вашего высочества: ибо что может быть вас достойно? Но я пытаю надежду, что они, как малая толика соли, возбудят в вас аппетит, не пресыщая. И хотя они касаются вещей, наиболее обычных и в жизни людей, и в их сочинениях (чего удалось мне достичь, я не знаю), однако я старался избегать в них пошлости и черпать больше из опыта, нежели из книг; так что они не являются ни повторением, ни пустыми вымыслами. Как бы то ни было, я смиленно прошу ваше высочество благосклонно принять их и заключить отсюда, что если я так стремлюсь доказать свою преданность вашему высочеству по собственному своему почину, то тем более готов я служить исполнению приказаний ваших.

Желая вашему высочеству всех благ вашего высокого сана, остаюсь вашего высочества смиренным слугою.

Фр. Сент-Албан

Посвящение к изданию «Опытов» 1625 г

Моему милостивому господину

светлейшему герцогу Бэкингему, лорду-адмиралу Англии

Милорд!

Соломон сказал: «Добрая слава подобна драгоценному благовонию». Такова, несомненно, будет судьба вашего имени в потомстве. Ибо вы равно возвеличены судьбою и собственными заслугами и посеяли многое доброго, чему суждено жить долго. Сейчас я выпускаю в свет мои «Опыты», которые из всех моих сочинений получили наибольшее распространение; надо полагать, потому, что они ближе всего к практическим делам и чувствам людей. Я увеличил их число и улучшил достоинство, так что они представляют совершенно новое сочинение. Преданность моя вашей светлости и милости, оказанные мне вами, побуждают меня предложить ему ваше имя как в английском, так и в латинском изданиях. Ибо я надеюсь, что латинское издание (будучи на языке международном) будет жить, покуда живут книги.

Мое «Восстановление» я посвятил королю; мою «Историю Генриха Седьмого» (которую я ныне тоже перевел на латинский) и части «Естественной истории» – принцу; а эти «Опыты» – вашей светлости. Они принадлежат к лучшим плодам, которые божьей милостью могло принести мое перо. Да сохранит Бог вашу светлость!

Вашей светлости преданный и верный слуга

Фр. Сент-Албан

I. Об истине

«Что есть истина?» – спросил насмешливо Пилат и не стал дожидаться ответа. Разумеется, есть люди, которые испытывают восторг от неопределенности и головокружения и считают, что они попадут в рабство, если станут придерживаться какого-либо неизменного убеждения, что истина повлияет на свободу воли как в мыслях, так и в поступках. И хотя sectы такого рода философов исчезли, еще остаются нерешительные умы, которые сохраняют эту привычку, хотя они и не пользуются таким влиянием, какое имели философы древности. Но ложь попадает в фавор не только потому, что для обнаружения истины нужно преодолеть трудности и приложить труд; и не потому, что, когда истина обнаружена, она налагает ограничения на мысли людей; а в силу естественной, хотя и порочной любви ко лжи, как таковой. Одна из более поздних философских школ греков занималась этим вопросом и зашла в тупик, не зная, что же во лжи есть такого, что она нравится людям, хотя она и не доставляет им наслаждения, как поэтам, и не приносит им барыша, как торговцам, а просто нравится ради самой лжи.

Но я не могу не сказать: эта самая истина есть обнаженный и открытый дневной свет, при котором маски, представления и торжества мира выглядят в половину менее величественными и утонченными, чем при свете свечей. Возможно, истина и может по своей ценности приблизиться к жемчугу, который лучше всего выглядит днем, но она никогда не поднимется до ценности алмаза или карбункула, которые смотрятся при самом разном освещении.

Действительно, примесь лжи всегда увеличивает наслаждение. Разве кто-либо усомнится в том, что если бы умы людей были освобождены от суевий мнений, лестных надежд, ложных оценок, свободной игры воображения и тому подобного, то они у многих людей скажись бы и обеднели, исполнились бы меланхолии и отвращения и стали бы неприятны им же самим. Один из отцов в великой сорности назвал поэзию «*vinum daemopitum*», [1 – Т. е. «дьявольским вином» или «вином демонов»]. Возможно, Бэкон объединяет сказанное о поэзии Августином и

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org Иеронимом. Августин называл ее «вином заблуждения», а Иероним – «пищей демонов».] поскольку она насыщает воображение, и все же она является лишь тенью лжи. Но вред приносит не та ложь, которая проходит, не задерживаясь, сквозь ум, а та, которая пускает корни и укрепляется в нем, т. е. такая ложь, о которой мы говорили ранее.

Но как бы ни представлялись все эти вещи в извращенных суждениях и чувствах людей, все же истина, которая действительно только сама может судить о себе, учит, что поиски истины, т. е. любовь к ней и ухаживание за нею, знание истины, т. е. ее присутствие, и вера в истину, т. е. наслаждение ею, составляют высшее благо человеческой натуры. Первым созданием Бога, в трудах дней его, был свет видимый, последним – свет разума; и его субботний труд с того времени всегда есть свет его духа. Сначала он вдохнул свет в лицо материи, или хаоса; затем – свет в лицо человека, и с тех пор он постоянно вдохновляет и вызывает свет в лицах избранников своих. Ведь прекрасно сказал тот поэт, который украсил секту, в других отношениях уступавшую остальным: «Приятно стоять на берегу и видеть корабли, борющиеся с волнами; приятно стоять у окна замка и наблюдать внизу битву со всеми ее превратностями; но ни с чем не сравнимо то наслаждение, когда стоишь на прочном основании истины (вершина, которую ничто не может превзойти и где воздух всегда свеж и чист) и наблюдаешь ошибки, и блуждания, и туманы, и бури внизу в долине».[2 – См. Лукреций, «О природе вещей», кн. II, ст. 1-10: «Сладко, когда на просторах морских разыгрываются ветры, с твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого. Не потому, что для нас будут чьи-либо муки приятны, но потому, что себя вне опасности чувствовать сладко, Сладко смотреть на войска на поле сраженья в жестокой битве, когда самому не грозит никакая опасность. Но ничего нет отраднее, чем занимать безмятежно светлые выси, умом мудрецов укрепленные прочно: Можешь оттуда взирать на людей ты и видеть повсюду, как они бродят и путь, заблуждаясь, жизненный ищут», (пер. Ф. А. Петровского).] Это правильно, но всегда это зрелище должно наблюдать с жалостью, а не с напыщенностью или гордостью. Разумеется, добиться того, чтобы ум человека действовал в милосердии, покоился на провидении и опирался на столпы истины, значит достичь рая на земле.

Если перейти от теологической и философской истины к мирской, то даже те, кто сам не придерживается этого правила, признают, что честность и прямота в делах составляют честь человеческой натуры и что добавление лжи подобно примеси в золотой или серебряной монете; это, быть может, и улучшает обработку металла, но портит его чистоту. Ибо эти извилистые и кривые пути суть действия змия, который бесчестно передвигается на брюхе, а не на ногах. Нет другого порока, который бы так покрывал человека позором, как если его найдут лживым и вероломным; и поэтому очень хорошо сказал Монтень, когда он исследовал причину того, почему лживое слово является таким бесчестием и таким позорным обвинением: «Если хорошенъко взвесить, то сказать, что человек лжет, это значит сказать, что он смел перед Богом и труслив перед людьми».[3 – Монтень, «Опыты» (Об изобличении во лжи).] Ибо ложь открыта Богу и ускользает от человека. Безусловно, вся преступность лжи и вероломства ни в чем не может быть выражена более полно, как в том, что она будет последним трубным гласом, который призовет род человеческий на суд божий, ибо предсказано, что, когда придет Христос, он не найдет веры на земле.

II. О смерти

Люди страшатся смерти, как малые дети потемок; и как у детей этот врожденный страх усиливается сказками, так же точно и страх смерти. Конечно, мысль о смерти как каре за грехи и переходе в иной мир благочестива. Но боязнь ее как неизбежной дани природе есть слабость. Да и в благочестивые о ней размышления примешивается порой доля суеверности и суеверия. В иных монашеских сочинениях о смертных муках нам напоминают, какова боль, ощущаемая человеком, если терзать хотя бы кончик пальца его, и каковы, следовательно, должны быть муки смерти, когда разрушается все тело. А между тем смерть зачастую менее мучительна, чем повреждение одного члена, ибо самые важные для жизни органы не есть самые чувствительные. «*Rompa mortis magis terret quam mors ipsa*»[4 – «Атрибуты смерти устрашают сильнее самой смерти». Сенека, «Письма», III, 3.] – слова эти заключают в себе и философскую и житейскую истину. Стоны, судороги, мертвенный лик, слезы друзей, траур, погребение и прочее – вот отчего смерть предстает ужасной.

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Заметьте, что нет в душе человека такой даже самой слабой страсти, которая не побеждала бы страха смерти; а значит, смерть не может быть столь уж страшным врагом, раз есть у человека целая рать, способная ее одолеть. Месть торжествует над смертью; любовь ее презирает; честь призывает ее; горе ищет в ней прибежища; страх предвосхищает ее. А когда убил себя император Отон, жалость – это слабейшее из чувств – многих побудила искать смерти из сочувствия императору и в знак верности. Сюда же Сенека прибавляет еще прихотливость и пресыщенность: «*Cogita quamdiu eadem feceris, mori velle non tantum fortis, aut miser, sed etiam fastidiosus potest.*».[5 - «Подумай, как долго делал ты одно и то же; не одни лишь храбрецы или несчастливцы захотят умереть, но и те, кто поразборчивей». Сенека, «Письма», X, 1.] Ведь человек бывает готов умереть, не будучи ни храбрецом, ни несчастливцем, оттого только, что ему наскучит однообразие. Заметьте и то, как мало действует приближение смерти на сильных духом, ибо каждый из них до конца остается самим собой. Цезарь Август умер с любезностью на устах: «*Livia, conjugii nostri memor, vive et vale!*»[6 - «Ливия, помни, как жили мы вместе; живи и прощай!». Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Божественный Август, 99).] Тиберий – продолжая лукавить; как говорит Тацит: «*Jam Tiberium vires, et corpus, non dissimulatio, deserebant*»;[7 - «Уже Тиберию покидали телесные, покидали жизненные силы, но все еще не покидало притворство». Тацит, «Анналы», кн. VI, 50.] Веспасиан – с шуткой, сидя на стульчике: «*Ut puto deus fio*»;[8 - «...кажется, я становлюсь богом». Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Божественный Веспасиан, 23).] Гальба – с изречением, подставляя шею убийце: «*Feri, si ex re sit populi Romani*»;[9 - «Рази, если так нужно римскому народу». Тацит, «История». кн. I, 41.] Септимий Север – в попыхах: «*Adeste, si quid mihi restat agendum*».[10 - «Приблизься, если мне еще остается что-либо сделать», дион Кассий, «Римская история», LXXVI, 17.] И так далее.

Стоики, несомненно, уделяли смерти чрезмерно много внимания и пышными к ней приготовлениями делали ее еще более устрашающей. Мне же более по душе тот, «*qui finem vitae extremum inter munera ponat naturae*».[11 - «Что почтает за дар природы предел своей жизни». Ювенал, «Сатиры», X, ст. 358..] Умереть столь же естественно, как и родиться; а для младенца второе, быть может, не менее болезненно, чем первое. Кто умирает за важным делом – подобен раненному в жарком бою, поначалу едва ощущающему боль. Поэтому, кто поглощен благими помыслами, тот поистине избавлен от мук смерти. Но всего слаще, поверьте, звучит гимн «*Nunc dimittis*»,[12 - «Ныне отпускаешь». Нов. Зав., Лук., гл. 2, ст. 29.] когда человек достиг достойной цели и оправдал ожидания. У смерти есть еще то, что она открывает врата добréй славы и унимает завистников: «*Extinctus amabitur idem*».[13 - «...Одной только смертью смиряется зависть». Гораций, «Послания», кн. II, 1.]

III. О единой религии[14 - Этот опыт впервые появился в издании 1612 г. и назывался «Of Religion». Для третьего издания Бэкон его значительно изменяет и расширяет. Здесь он называется «Of Unity in Religion», а в латинском издании 1638 г. – «De Unitate Ecclesiae» («О единстве церкви»).]

Будучи главной связующей силой общества, религия и сама должна быть скреплена силой единства. Религиозные расколы и распри были неизвестны язычникам. Причиной было то, что религия их состояла более в обрядах и церемониях, нежели в твердой вере. Какого рода была эта вера, можно видеть из того, что учителями и отцами церкви были у них поэты. Но истинный Бог отличается именно тем, что он – Бог-ревнитель, а поэтому и служения себе требует безраздельного. Скажем же несколько слов о единстве церкви: каковы плоды его, каковы границы и каковы пути к его достижению.

Плодами единства – не говоря уж о том, что оно угодно Богу, а это превыше всего – равно пользуются и те, кто не приобщен к церкви, и те, кто находится в лоне ее. Что касается первых, то, несомненно, ереси и расколы являются величайшим соблазном, худшим даже, нежели развращенность нравов. Ибо, как в теле человеческом ранение или нарушение связей более опасны, чем скопление испорченных соков, так же точно и в теле церковном. Ничто так не отдаляет и не отворачивает людей от церкви, как нарушение единства. А поэтому всякий раз, когда один говорит: «*Ecce in deserto*», а другой: «*Ecce in penetralibus*»,[15 - «Вот, он в пустыне», «Вот, он в святилище». Нов. Зав., Матф., гл. 24, ст. 26.] т. е. когда одни ищут Христа на сбирающихся еретиков, а другие – во внешней церкви, надо, чтобы непрерывно звучал в ушах людей голос: «*Nolite exire!*» – «Не выходите!» Учитель язычников[16 - Апостол

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Павел. Нов. Зав., Посл. Коринф. 1, гл. 14, ст. 23.] (чьим призванием была
забота о не приобщенных к церкви) говорит: «Если вся церковь сойдется
вместе, и все станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие
или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь?». А ведь так оно и
есть: атеисты и нечестивцы, слыша о стольких разногласиях в делах веры,
отвращаются от церкви и «занимают места в собрании развратителей».[17 -
Ветх. Зав., Псалм. Давид., 1. ст. 1.] Сошлюсь на пример, хотя и пустяшный
для столь серьезного предмета, зато наглядно рисующий уродство, о котором я
говорю. Один мастер насмешки в свой список книг для вымышенной библиотеки
включил такое заглавие, как «Мавританская пляска еретиков».[18 - Имеется в
виду Франсуа Рабле. В одном из эпизодов его романа Пантагрюэль знакомится с
каталогом книг библиотеки св. Виктора, где фигурирует и это заглавие. См.
«Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. II, гл. 7.] И действительно, каждая секта
кривляется на свой лад; как же не вызвать насмешек у нечестивцев и
развращенных политиков, склонных относиться непочтительно к священным
предметам?

Для тех, кто уже находится в лоне церкви, плодом единства является мир,
тающий в себе неисчислимые блага, ибо он укрепляет веру, побуждает к
милосердию, из мира церковного претворяется в мир душевный; а силы, ранее
затрачиваемые на полемические сочинения, обращаются на проповедь смирения и
благочестия.

В отношении границ единства чрезвычайно важным является правильное их
обозначение. Тут возможны две крайности. Иным фанатикам невыносим малейший
намек на примирение: «С миром ли? И сказал Ииуй: что тебе до мира? Поезжай
за мною».[19 - Ветх. Зав., кн. Царств IV, гл. 9, ст. 18-19.] Не мир им
важен, но вербовка приверженцев. И напротив, иные лаодикийцы[20 - Названные
так по имени лаодикийской церкви – в делах веры «ни холодной, ни горячей».
См. Нов. Зав., Откр. Иоан., гл. 3, ст. 15.] и нерадивые полагают, что в
делах веры можно сойтись на полпути, хитроумно согласовав стороны и взявши
от обеих понемногу – словно берутся быть судьями между Богом и людьми.
Обеих крайностей следует избегать; а этого можно достичь, если будут просто
и понятно разъяснены два по видимости противоречивых положения
христианского устава, начертанного самим Спасителем: «Кто не с нами, тот
против нас» и «Кто не против нас, тот с нами»,[21 - Нов. Зав., Матф., гл.
12, ст. 30; Марк., гл. 9, ст. 40.] т. е. если основные и существенные
вопросы веры будут отделены и отграничены от вопросов, касающихся не
столько веры, сколько мнений, порядка или добрых намерений. Это многие
могут счесть чем-то само собой разумеющимся и уже свершившимся. Однако если
бы оно вершилось с меньшим пристрастием, то получило бы большее
распространение.

Касательно этого я могу дать лишь один совет, сообразно моему скромному
разумению. Следует остерегаться двух видов разногласий, терзающих божью
церковь. В одном случае спорный вопрос настолько пуст и ничтожен, что не
стоит затрачиваемого на него пыла, каковой разжигается единственным духом
противоречия; ибо, как замечает один из отцов церкви, «хитон Христа не имел
швов, одежды же церкви были пестры». При этом он добавляет: «In veste
varietas sit, scissura non sit»,[22 - Имеется в виду св. Бернард: «Пусть
будет пестрота в этой одежде, но не будет разрыва». См. S. Bernardi ad
Guillelmi abbati Apologia. Paris, 1640, p. 983.] ибо единство и
единобразие – вещи различные. В другом случае спор идет по вопросу
серъезному, но доводится до чрезмерной тонкости и запутывается, так что
становится скорее изощренным, нежели существенным. Человек здравых понятий
и суждений, слушая порой спор глупцов, знает про себя, что спорящие
разумеют одно и то же, но сами никогда не придут к согласию. И если такова
разница в суждении между одним человеком и другим, нельзя разве
предположить, что всевышний, читающий в сердцах, различает в некоторых
людских спорах единое намерение и приемлет правду обеих сторон. Природа
подобных разногласий отлично определена святым Павлом в его предостережении
против таковых: «Devita profanas vocum novitates, et oppositiones falsi
nominis scientiae».[23 - «...отвращаясь негодного пустословия и прекословий
лжеименного знания». Нов. Зав., Посл. Тимоф. 1, гл. 6, ст. 20.] Люди сами
создают несуществующие противоречия и облекают их в новые слова, причем
таким образом, что смысл, вместо того чтобы подчинять себе слово, сам ему
подчиняется. Есть также два вида ложного единения, или примирения:
во-первых, когда единение зиждется лишь на невежестве, ибо в темноте все
цвета сливаются; и, во-вторых, когда оно кое-как сложено при прямом
допущении разногласий в основных вопросах. Ибо в таких делах истинное и
ложное подобны железу и глине в ногах Навуходоносорова истукана:[24 -

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Перефразировка места из толкования пророком Даниилом сна царя
Навуходоносора. См. Ветх. Зав., кн. Даниил., гл. 2, ст. 43.] их можно
смешать, но они не соединяются.

Что касается способов обеспечения единства, то должно остерегаться, чтобы при создании и укреплении единства церкви не уничтожить и не извратить законов милосердия и человеческого общежития. Христиане владеют двумя мечами – духовным и светским, и оба они имеют в делах веры надлежащее место и назначение. Но нельзя браться за третий меч – меч Магомета и подобных ему, т. е. за проповедь религии оружием и насилиование совести путем кровавых преследований – разве лишь в случаях открытых бесчинств, кощунства или заговора против государства. Тем более нельзя прибегать в этих же целях к поощрению смуты, допускать заговоры и мятежи, вооружать народ или как-либо иначе подрывать власть, ибо власти установлены от Бога. Это значило бы разбивать одну скрижаль о другую и в заботах о христианах забывать, что они также и люди. Поэт Лукреций, негодяя против Агамемнона, допустившего принесение в жертву собственной дочери, воскликнул:

Tantum religio potuit suadere malorum. [25 – «Вот к злодеяньям каким побуждалась религия смертных». Лукреций, «О природе вещей», кн. 1, ст. 101.]

Что же сказал бы он, если бы знал о резне во Франции или о пороховом заговоре в Англии? [26 – Бэкон имеет в виду события Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.) и подготовленный иезуитами и католиками взрыв парламента в Лондоне в 1605 г.] Он стал бы еще большим эпикурейцем и атеистом, нежели был. Коль скоро меч светской власти должен лишь с великой осторожностью извлекаться из ножен в защиту религии, то совсем уже чудовищно вооружать им простой народ. Оставим это анабаптистам и другим безумцам. Великое богохульство изрек дьявол, когда сказал: «Взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему», [27 – Ветх. Зав., кн. Исаи, гл. 14, ст. 14.] но еще большее богохульство – действовать именем Бога, как бы заставляя его говорить: «Опущусь в преисподнюю, буду подобен князю тьмы». А разве не это именно происходит, когда дело веры унижается до таких жестоких и омерзительных деяний, как убийство государей, избиение целого народа, ниспровержение государств и правительств. Поистине, это значит ниспосыпать святого духа не в виде голубя, но ворона или коршуна и водружать на ковчеге христианской церкви флаг пиратов и убийц. Вот почему необходимо церкви вооружиться своим учением и божественными установлениями, государям – мечом, а богословию и нравственной философии – как бы жезлом Меркурия, дабы навеки изгнать и предать проклятию все подобные деяния, равно как и учения, им способствующие, что, впрочем, уже в немалой степени сделано. Поистине, в делах веры надлежит руководствоваться апостольским изречением: «*Ira hominis non implet justitiam dei.*» [28 – «Ибо гнев человека не творит правды Божией». Нов. Зав., Иаков., гл. 1, ст. 20.] А один из мудрых отцов церкви оставил следующее изречение, примечательное своей откровенностью: «Те, кто проповедует и осуществляет насилие над совестью, обычно имеют при этом собственные корыстные цели».

IV. О мести

Месть есть своего рода стихийное и дикое правосудие, и, чем сильнее стремится к ней человеческая натура, тем более закон обязан искоренять ее. Ибо если первая несправедливость лишь нарушает закон, то месть за эту несправедливость упраздняет закон. В сущности, прибегая к мести, человек ставит себя на одну доску со своим врагом, если же он простит обиду, то возвысится над ним; ибо прощать – это удел царей. И Соломон, насколько я знаю, сказал: «Слава для человека – быть снисходительным к проступкам». [29 – Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 19, ст. 11.] Что прошло – ушло и не вернется, и для мудрых людей достаточно забот о том, что есть сейчас и будет потом; поэтому те, кто занят делами прошлого, только зря тратят время. Нет никого, кто делал бы зло ради него самого, но все творят его ради выгоды, или удовольствия, или чести, или тому подобного; почему же я должен сердиться на человека за то, что он любит себя больше, чем меня? А если кто-то сделал зло просто по своей зловредной натуре, что из этого? Ведь это похоже на шип или колючку, которые колют и царапают, потому что по-другому не могут.

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Самым терпимым видом мести является месть за такое зло, для наказания которого нет закона; но в этом случае пусть человек позаботится, чтобы месть была такой, за которую его не могли бы наказать по закону; иначе его враг окажется в более выгодном положении, ибо пострадает только раз, а сам человек – два раза. Некоторые, прибегая к мести, хотят, чтобы их обидчик знал, от кого она исходит; это наиболее великодушно, ибо показывает, что удовлетворение получают не столько от причинения боли, сколько от того, что заставляют обидчика раскаяться; бесчестные же и хитрые трусы подобны стрелам, летящим из темноты. У Козимо, герцога флорентийского,[30 – Козимо Медичи (1519–1574) – правитель Флоренции, кстати, был знаменит и тем, что в борьбе с противниками не гнушался никакими средствами.] есть одно суровое и скорбное высказывание в отношении вероломных или забывчивых друзей, из которого видно, что эти два зла он считает непростительными. Он говорит: «Вы прочтете, что мы обязаны прощать своих врагов; но нигде не сказано, что мы обязаны прощать своих друзей». Но Иов высказывает все же в несколько более примирительном духе. Он говорит: «Мы принимаем добро из рук господа, почему же не хотим принять и зло?»[31 – Ветх. Зав., кн. Иова, гл. 2, ст. 10.] – это относится в такой же мере и к друзьям. Совершенно очевидно, что человек, замышляющий мщение, сохраняет свои собственные раны открытыми, в противном случае они бы закрылись и полностью залечились бы. Мщение общества большей частью совершается удачно, как видно на примере мщения за смерть Цезаря, Пертинаакса, Генриха III Французского[32 – Гай Кассий и Марк Брут, организовавшие заговор против Юлия Цезаря, покончили с собой после разгрома их войска силами цезарианцев в битве при Филиппах (42 г. до н. э.). Септимий Север, вступив в 193 г. в Рим, наказал преторианцев, свергнувших императора Публия Гельвия Пертинаакса. Генрих Наваррский в битве при Иви (1590 г.) разбил сторонников католической лиги Гизов, агент которой убил в 1589 г. короля Генриха III.] и многих других. Но с личной местью дело обстоит не так; нет, мстительные люди, скорее, ведут жизнь ведьм, которые, причиняя несчастья другим, и сами кончают несчастливо.

V. О бедствиях

Есть у Сенеки возвышенное изречение, где утверждается (в духе стоиков), что «благ процветания следует желать, а благами бедствий – восхищаться». – «*Bona rerum secundarum, optabilia; adversarum, mirabilia.*».[33 – Сенека, «Письма», VII, 4, 29.] Поистине, если чудом мы называем власть над природой, то она более всего являет себя в бедствиях. А вот еще более возвышенное его изречение (особенно удивительное в устах язычника): «Истинное величие состоит в том, чтобы сочетать бренность человеческую с безмятежностью бога». – «*Vere magnum, habere fragilitatem hominis, securitatem dei.*».[34 – Сенека, «Письма», VI, 4, 12.] Это годилось бы, скорее, для поэзии, где преувеличения более допустимы. И действительно, тема эта занимала поэтов. Она составляет предмет одного древнего мифа, содержащего, видимо, некий скрытый смысл и даже кое в чем близкого описанию христианской души, а именно сказания о Геракле, ради освобождения Прометея (который представляет здесь человеческую природу) переплывшем в глиняном сосуде через пустыню океана; живое подобие христианской решимости – в ладье бренной плоти пускающейся по мирским волнам. Говоря без поэтических прикрас, высшей добродетелью должно считать: в благоденствии – умеренность, в бедствиях же – стойкость, наиболее героическую из добродетелей.

Благоденствие – это благословение Ветхого Завета; испытания же ниспосыпаются Новым, который есть величайшее благословение и очевидный знак милости божьей. Однако даже и в Ветхом завете, прислушавшись к звукам арфы давидовой, мы услышим столько же скорбных напевов, сколько ликующих; и заметим, что персты духа Святого более потрудились над изображением горестей Иова, нежели радостей Соломона. В благоденствии есть свои страхи и огорчения, а беды не лишены утешений и надежд. В вышивках и иных рукоделиях приятнее видеть яркий узор на темном и сумрачном поле, нежели темный и унылый на светлом; а что более радует глаз, то радует и сердце. Поистине, добродетель подобна драгоценным веществам, которые благоухают сильнее, будучи возжжены или растерты: ибо благоденствие лучше всего обнаруживает пороки человека, бедствия же выявляют его добродетели.

VI. О притворстве и лицемерии

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Притворство – прибежище слабых, ибо надобны силы ума и духа, чтобы знать, когда уместна правдивость в словах и поступках. Поэтому наиболее лицемерны слабейшие из государственных деятелей.

Тацит сообщает, что «Ливия была под стать хитрости мужа и притворству сына», [35 – Тацит, «Анналы», кн. V, 1.] приписывая, таким образом, хитрость Августу, а притворство Тиберию; а Муциан, [36 – Римский наместник в Сирии Г. Лициний Муциан – один из главных инициаторов военного заговора в пользу Веспасиана.] побуждая Веспасиана выступить с оружием против Вителлия, говорил: «Мы восстаем не против проницательно ума Августа, не против чрезмерной осторожности и скрытности Тиберия». Действительно, искусства политики и лицемерие или скрытность – вещи разные, и их надлежит различать. Кто наделен такой проницательностью, что видит, что должно открыть, что утаить, а что обнаружить лишь отчасти и когда и кому (искусство, нужное и в государственной, и в частной жизни, как справедливо говорит Тацит), [37 – Тацит, «Анналы», кн. III, 70.] для того лицемерие будет лишь жалкой помехой. Но кто не обладает такой силой суждения, тому остается взять скрытность и лицемерие за правило. Ибо не умеющему выбирать пути лучше идти путем безопаснейшим, как подслеповатому лучше всего ступить потихоньку. Наиболее даровитые из людей действовали прямо и откровенно и славились своей правдивостью, но ведь это потому, что они, как выезженные кони, отлично знали, где остановиться или свернуть; а когда, по их мнению, требовалось притворство и они применяли его, прежняя добрая слава об их честности и чистосердечии никому не давала этого заметить.

Есть три степени того, как можно скрыть и завуалировать свое истинное лицо. Первая состоит в молчаливости, сдержанности и скрытности, когда человек не дает проникнуть в себя и узнать, что он такое; вторая – в притворстве, когда он знаками и намеками способствует ложному о себе мнению; третья будет уже собственно лицемерием, когда он намеренно и усердно притворяется не тем, что он есть.

Что до первой из них – молчаливости, то это лучшее качество исповедника. Умеющий молчать слышит много признаний. Ибо кто же откроется болтуни или сплетнику? А кто слышит молчаливым, вызывает на откровенность, подобно тому как спрятый воздух всасывает воздух более редкий; и, как исповедь служит не житейским целям, но облегчению души, так и умеющие молчать узнают много вещей; с ними люди не столько делятся мыслями, сколько отделяются от того, что их тяготит. Словом, скрытному открыты все тайны. Кроме того, нагота неприглядна – как телесная, так и духовная; скрытые легким покровом дела человеческие выглядят много почтеннее. Что же касается говорунов и пустословов, то они обычно тщеславны и притом легковерны. Кто выбалтывает, что знает, будет говорить и о том, чего не знает. А потому возьми себе за правило сдержанность: оно и благоразумнее, и пристойнее. И тут надобно, чтобы лицо не опережало языка; у кого мысли написаны на лице, тот выдает себя с головой; ведь лицу придают куда больше веры, нежели словам.

Вторая степень, которая есть уже притворство, нередко следует за первой по необходимости. Кто желает сохранить тайну, вынужден отчасти и притворствовать, ибо люди хитры и не допуснят, чтобы ты ничем себя не выдал. Они так будут досаждать расспросами, так выведывать и вызывать на разговор, что, если только не упорствововать в нелепом молчании, придется обнаружить, куда склоняешься. А если и нет, тогда из твоего молчания они заключат не меньше, чем из слов. Ведь темных и двусмысленных отговорок надолго не хватит. Вот почему нельзя быть скрытым, не позволяя себе также и некоторой доли притворства, которое как бы тянется следом за скрытностью.

Что же касается третьей степени, т. е. собственно лицемерия и лживости, это считаю я более предосудительным и менее благоразумным, за исключением чрезвычайных и редких случаев. Привычное лицемерие есть порок, порождаемый либо врожденной лживостью, либо робостью, либо существенными нравственными изъянами, которые человек принужден скрывать, а для этого притворяться и во всем другом, дабы не утратить в притворстве сноровки.

Лицемерие и притворство имеют три преимущества. Во-первых, усыпляют бдительность противника и застигают его врасплох, ибо открыто объявленные намерения, подобно сигнальному рожку, собирают всех врагов. Во-вторых, обеспечивают отступление, ибо, связав себя открытым объявлением своих целей, надо идти до конца или пасть. В-третьих, помогают выведать чужие замыслы, ибо тому, кто открывает себя людям, едва ли отвечают тем же, но дают ему волю и, что было бы на языке, держат на уме. Умна поэтому

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org испанская поговорка: «Солги и узнаешь правду», т. е. правду не узнаешь иначе как притворством. Зато и невыгод тоже три. Первая состоит в том, что лицемерие и притворство указывают обычно на боязливость, а это во всяком деле препятствует прямому движению к цели. Вторая – в том, что они смущают и отталкивают многих, кто иначе, быть может, помог бы, и оставляют человека почти в одиночестве. А третья и величайшая невыгода заключается в том, что человек лишается одного из важнейших средств успеха, а именно доверия. Лучше всего сочетать добрую славу человека чистосердечного, привычку к сдержанности, при случае – способность к скрытности, а в крайней нужде – и к притворству.

VII. О родителях и детях

Радости родителей скрыты, так же как их горести и страхи; они не могут открыто проявить первые и не хотят обнаруживать вторые. Дети делают труды более приятными, а несчастья, напротив, еще более горькими; они увеличивают тяготы жизни, но и смягчают мысль о смерти. Продолжение рода свойственно всем животным; сохранение же памяти, достоинств и благородных дел характерно только для человека. Ведь, разумеется, всякому должно быть известно, что самые благородные дела и начинания происходят от тех людей, у которых нет детей и которые стремятся оставить потомкам образы своего духа, раз уж им не удалось оставить им образы своего тела; так что забота о потомстве сильнее всего у тех, кто не имеет потомства. Те, кто первым прославляет свой род, наиболее снисходительно относятся к своим детям, считая их продолжением не только своего рода, но и своего дела, т. е. не только детьми, но и творениями.

Отношение родителей к своим детям, если их несколько, во многих случаях не одинаково; а иногда родители, особенно мать, любят и недостойных. Соломон сказал однажды: «Разумный сын радует отца, глупый же – приносит печаль матери».[38 – Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 10, ст. 1.] В доме, полном детей, можно видеть, что одного или двух старших уважают, а самых младших балуют; однако из средних детей, которых как бы забывают, не раз между тем выходили самые лучшие люди. Скупость родителей в содержании детей является вредной ошибкой; она делает детей бесчестными, толкает их на хитрости, вынуждает связываться с дурной компанией и заставляет больше предаваться излишествам, когда они становятся богатыми. И поэтому лучший результат достигается тогда, когда родители больше заботятся о своем авторитете у детей, а не о кошельке.

У людей (родителей, школьных учителей и слуг) есть глупый обычай вызывать и поддерживать соревнование между братьями в пору их детства, что много раз приводило к ссорам, когда они становились взрослыми, и нарушало спокойствие семей. Итальянцы почти не делают различия между своими детьми и племянниками или другими ближайшими кровными родственниками; им все равно, являются они порождением их собственной плоти или нет, раз они принадлежат к одному роду. И если говорить правду, в природе дело обстоит очень похоже на это, причем до такой степени, что, иногда случается, мы видим племянника, более похожего на дядю или на другого близкого родственника, чем на своего собственного родителя. Пусть родители заблаговременно выберут занятия и карьеру, которым, по их мнению, должны посвятить себя их дети, ибо тогда они наиболее податливы; и пусть они не слишком руководствуются наклонностями своих детей, полагая, что они лучше всего привяжутся к тому, к чему они более всего расположены. Правда, если дети проявляют какие-либо необычайные склонности, или способности, тогда правильно будет не противоречить им; но обычно хороша та заповедь: «Optimum elige, suave et facile illud faciet consuetudo».[39 – «Избери лучшее, а привычка сделает его приятным и легким» – изречение, которое приписывают Пифагору.] Младшие братья обычно более удачливы, но редко или никогда там, где старшие братья лишены наследства.

VIII. О браке и безбрачии

Тот, у кого есть жена и дети, отдал заложников судьбе, ибо семья является помехой на пути свершения великих предприятий, как добродетельных, так и злонамеренных. Несомненно, что самые лучшие начинания, принесшие наибольшую пользу обществу, исходили от неженатых и бездетных людей, которые и своими

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org привязанностями, и своим богатством как бы слились с обществом и одарили его. И все же есть серьезное основание полагать, что тем, у кого есть дети, более всех необходимо заботиться о будущем, которому, как они знают, они должны передать свои самые дорогие заклады. Есть и такие, которые, хотя и ведут одинокую жизнь, тем не менее думают только о себе и считают, что будущее их никак не касается. Есть даже и такие, которые считают жену и детей только платежными счетами. Более того, есть некоторые глупые богатые скряги, которые гордятся, что у них нет детей, с тем чтобы их считали еще богаче, ибо, возможно, они где-то слышали разговоры примерно такого рода: «Такой-то человек очень богат», на что следовало продолжение: «да, но у него на попечении много детей»; как будто его богатство от этого уменьшается.

Но самой распространенной причиной безбрачия является стремление к свободе, особенно у некоторых самодовольных и привередливых людей, которые настолько чувствительны ко всякому стеснению, что готовы даже свои пояса и подвязки считать оковами и кандалами. Холостые мужчины – лучшие друзья, лучшие хозяева, лучшие слуги; но не всегда лучшие подданные, ибо они скорее готовы покинуть свою страну, и почти все беженцы относятся именно к этой категории людей. Безбрачие хорошо подходит церковникам, ибо милостыня вряд ли оросит землю там, где сначала она должна заполнить пруд. Для судей и исполнителей власти не имеет значения, состоят ли они в браке или нет, ибо если они будут уступчивы и продажны, то у них будет слуга в пять раз хуже, чем жена. Что касается солдат, то известно, что военачальники в своих призывах напоминают солдатам об их женах и детях; и я думаю, что презрение к браку, распространенное среди турок, делает этих грубых солдат еще более низкими.

Несомненно, жена и дети являются своего рода школой человечности; а одинокие, хотя они во много раз щедрее женатых, ибо обладают большими возможностями делать милость, вместе с тем все же более жестоки и бесчувственны (из них выходят сурвые инквизиторы), потому что к их нежности не так часто вызывают. Серьезные натуры, руководствуясь обычаем и потому постоянные, обычно являются любящими мужьями; как было сказано об Улиссе: «*Vetulam suam praetulit immortalitate*». [40 - Т. е. об Одиссее: «Свою старуху предпочел бессмертию». Цицерон, «Об ораторе», кн. I, 44.]

Целомудренные женщины часто бывают горды и высокомерны, они слишком злоупотребляют этим достоинством – своим целомудрием. Если жена считает своего мужа мудрым, то она привязывается к нему самыми лучшими узами – узами целомудрия и послушания, чего не будет, если она обнаружит, что он ревнив. Жены – это любовницы и властительницы молодых, подруги зрелых и няньки стариков; так что мужчина может иметь причину для женитьбы в любом возрасте, когда ему захочется. Все же мудрецом посчитали того человека, который на вопрос, когда мужчине следует жениться, ответил: «Молодому еще рано, старому уже поздно». Часто можно наблюдать, что у плохих мужей очень хорошие жены; происходит ли это из-за того, что жены больше ценят доброту своих мужей, когда она редко проявляется, или же из-за того, что они гордятся споим терпением, но это всегда справедливо, если плохие мужья выбраны ими самими, вопреки совету друзей, ибо тогда, конечно, им приходится делать хорошую мину при плохой игре.

IX. О зависти

Никакая страсть так не оклевывает человека, как любовь и зависть. Им обеим свойственны пламенные желания, обе во множестве порождают вымыслы и соблазны, и обе выражаются во взгляде, особенно в присутствии своего предмета; а это всего более способствует колдовским чарам, если они вообще существуют. Недаром Писание говорит о дурном глазе, а астрологи называют пагубное излучение светил дурными аспектами. Как видно, признано, что зависть проявляется в некоем излучении. Иные подметили даже, что завистливый глаз всего опаснее, когда созерцает свой предмет в час его торжества, ибо зависть от этого обостряется; к тому же в эти часы дух счастливца более всего устремляется наружу и становится, таким образом, более уязвим.

Но оставим эти диковинки (не вовсе, впрочем, недостойные рассмотрения в надлежащем месте) и посмотрим, кто именно склонен к зависти, кто всего чаще становится ее предметом и чем различается зависть в общественной и частной жизни.

Человек, лишенный достоинств, неизменно завидует им в других, ибо душа человеческая питается либо собственным благом, либо чужим несчастьем; кому не хватает первого, тот будет упиваться вторым; кто не надеется сравняться с ближним в достоинствах, старается сквитаться с ним, нанося ущерб его благополучию.

Человек любопытный и докучливый обычно также и завистлив, ибо вряд ли он так вникает в чужие дела потому, что это касается его самого; нет, он дивится на чужое счастье. И напротив, кто знает лишь свои дела, мало находит пищи для зависти. Ведь зависть – зевака; она бродит по улицам, а дома ей не сидится: «*Non est curiosus, quin idem sit malevolus*». [41 - «Ведь каждый любопытный зложелателен». Плавт, «Господа и рабы», акт II. сц. 1.]

Люди знатного рода замечены в зависти к людям новым при их возвышении; ведь расстояния при этом меняются, а им, как это бывает при обманах зрения, кажется, будто они сами идут назад, потому только, что другие ушли вперед.

Завистливы уроды, евнухи, старики, незаконнорожденные. Ибо кто не в силах помочь собственной беде, обращает свои усилия на то, чтобы вредить другому, исключая, впрочем, те случаи, когда в уродливом теле живет геройский дух, который и уродство свое стремится обратить к своей чести, чтобы заставить людей говорить: «Вот какие великие дела мог свершить евнух или хромец». Так было с евнухом Нарсесом, с Агесилаем и Тамерланом, [42 - Нарсес (472–568) – византийский полководец армянского происхождения; возвысился при императоре Юстиниане и возглавлял его армию в войне против готов. Агесилай II – спартанский царь (398–361 до н. э.); о нем см. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Агесилай). Тамерлан (1336–1405) – известный своей жестокостью завоеватель; захватив власть в Средней Азии, он объявил себя потомком Чингис-Хана.] которые оба были хромые.

Завистливы люди, перенесшие бедствия, а также те, кто не в ладу с временами, ибо горе других они считают возмещением за собственное.

Неизменно завистливы те, кто из прихоти и тщеславия желает преуспеть во всем сразу. У них всегда найдется кому позавидовать, ибо невозможно, чтобы многие хоть в чем-нибудь их не превосходили. Таков был нрав императора Адриана, снедаемого завистью к поэтам, живописцам и всякому мастерству, в котором он сам стремился блестать.

Наконец, завистливы близкие родичи и те, кто вместе рос или вместе начинал службу, если вчерашия родня или ровня их опередит. Это им как бы постоянный укор; это им колет глаза и нейдет из ума, да и людям всегда заметно; а ведь зависть усиливается от чужих речей и похвал. Зависть Каина к брату Авеля тем более гнусна, что, когда жертва Авеля оказалась угоднее Богу, свидетелей при этом не было. Таковы те, кто склонен к зависти.

Обратимся теперь к тем, кто становится ее предметом. Меньше завидуют возвышению людей достойных, ибо оно представляется лишь должным воздаянием; а кто же позавидует уплате долга? Завидуют только дарам и щедротам. К тому же в зависти всегда таится сравнение; а где невозможно сравнение, нет и зависти – вот почему королям завидуют одни короли. Следует, однако же, отметить, что недостойным больше завидуют поначалу, а потом примиряются; достойным же, напротив, всего более завидуют тогда, когда счастье их длится долго, ибо с течением времени если не самые достоинства их, то слава о них идет на убыль, и новые люди являются им на смену.

Менее завидуют возвышению высокородных, ибо оно как бы подобает им по праву рождения, да и не столь уж много прибавляет к их благоденствию. А ведь зависть, как солнечный луч, сильнее бьет по возвышенности, чем по ровным местам. По той же причине возвышение постепенное менее возбуждает зависть, нежели внезапное, *per saltum*. [43 - «Одним скачком» (лат.).]

Менее завидуют тем, кому почести достались ценой тяжких трудов, забот или опасностей; ибо эту цену люди считают высокой и склонны таких пожалеть, а жалость исцеляет от зависти. Заметьте, что наиболее благоразумные из высоких сановников на вершине своего величия вечно жалуются на тяжелую долю и стонут: *quanta patimur* [44 - «Сколько терпим» – слова из молитвы о мертвых в католическом богослужении.] – не потому, чтобы они на самом деле так думали, но чтобы несколько оградить себя от зависти. Разумеется, так говорить они могут только о делах, возлагаемых на них, но отнюдь не о тех,

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org за которые берутся сами; ибо ничто так не возбуждает зависть, как излишнее честолюбивое стремление все дела захватить в свои руки, и ничто так ее не смиряет, как соблюдение важным сановником всех прав своих подчиненных, ибо этим приобретает он в их лице заслоны против завистников.

Всего более навлекают зависть те, кто в высокой должности держит себя надменно и гордо и никому не дает забыть о своем величии либо внешней пышностью, либо подавлением противников и соперников; тогда как мудрый готов приносить умягчительные жертвы зависти и для этого порой намеренно уступает в вещах маловажных. Впрочем, пользуясь высоким положением открыто и прямо (лишь бы без заносчивости и чванства), меньше возбуждаешь зависть, нежели пускаясь на хитрости; ибо в последнем случае как бы отрекаешься от щедрот судьбы и сознаешься в своей недостойности; а ведь это и создает завистников.

В заключение этой части скажем: коль скоро зависть сродни колдовству, то и средство против нее таково же, а именно: отвлечь злые чары на другого. Вот для этого-то мудрейшие из великих мира всегда выдвигают рядом с собой кого-либо, на кого и направляется зависть: иногда чиновника или слугу, иногда соратника или помощника; ибо всегда найдутся неистовые натуры, которые дорогу к власти оплатят любой ценой.

Что касается зависти в общественной жизни, то в ней есть и хорошие стороны – чего никак не скажешь про зависть личную. Ибо зависть в жизни общественной есть род остракизма, поражающего тех, кто чрезмерно возненосится, и служит поэтому уздой для облеченных властью.

Такая зависть по-латыни зовется «*invidia*», а в новых языках именуется недовольством; о ней мы еще скажем, говоря о мятежах. В государстве она подобна моровой язве, ибо, как моровая язва постепенно заражает все здоровое, так и зависть, раз появившись в стране, порочит самые благие дела и толкует их дурно. Тогда мало пользы и от уступок, ибо они лишь укажут на слабость правителей и страх перед завистью, а от этого бывает только хуже, опять-таки как с заразой, которую, чем больше бояться, тем легче схватить.

Зависть в общественной жизни направлена большей частью на главных чиновников и министров, а не на государей и государство. Но если недовольство каким-либо чиновником сильнее, чем он того заслуживает, или же распространяется на все их сословие, это есть верный признак того, что недовольство втайне направлено против самого государства. На этом покончим с завистью в общественной жизни, или, иначе, недовольством, и с отличиями ее от зависти в частной жизни, о которой была речь вначале.

Вообще же добавим, что зависть из всех страстей самая упорная и неугомонная. Для других страстей есть час и время; о зависти же недаром сказано: «*Invidia festos dies non agit*». [45 – «Зависть праздников не соблюдает».] Замечено также, что любовь и зависть иссушают человека, – не то, что другие страсти, действующие не столь постоянно. Зависть также есть гнуснейшая из страстей – недаром является она главной принадлежностью дьявола: он и есть тот завистник, который, «когда люди спали, пришел, и посеял между пшеницею плевелы, и ушел». [46 – Нов. Зав., Матф., гл. 13, ст. 25.] Ибо зависть всегда творит свое дело во мраке и втайне, на погибель добрым посевам.

X. О любви

Сцена более благосклонна к любви, чем человеческая жизнь. Ибо на сцене любовь, как правило, является предметом комедий, и лишь иногда – трагедий; но в жизни она приносит много несчастий, принимая иногда вид сирены, иногда – фурии. Можно заметить, что среди всех великих и достойных людей, (древних или современных, о которых сохранилась память) нет ни одного, который был бы увлечен любовью до безумия; это говорит о том, что великие умы и великие дела, действительно, не допускают развития этой страсти, свойственной слабым. Тем не менее необходимо сделать исключение в отношении Марка Антония, соправителя Рима, и Апия Клавдия, децемвира и законодателя, из которых первый был действительно человеком сластолюбивым и неумеренным, а второй – строгим и мудрым. А поэтому нам представляется, что любовь (хотя и редко) может найти путь не только в сердце, для нее открытое, но и в сердце, надежно от нее защищенное, если не быть бдительным. Плохо говорит

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Эпикур: «*Satis magnum alter alteri theatrum sumus*»[47 - «Каждый из нас для другого является великий театр». Сенека, «Письма», 1, 7.] – как будто человек, созданный для созерцания небес и всех благородных предметов, не должен делать ничего, как стоять на коленях перед маленьким идолом и быть рабом, не скажу, низменных желаний (подобно животным), но зрения, которое было дано ему для более возвышенных целей.

Интересно отметить эксцессы, свойственные этой страсти, и то, как она идет наперекор природе и истинной ценности вещей; достаточно вспомнить постоянное употребление гипербол в речи, которые приличествуют только когда говорят о любви, и больше нигде. И дело не только в гиперbole; ибо хотя и хорошо было сказано, что архильстецом, в присутствии которого все мелкие льстецы кажутся разумными людьми, является наше самолюбие, однако, безусловно, влюбленный превосходит и его. Ведь нет такого гордого человека, который так до абсурда высоко думал бы о себе, как думают влюбленные о тех, кого они любят; и поэтому правильно сказано, что «невозможно любить и быть мудрым». И нельзя сказать, что эту слабость видят только другие люди, а тот, кого любят, ее не видит: нет, ее видит прежде всего любимый человек, за исключением тех случаев, когда любовь взаимна. Ибо истинное правило в атом отношении состоит и том, что любовь всегда вознаграждается либо взаимностью, либо скрытым и тайным презрением. Тем более мужчины должны осторегаться этой страсти, из-за которой теряются не только другие блага, но и она сама. Что касается до других потерь, то высказывание поэта действительно хорошо их определяет: тот, кто предпочитает Елену, теряет дары Юноны и Паллады. Ведь тот, кто слишком высоко ценит любовную привязанность, теряет и богатство, и мудрость. Эта страсть достигает своей высшей точки в такие времена, когда человек более всего слаб, во времена великого процветания и великого бедствия, хотя в последнем случае она наблюдалась меньше; оба эти состояния возбуждают любовь, делают ее более бурной и тем самым показывают, что она есть дитя безрассудства.

Лучше поступает тот, раз уж невозможно не допустить любви, удерживает ее в подобающем ей месте и полностью отделяет от своих серьезных дел и действий в жизни: ибо если она однажды вмешается в дела, то взбаламучивает судьбы людей так сильно, что люди никак не могут оставаться верными своим собственным целям. Не знаю, почему военные так предаются любви; я думаю, это объясняется тем же, почему они предаются вину, ибо опасности обычно требуют того, чтобы их оплачивали удовольствиями. В природе человека есть тайная склонность и стремление любить других; если они не расходятся на кого-либо одного или немногих, то, естественно, распространяются на многих людей и побуждают их стать гуманными и милосердными, что иногда и наблюдается у монахов. Супружеская любовь создаст человеческий род, дружеская любовь совершенствует его, а распутная любовь его развращает и унижает.

XI. О высокой должности[48 - этот опыт «Of Great Place» впервые опубликован в 1612 г. В латинском издании 1638 г. он называется «De Magistratibus et dignitatibus».]

Высокая должность делает человека слугой трех господ: слугой государя или государства, слугой людской молвы и слугой своего дела; он уже не хозяин ни себе, ни своим поступкам, ни своему времени. Не странно ль стремиться к власти ценой свободы или к власти над людьми ценой власти над собою? Возвышение стоит трудов; а там одни тяготы влекут за собой другие, тягчайшие; возвышение требует порой унижения, а честь достается бесчестьем. На высоком месте нелегко устоять, но нет и пути назад, кроме падения или по крайней мере заката – а это печальное зрелище: «*Cum non sis, qui fueris, non esse, cur velis vivere*».[49 - «Когда ты уже не тот, чем был, у тебя нет причин быть привязанным к жизни». Цицерон, «Письма к близким», VIII, 3.] Нет, люди не в силах уйти на покой, когда хотели бы; не уходят они и тогда, когда следует; уединение всем нестерпимо, даже старости и немощам, которые надо бы укрывать в тени; так, старики вечно сидят на пороге, хотя и предают этим свои седины на посмеяние.

Высоким особам, чтобы считать себя счастливыми, необходимо справляться о мнении других, ибо сами они не могут чувствовать счастья. Им надо думать о себе то, что думают о них другие, кто охотно оказался бы на их месте, и тогда они счастливы или слывут таковыми. Но втайне они, быть может, иного мнения; ведь они первыми узнают о своих горестях и последними – о своих

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org ошибках. И всегда высокие особы – чужие самим себе; в сутолоке дел им недосуг позаботиться о здоровье телесном или душевном: «*Ille mors gravis incubat, qui notus nimis omnibus, ignotus moritur sibi*».[50 – «Смерть страшна, тяжела тому, кто, хорошо известный всем, сам до смерти не знал себя». Сенека, «Тиэт», действ. II, ст. 470–472.] Высокая должность позволяет творить как добро, так и зло; в этом смысле она – проклятие, ибо, чтобы уберечься от зла, мало не хотеть его, надо еще и не мочь. Зато возможность делать добро есть подлинное и законное оправдание властолюбию, ибо добрые помыслы, конечно, угодны Богу, но людям от них не более проку, чем от сладостных снов, покуда помыслы не воплощены в дела; а это невозможно без высокого сана и власти, служащих удобной позицией. Заслуги и добрые дела есть цель наших трудов, а сознание такиховых – венец нашего отдыха. Кто может, как Господь Бог, созерцать свои творения, может и почтить от трудов своих. «*Et conversus deus, ut aspiceret opera, quae fecerunt manus sua, vidit quod omnia essent bona nimis*»[51 – «И увидел Бог все, что он создал, и вот, хорошо весьма». Ветх. Зав., кн. Бытие, гл. 1, ст. 31.] – а там и отдохнул в день субботний.

В отправлении должности следуй лучшим образцам, ибо примеры стоят целого сборника прописей. А спустя немного, возьми за образец себя самого и со всей строгостью выясни, не лучше ли шло у тебя дело вначале. Не пренебрегай и примером тех, кто в той же должности выказал себя дурно – не для того, чтобы порочить их память и тем прибавлять себе заслуг, но чтобы знать, чего надлежит избегать. Итак, вводи улучшения без похвальбы и без поношения предшественников и прежних порядков; но возьми себе за правило не только следовать достойным примерам, а и самому создавать их. Возводи все установления к первооснове и старайся проследить, в чем и как подверглись они искажениям; но совета ищи и у старых времен и у новых: у старых заимствуй, что лучше, у новых – что пригоднее. По возможности будь последователен, дабы люди заранее знали, чего ожидать; но не будь чересчур самонадеян и своееволен и разъясняй свое поведение, если отступаешь от обычных своих правил. Блюди подобающие тебе права, но не взывай при этом к законам; лучше утвердиться в своем праве молча и *de facto*, нежели заявлять о нем громко и вызывающе. Блюди также права своих подчиненных и считай за большую честь руководить в главном, нежели вмешиваться во все. Привлекай помощников и советников и не гони за докучливость тех, кто осведомляет тебя, но, напротив, встречай их приветливо.

Власть имущим присущи четыре главных порока: промедления, подкупность, грубость в обхождении и податливость. Чтобы не было промедлений, облегчи к себе доступ; держись назначенных сроков; не откладывай повседневных дел и без крайней нужды не берись за несколько дел сразу. Чтобы не было подкупов, свяжи не только руки берущие – т. е. свои и слуг своих, но также и руки дающие – своих просителей. Для первого надо лишь быть неподкупным, для второго же – открыто о том заявлять и клеймить лихоимство. Избегай не только проступка, но и подозрения. Кто переменчив и меняется без видимой причины, может быть заподозрен в подкупности. Поэтому всякую перемену во мнениях или образе действий провозглашай открыто, вместе с причинами, к ней побудившими, но не вздумай утаивать. Доверенный слуга или любимец, если по видимости ничем не заслуживает доверия, всеми считается обычно за пособника в тайном лихоимстве. Что касается грубого обхождения, то это ненужный повод к недовольству. Строгость рождает страх, но грубость рождает ненависть. От властей и порицание должно быть степенным, а не оскорбительным. Что до податливости, то она хуже лихоимства; ибо взятки берут лишь от случая к случаю, а кто поддается назойливости или пустой лести, того никогда не оставляют в покое. Как говорит Соломон: «Быть лицеприятным – нехорошо: такой человек и за кусок хлеба предаст истину».[52 – Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 28, ст. 21.]

Справедлива древняя поговорка: «Место кажет человека». Только одних оно кажет в хорошем виде, а других – в плохом. «*Omnium consensu сарах imperii, nisi imperasset*»,[53 – «Все считали его способным стать императором, пока он им не стал». Тацит, «История», кн. I, 49.] – сказал Тацит о Гальбе; но о Веспасиане он говорит: «*Solus imperantium, Vespasianus mutatus in melius*».[54 – «Единственный, кто, ставши принцепсом, изменился к лучшему», Тацит, «История», кн. I, 50.] Правда, в первом случае речь идет о способностях; во втором – о нраве и обхождении. Кого почести изменяют к лучшему, тот наверняка по природе великодушен. Ибо почести подобают – или должны подобать – именно добродетели; и как в природе все движется стремительно к своему месту и спокойно – по достижении его, так и добродетель стремительна, когда одержима честолюбием, и умиротворяется,

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org когда облечена властью. На большую высоту всегда восходят не прямо, но по винтовой лестнице; и если имеются партии, то при восхождении нужно искать опоры, а взойдя на вершину – равновесия. К памяти предшественника будь справедлив и почтителен, ибо иначе этот долг наверняка отдадут ему после тебя. К соратникам имей уважение; лучше призвать их, когда они того не ждут, чем обойти, когда они надеются быть призванными. В личных беседах с просителями не следует слишком помнить о своем сане или напоминать о нем; но пусть лучше о тебе говорят: «Когда он в должности, он совсем другой человек».

XII. О бойкости

Следующая ходячая школьная притча заслуживает, однако, внимания человека вдумчивого. Однажды Демосфена спросили: какой дар всего нужнее оратору? Тот ответил: «Жест». А затем? – «Жест». А еще? – «Опять-таки жест». Так говорил тот, кто лучше всех мог судить об этом, хотя сам природой не был предназначен для успеха в том, что так восхвалял.[55 – Афинский оратор Демосфен (384–344 до н. э.) страдал врожденными недостатками речи и преодолел их упорными упражнениями.] Не странно ли, что этот дар, внешний и относящийся, скорее, к искусству актера, ставится выше других благородных талантов: воображения, дара речи и прочих, и даже как бы объявляется единственным. Причина, однако ж, ясна. Человеческой натуре вообще более сродни глупость, нежели мудрость; а потому и качества, пленяющие людскую глупость, имеют наибольшую силу воздействия.

В прочих житейских делах такую же точно силу имеет бойкость. Что нужнее всего? – Бойкость. А что во-вторых и в-третьих? – Опять-таки бойкость. А между тем бойкость – дитя низости и невежества и не идет в сравнение с другими талантами; и все же она прельщает и покоряет всех, кто либо слаб разумом, либо робок духом – а таких всегда много; в минуты же слабости подчиняет себе и мудрых. Вот почему бойкость творит чудеса при народовластии, но меньше при сенатах и монархах; и всегда бойкие достигают большего при первом своем появлении, чем в дальнейшем, ибо бойкость плохо держит свои обещания.

Как есть шарлатаны, обещающие исцеление телу, так есть и шарлатаны в политических исцелениях. Они сулят чудеса и бывают, быть может, удачливы раз или два, но, не зная основ всей науки, не могут удерживаться долго. Не раз приходится бойким свершать чудо Магомета. Магомет уверил народ, что призовет к себе гору и с вершины ее вознесет молитвы за правоверных. Народ собрался. Магомет вновь и вновь взывал к горе; когда же гора не тронулась с места, он, ничуть не смущаясь, сказал: «Если гора не идет к Магомету, Магомет придет к горе». Так и эти люди, посулив чудеса и потерпев постыдную неудачу, умеют, если вполне овладели искусством бойкости, ловко отвести глаза, да на том и кончить дело.

Конечно, для людей мыслящих бойкость представляет забавное зрелище, да и в глазах толпы она смешна; ибо если смешным почитается нелепое, то крайняя бойкость с нелепостью почти неразлучна. Особенно забавно видеть, как бойкий бывает приведен в смущение и как лицо его при этом вытягивается и деревенеет; оно и неудивительно: кто скромен, тому не привыкать смущаться; но на бойких в подобных случаях находит столбняк – вроде пата в шахматной игре, когда и мата нет и с места сойти нельзя. Последнее, впрочем, составляет скорее предмет сатиры, нежели серьезных наблюдений.

Надо хорошо помнить, что бойкость всегда слепа: она не различает опасностей и препятствий, а потому непригодна советнику, но нужна исполнителю; так что бойких лучше не выдвигать на первое место, но ставить под начало других, ибо при обсуждении дела полезно видеть все его опасности, а при выполнении лучше не видеть их, разве когда они очень уж велики.

XIII. О доброте и добродушии

Под добротой я разумею заботу о благе людей, называемую у греков «филантропией»; слово «гуманность» (как оно употребляется ныне) для нее несколько легковесно. Добротой я называю деяние, добродушием же – природную

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org склонность. Изо всех добродетелей и достоинств доброта есть величайшее, ибо природа ее божественна; без нее человек – лишь суетное, вредоносное и жалкое создание, не лучше пресмыкающегося. доброта соответствует евангельскому милосердию; излишество в ней невозможно, возможны лишь заблуждения. Чрезмерное властолюбие привело к грехопадению ангелов, чрезмерная жажда знания – к грехопадению человека; милосердие же не бывает чрезмерным и не может ввести в грех ни человека, ни ангела.

Склонность творить добро заложена глубоко в природе человеческой; когда она не изливается на людей, то направляется на другие создания; это видим мы у турок, народа жестокого, который, однако же, добр к животным и подает милостыню собакам и птицам. Как рассказывает Бусбек,[56 – Бусбек, Ожье Жислен (1522–1592) – австрийский ученый и дипломат, был послом в Турции и издал «Legationis Turcicæ Epistolæ» (1589 г.).] Бэкон неточно передает его рассказ: один ювелир прибил живую птицу над дверью, распялив ей клюв палкой. Эту неточность Бэкон исправил в латинском издании.] дело доходит до того, что однажды в Константинополе христианский мальчик едва не был побит камнями за то, что из шалости заткнул клюв птицы. Но в добродетели милосердия, или доброте, таится опасность заблуждения. Есть у итальянцев злая поговорка: «Tanto buon che val niente» – «Так добр, что ни к чему не годен». А один из ученых итальянцев, Никколо Макиавелли, имел дерзость прямо написать, что «христианская вера делает добрых добычею несправедливости и тирании».[57 – См. Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», кн. II, гл. 2.] Это могло быть сказано потому, что ни один закон и ни одно учение так не превозносит доброту, как это делает христианство.

Во избежание как подобных дерзостей, так и указанной опасности следует знать, какие именно заблуждения свойственны столь превосходному качеству. Стремись ко благу ближних, но не будь рабом их прихотей или притворства, ибо это будет всего лишь податливость, или слабоволие, обращающие в рабство отличных людей. Не одаривай также жемчугом Эзопова петуха,[58 – Имеется в виду эзоповская басня «Петух и жемчужное зерно». Федр, «Басни», III, 12.] когда ячменное зерно его более осчастливило бы. Пред тобой пример Господа твоего: «Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посыпает дождь на праведных и неправедных»;[59 – Нов. Зав., Матф., гл. 5, ст. 45.] но он не изливает богатств и почестей на всех без различия. Необходимо должно быть доступно всем, но особые блага надлежит распределять с разбором. Остерегайся также разбить оригинал, делая слепок; оригиналом же, согласно Писанию, является любовь к самому себе, а любовь к ближнему – лишь слепком. «Все, что имеешь, продай и раздай нищим... и приходи, последуй за мною...».[60 – Нов. Зав., Марк., гл. 10, ст. 21.] Но не продавай всего, что имеешь, если не готов последовать за мной, т. е. если нет призыва, которое позволит тебе с малыми средствами делать столько же добра, сколько с большими; иначе, питая потоки, осушишь ключи.

Впрочем, добро творится не только по разуму; в некоторых людях и даже в природе существует естественное к нему расположение, как существует, с другой стороны, и прирожденная злобность, по природе своей не терпящая чужого благополучия. В более легкой степени злобность оборачивается простой угрюмостью, или упрямством, или склонностью перечить; худший же вид ее – зависть и злонравие. В чужом несчастье такие люди чувствуют себя как рыбы в воде и на редкость умеют его отягчить; это не собаки, лизавшие язвы Лазаря, а, скорее, мухи, без устали жужжащие над открытой раной; эти *misanthropi* постоянно заняты тем, что доводят людей до петли, но даже дерева не припасают им для этого, как Тимон.[61 – *Misanthropi* – «человеконенавистники» (лат.).] Тимон – афинский гражданин, живший во времена Пелопоннесской войны. Язвительно издеваясь над нравами своих соотечественников, он отказался от всякого общения с ними и в античных комедиях осмеивался как враг и ненавистник людей. Бэкон, по-видимому, имеет в виду то место у Плутарха, где рассказывается о выступлении Тимона в Собрании: «Есть у меня, господа афиняне, участочек земли подле дома, и там растет смоковница, на которой уже немало из моих любезных сограждан повесилось. Так вот, я собираюсь это место застроить и решил всех вас предупредить – на тот случай, если кто желает удавиться; пусть приходит поскорее, пока дерево еще не срублено». Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Антоний, LXX).] Люди подобного нрава являются поистине ошибками природы, но вместе с тем и наилучшим материалом для создания великих политиков; это как бы узлистое дерево, пригодное для кораблей, предназначенных к бурным плаваниям, но не для домов, коим надлежит стоять прочно.

Признаки доброты многочисленны. Если человек приветлив и учтив с чужестранцами, это значит, что он гражданин мира и что сердце его не остров, отрезанный от других земель, но континент, примыкающий к ним. Если сочувствует чужому несчастью, это показывает, что сердце его, как благородное дерево, источает бальзам из собственных ран. Если легко прощает обиды, это значит, что дух его выше оскорблений и не может потерпеть от них урона. Если признателен за малые дары, это означает, что в людях ценит душу, а не имущество. Если же он достиг совершенства апостола Павла и готов быть отлученным от Христа за братьев своих, [62 - Нов. Зав., Посл. Римлян., гл. 9, ст. 3.] это указывает на божественную природу и как бы родство с самим Христом.

XIV. О знати[63 - Этот опыт «Of Nobility» впервые был напечатан в 1612 г. в третьем издании 1625 г. он значительно расширен и исправлен. Во всех предшествующих русских изданиях он переводился «О дворянстве», что, на наш взгляд, стушевывает смысл бэконовской социальной характеристики. В последующих текстах у Бэкона встречается противопоставление «nobility» и «gentry».]

О знати я намерен говорить сперва как о сословии в государстве, а затем как об отличиях отдельных лиц.

Монархия, где вовсе отсутствует знать, всегда бывает чистым деспотизмом и тиранией, наподобие турецкой. Ведь знать умеряет власть монарха и отвлекает взоры народа от королевского дома. Демократиям она не нужна: там, когда нет знатных родов, обыкновенно бывает больше покоя и меньше склонности к смутам; ибо внимание людей устремляется тогда на дело, а не на лица; а если на лица, то опять-таки в поисках наиболее пригодных для дела, но не ради гербов и родословных. Мы видим, например, что Швейцарская республика держится прочно, несмотря на множественность вероисповеданий и кантонов, ибо покоится на принципе полезности, а не привилегий. Преуспевают также благодаря своему управлению Соединенные Провинции; ведь, где господствует равенство, там решения правительства беспристрастнее, а подати и повинности выплачиваются охотнее. Многочисленная и могущественная знать придает монарху величие, но ограничивает его власть, ободряет народ, но ложится на него бременем. Хорошо, когда знать не более могущественна, чем это необходимо в интересах государя и закона, однако же достаточно сильна, чтобы служить трону оплотом против наглости черни. Многочисленная знать несет стране разорение, ибо увеличивает расходы; к тому же многие из ее числа со временем неизбежно беднеют, создавая тем самым несоответствие состояния со званием.

Что касается знатности отдельных лиц, то мы благоговейно взираем на древний замок, уцелевший от разрушения, или на вековой дуб со здоровой сердцевиной; а тем более – на древний знатный род, устоявший против волн и бурь времени. Ибо новая знать есть дело рук монарха, старая же – дело времени. Основатели знатных родов имели обычно большее доблести, но меньше добродетелей, нежели их потомки, ибо редко бывает возвышение без того, чтоб к заслугам не примешивались темные дела. Но справедливо, чтобы слава их переходила к потомству, а пороки погребены были вместе с ними. Знатное рождение обычно отвращает от труда; а кто не трудится, тот завидует прилежанию. К тому же знатному некуда возвышаться далее; а кто застыл на месте, когда другой подымается, тот едва ли избежит чувства зависти. Знатных же само рождение ограждает от зависти других, потому что почести им полагаются. Государи, насчитывающие среди своей знати людей даровитых, могут употребить их на службе с большей пользой и удобством, ибо люди склонны подчиняться тем, кто как бы рожден повелевать.

XV. О смутах и мятежах[64 - Опыт «Of Seditions and Troubles» был впервые напечатан в итальянском издании 1618 г. и затем в английском 1625 г. В комментарии к нему Ф. А. Коган-Бернштейн указывает, что в своем анализе классовой структуры английского общества Бэкон часто исходит из более давних социальных отношений раннетюдоровского периода. В связи с этим она ставит весьма существенную задачу – проследить, в какой мере в социально-политических воззрениях и идеалах Бэкона, запечатленных в «Essays», отразились и сплелись установки раннетюдоровского,

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org елизаветинского и стюартовского времени.]

Пастырям народов надлежит разбираться в предзнаменованиях политических бурь, которые обычно всего сильнее, когда дело идет о равенстве, подобно тому как в природе бури всего сильнее ближе к равноденствию. И, как бурям предшествует глухой шум ветра и вздымание волн, так и в государствах:

...Ille etiam caecos instare tumultus

Saepet monet, fraudesque, et operta tumescere bella.[65 - Вергилий, «Георгики», кн. I, ст. 464–465: «...О смутах незримых она предваряетчасто, о кознях и скрытой войне, набухающей тайно».]

Предвестниками смуты следует считать пасквили и крамольные речи, когда они часты и смелы, а также ложные слухи, порочащие правительство, когда они возникают часто и охотно подхватываются. Вергилий в родословной Молвы говорит, что она доводилась сестрою гигантам:

Illam Terra parens, ira irritata deorum,

Extremam (ut perhibent) Соео Enceladeque sororem Progenuit...[66 - Вергилий, «Энеида», кн. IV, ст. 178–180: «Оную Матерь Земля, на богов распаленная гневом, Младшую, как повествуют, сестру Энкеладу с КеемПроизвела...».]

Добро бы еще молва была лишь отзвуком прошедших смут, но она является также и провозвестницей смут грядущих. Однако же поэтом верно подмечено, что мятежи и мятечные слухи не более отличаются друг от друга, чем брат от сестры, мужской пол от женского, особенно когда уже и самые благие постановления правительства, коим надлежало бы вызвать всеобщее одобрение, толкуются превратно и в дурном смысле, ибо это показывает, что недовольство велико. Как говорит Тацит: «Conflata magna invidia, seu bene, seu male, gesta premunt». [67 - Бэкон перефразирует место из Тация: «Отныне, что бы принципес ни делал, хорошее или дурное, – все навлекало на него равную ненависть»; «История», кн. I, 7.] Но из того, что подобные слухи являются предвестиями смуты, не следует еще, что чрезмерно суворое их подавление поможет избежать смуты. Для прекращения слухов часто лучше всего пренебречь ими, а усердные попытки пресечь их лишь продлят им веку. Не следует также доверять тому повиновению, о котором Тацит говорит: «Erant in officio, sed tamen qui mallent mandata imperantium interpretari, quam exequi». [68 - у Тация: «Солдаты были настроены бодро, но предпочитали обсуждать приказы командиров, а не выполнять их»; «История», кн. II, 39.] Обсуждения, отговорки и придирики к распоряжениям властей – все это уже попытки сбрить ярмо и упражнения в неподчинении, особенно если при этом сторонники приказа высказываются робко и нерешительно, а противники его – с дерзостью.

далее, как верно подмечает Макиавелли, [69 - Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» кн. III, гл. 27.] если государь, обязанный быть отцом всем своим подданным, отождествляет себя с какой-либо из партий и склоняется к одной из сторон, он уподобляет свое правление кораблю, который опрокидывается от неравномерного размещения груза. Это мы можем видеть на примере Генриха III французского, который сперва сам присоединился к Лиге для истребления протестантов, а вскоре за тем эта же Лига обратилась против него самого. Ибо, когда монаршая власть окажется подчинена партийным целям и появятся иные узы, связующие крепче, нежели узы подданства, монарха можно считать уже почти низложенным.

далее, когда распри, раздоры и столкновения партий происходят открыто и дерзко, это признак того, что уважение к властям утрачено. Ибо движения даже видных людей в государстве должны быть подобны движениям планет под воздействием «primum mobile», [70 - «Первый двигатель» – в аристотелевско-птолемеевской системе мира первоисточник движения, помещающийся за сферой неподвижных звезд.] а это, согласно древнему учению, означает, что каждая из них подчиняется быстрому движению высшего порядка и более медленно движется сама по себе. Поэтому, когда вельможи устремляются собственным путем слишком решительно и, как хорошо выразился Тацит, «liberius, quam ut imperantium meminissent», [71 - у Тация; «Так открыто,

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
что можно было подумать, будто они забыли о своих повелителях»; «Анналы»,
кн. III, 4.] это означает, что пришла в расстройство вся планетная система;
ибо почестями государи облечены от самого господа, который сам и грозит
лишением их: «Solvam cingula regum». [72 - «Сниму пояса с чресл царей». Ср.
Ветх. Зав., кн. Исаи, гл. 14, ст. 25.]

Поэтому, когда расшатан любой из четырех столпов, коими держится
правление, – религия, правосудие, совет и казна – людям надобно молиться,
чтобы их миновала беда. Но оставим прорицания (которые, впрочем, станут
более ясными из дальнейшего) и посмотрим, каковы материальные причины
мятежей, какие поводы их вызывают и, наконец, какие существуют против них
средства. Что касается материальных причин для мятежей, то они заслуживают
пристального внимания, ибо вернейшим средством предотвращения мятежа (если
времена это позволяют) является именно устранение его материальной причины.
Ведь когда горючий материал налицо, можно отовсюду ждать искры, которая
воспламенит его. Причины же, коими вызываются мятежи, бывают двоякие:
великий голод и великое недовольство. Можно сказать наверное: сколько в
государстве разоренных, столько готовых мятежников. Лукан отлично описал
состояние Рима перед гражданской войной:

Hinc usura vorax, rapidumque in tempore foenus,

Hinc concussa fides, et multis utile bellum. [73 - Бэкон неточно цитирует
Лукана, «Фарсалия», кн. 1, ст. 181-182: «Хищный отсюда процент, беспощадные
сроки уплаты, и поколеблен кредит, и война стала выгодной многим».]

Вот эта-то «multis utile bellum» и есть верный и безошибочный признак того,
что государство расположено к смутам и мятежам. А если к разорению и
оскудению знати прибавляется обнищание простого народа, опасность
становится велика и неминуема, ибо мятежи, вызываемые брюхом, есть
наихудшие. Что касается недовольства, то оно в политическом теле подобно
мокротам в теле человека, которые способны вызывать жар и воспаляться. И
пусть ни один правитель не вздумает судить об опасности недовольства по
тому, насколько оно справедливо; ибо это значило бы приписывать народу
чрезмерное благоразумие, тогда как он зачастую противится собственному
своему благу; пусть не судит об опасности также и по тому, сколь велики на
деле обиды, вызывающие волнения, ибо то недовольство опаснее всего, в
котором страх сильнее прочих чувств: «Dolendi modus, timendi non item». [74
– «Только для печали есть граница, а для страха – никакой». Плиний Младший,
«Письма», кн. VIII, 17, 6.] К тому же, когда угнетение действительно
велико, оно не только истощает терпение народа, но и подавляет его волю; не
то бывает, когда народ охвачен лишь страхом. И пусть монархи и правители
перед лицом недовольства не утешаются тем, что так-де бывало уже не раз и,
однако же, никакой беды не случалось; ибо хотя и верно, что не всякая туча
принесет грозу, но верно и то, что гроза, много раз пройдя стороной,
наконец разражается. Как гласит испанская поговорка, «дай срок, и веревка
оборвется, как легонько ни дернуть».

Причинами и поводами к мятежам являются религиозные новшества, налоги,
изменения законов и обычая, нарушения привилегий, всеобщее угнетение,
возвышение людей недостойных или чужеземцев, недород, распущенные после
похода солдаты, безрассудные притязания какой-либо из партий, – словом,
все, что, возбуждая недовольство, сплачивает и объединяет народ на общее
дело.

Что касается средств против мятежей, то существуют кое-какие общие меры
предохранения, на которые мы и укажем, однако на каждый случай болезни –
свое лекарство; так что здесь лучше советовать, чем предписывать.

Первым из лекарств будет устранение всеми возможными средствами тех
материальных причин для мятежа, о которых мы уже говорили, а именно голода
и нищеты в стране. Цель эта достигается: открытием торговых путей и
благоприятным торговым балансом, поощрением мануфактур, искоренением
праздности, обузданием роскоши и расточительства посредством особых
законов, усовершенствованием земледелия, регулированием цен на все предметы
торговли, уменьшением налогов и пошлин и тому подобным. Вообще надобно
заботиться, чтобы население королевства (особенно, если его не косят войны)
не превышало средств к его существованию; причем население надлежит
измерять не одним лишь числом, ибо небольшое число людей, если они

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org потребляют больше, а работают меньше, скорее истощит государство, нежели большое число таких, которые живут скромнее, но больше производят. Поэтому чрезмерное увеличение знати и других привилегированных групп по сравнению с численностью простого народа не замедлит ввергнуть страну в нищету; к этому ведет и чрезмерно многочисленное духовенство, ибо оно ничего не вносит в общий запас, а также – если больше людей готовить к ученому званию, нежели найдется для них должностей.

Поскольку обогащение страны может происходить лишь за счет торговли с иноземцами (у себя что выгадал на одном, то потерял на другом), надлежит помнить, что одна страна продает другой лишь три вида товаров: сырой продукт, как его дарует природа, обработанный продукт и, наконец, перевозку и доставку. Так что, если вертятся все эти три колеса, богатство должно хлынуть в страну подобно вешним водам. И зачастую случается, что «*materiam superabit opus*», [75 – «Материал превзошел мастерство»; Овидий, «Метаморфозы», кн. II, ст. 5.] т. е. работа и перевозка превосходят ценность самого продукта и больше обогащают государство; это особенно видно на примере жителей Нидерландов, владеющих лучшей в мире такой золотой жилой. [76 – Имеется в виду богатство Голландии, прибыльные фрахты, составлявшие значительную статью ее дохода.]

Но всего более правительству надлежит заботиться, чтобы деньги и драгоценности не скоплялись в руках немногих; иначе государство может иметь большой их запас и все же терпеть нужду. Ведь деньги, подобно навозу, бесполезны, покуда не разбросаны. А для этого надо искоренять или по крайней мере строго ограничивать такие хищнические дела, как ростовщичество, монополии, огораживания и тому подобное.

Что касается средств к устраниению недовольства или хотя бы опасностей, при этом возникающих, напомним, что в каждом государстве имеются (как известно) два сословия: знать и простой народ. Когда недовольно одно из них, опасность еще не велика, ибо простой народ не склон на подъем, если вельможи его к этому не возбуждают; а те бессильны, если сам народ не расположен к возмущению. Опасность тогда велика, когда знать только и ждет смуты в народе, чтобы тотчас выступить самой. Поэты рассказывают, что боги вздумали как-то сковать Юпитера; он же, прослушав о том и наученный Палладой, послал просить подмоги у сторукого Бриарея. Смысл этой аллегории, без сомнения, в том, что государям всего надежнее заручиться расположением простого народа.

Даровать народу некоторые вольности, возможность приносить жалобы и изливать недовольство (лишь бы это было без излишней наглости и угроз) тоже будет спасительной мерой; ибо, кто загоняет гнилые мокроты внутрь и допускает внутреннее кровоизлияние, вызывает этим злокачественные нарывы и смертоносные язвы.

В случае недовольства Прометею была бы под стать роль Эпиметея, ибо с этой бедой никто не сумел бы сладить лучше, чем он. Эпиметей, выпустив на волю бедствия и зло, закрыл наконец крышку и удержал на дне сосуда надежду. В самом деле, искусно и ловко тешить народ надеждами, вести людей от одной надежды к другой есть одно из лучших противоядий против недовольства. Поистине, мудро то правительство, которое умеет убаюкивать людей надеждами, когда оно не может удовлетворить их нужды, и ведет дело таким образом, чтобы любое зло смягчено было надеждой; а это не так уж трудно, ибо как отдельные лица, так и целые партии весьма склонны тешить себя надеждами или хотя бы заявлять о них вслух, если сами уж им не верят.

Общеизвестной, но тем не менее прекрасной мерой предосторожности является забота о том, чтобы у недовольных не оказалось подходящего вожака, который бы мог их объединить. Говоря о подходящем предводителе, я разумею такого, который обладает и именем, и значением, пользуется доверием недовольных, привлекает к себе их взоры и сам имеет причины быть в числе недовольных; такого надлежит либо привлечь на сторону правительства, причем незамедлительно и надежно, либо противопоставить ему другого, принадлежащего к той же партии, чтобы ослабить таким образом его популярность. Вообще разделение и раскалывание всех враждебных государству союзов и партий посредством стравливания их между собой и создания меж ними недоверия можно считать неплохим средством, ибо плохо дело, когда сторонники правительства предаются раздорам и разъединены, а противники его сплочены и едины.

Замечено, что поводом к мятежу может стать иное острое и колкое слово в
Страница 20

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org устах государя. Цезарь нескованно повредил себе словами: «*Sylla nescivit literas, non potuit dictare*», [77 - «Сулла был неграмотен, а потому не мог диктовать»]. Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Божественный Юлий, 77).] ибо эти слова убили в людях надежду, что сам он когда-либо откажется от диктатуры. Гальба погубил себя, когда сказал: «*Legi a se militem, non emi*», [78 - «Набирает солдат, а не покупает», Тацит, «История», кн. 1, 5.] тем самым лишив своих солдат надежды на вознаграждения. То же сделал и Проб словами: «*Si vixero, non opus erit amplius Romano imperio militibus*» [79 - «Если буду жив, Римская империя не будет нуждаться в солдатах». Flavius Vopiscus, «Probus», 20.] – словами, которые повергли воинов в отчаяние. Подобных примеров множество. Вот почему в щекотливых делах и в трудные минуты государям следует высказываться крайне осторожно, особенно в тех кратких суждениях, которые мгновенно облетают свет и считаются за истинное выражение их тайных намерений. Ведь пространные речи – вещь прескучная, и прислушиваются к ним куда меньше.

И наконец, пусть государи на всякий случай имеют при себе одного, а еще лучше нескольких лиц, известных своей воинской доблестью, для подавления мятежей в самом начале. Ибо иначе двор при первых же признаках смуты приходит в неподобающее волнение, и государству грозит та опасность, о которой говорит Тацит: «*Atque is habitus animorum fuit, ut pessimum facinus auderent pauci, plures vellent, omnes patarentur*». [80 - «Словом, судя по общему настроению, на последнее злодеяние решились лишь некоторые, сочувствовали ему многие, готовились и выжидали все». Тацит, «История», кн. I, 28.] необходимо, однако, чтобы эти военачальники были людьми надежными и почтенными, а не любителями расколов и искателями популярности и чтобы они были в ладах с другими важными особами в государстве; иначе лекарство это может оказаться опаснее самой болезни.

XVI. О безбожий

Я скорее поверил бы всем сказкам Легенды, [81 - Комментаторы считают, что имелся в виду сборник «Золотая Легенда», содержащий повествования о житиях и чудесах святых. Составлен он был в XIII в. доминиканцем Яковом Ворагинским.] Талмуда и Корана, чем тому, что это устройство Вселенной лишено разума. И следовательно, Бог никогда не творил чудес, чтобы убедить атеистов в своем существовании, потому что в этом их убеждают его обычные деяния. Поистине, поверхностная философия склоняет ум человека к безбожию, глубины же философии обращают умы людей к религии. Ведь, когда ум человеческий созерцает рассеянные всюду вторичные причины, он порой может остановиться на них и не идти дальше; но, когда он охватил их цепь целиком, объединил и связал друг с другом, он неизбежно воспаряет ввысь, к провидению и божеству.

Даже та школа, которую более всех обвиняют в безбожии, в действительности демонстрирует свою большую религиозность, т. е. школа Левкиппа, Демокрита и Эпикура. Ведь в тысячу раз более вероятно предположение о том, что четыре изменяющихся элемента и одна неизменная пятая сущность, должным образом и определенно расположенные, не нуждаются в Боге, чем предположение о том, что великое множество бесконечно малых неупорядоченных частиц или семян могли бы произвести весь этот порядок и красоту без божественного распорядителя. В Писании сказано: «Сказал безумец в сердце своем: нет Бога»; [82 - Ветх. Зав., Псалм. Давид., 13, ст. 1.] но там не сказано: «Подумал безумец в сердце своем», так что он, скорее не отдавая себе отчета, говорит то, чего он желал бы, чем то, во что он может вполне основательно верить или в чем убежден. Ведь никто не отрицает того, что Бог есть, за исключением тех, кому было бы выгодно, если бы Бога не было. То, что безбожие, скорее, на устах, чем в сердце человека, более всего видно из того, что безбожники постоянно говорят об этом, как будто их уверенность в правильности своего мнения постоянно слабеет и поэтому они были бы рады, если бы оно было подкреплено одобрением других. И более того, заметьте, что безбожники стремятся иметь учеников, как это принято и в других сектах, и, что самое важное, среди них есть такие, которые и пострадают за безбожие, и не отрекутся; в то время как если бы они действительно думали, что такого явления, как Бог, не существует, то чего ради им беспокоиться? Эпикура обвиняют, что он притворялся, дабы сохранить репутацию своего имени когда утверждал наличие благословенных существ, таких, которые лишь наслаждаются своим существованием, не имея никакого отношения к управлению миром. В этом, как утверждают, он приспособливался к обстоятельствам, хотя втайне и

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org полагал, что Бога нет. Однако его, несомненно, оклеветали, ибо его слова благородны и исполнены любви к Богу: «*Non deus vulgi negare profanum; sed vulgi opiniones diis applicare profanum*», [83 - «Кощунство не в том, что отрицают богов толпы, а в том, что богам приписывают мнение толпы». Диоген Лаэртский, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. X, 123.] Платон вряд ли сказал бы лучше. И хотя Эпикур был достаточно убежден, чтобы отрицать их управление, он был не в силах отрицать их природу.

У западных индейцев есть имена для всех их отдельных богов, хотя у них нет имени для Бога (как и язычники имели имена – Юпитер, Аполлон, Марс и т. п., но не слово «deus»); это показывает, что даже у этих варварских народов имеется понятие о Боге, хотя и не во всем его объеме и широте. Так что против безбожников даже дикие народы выступают совместно с самыми утонченными философами. Размышляющий безбожник встречается редко; сюда относятся Диагор, Бион, возможно, Лукиан [84 - Диагор (V в. до н. э.) – греческий лирический поэт, за безбожие был приговорен к казни, но успел скрыться. Бион (III в. до н. э.) – греческий философ и сатирик, слыл атеистом, примыкал к киникам, а затем к киренаикам. Лукиан (II в. н. э.) – знаменитый греческий сатирик, «Вольтер классической древности», считал все религии обманом и в своих сочинениях высмеивал богов.] и некоторые другие; и все же их представляют большими атеистами, чем они были на самом деле, ибо все те, кто подвергает сомнению принятую религию или укоренившиеся суеверия, клеймятся противной стороной как безбожники. Самые величайшие безбожники в действительности лицемеры, которые постоянно хватаются за святые предметы, но без всякого чувства; так что они должны бы сгореть, когда наступит конец света.

Причины безбожия следующие: расколы в религии, если их много, ибо какой-нибудь один раскол увеличивает религиозное рвение обеих сторон, но множество расколов приводит к безбожию. Другая – скандальное поведение священников, когда оно доходит до того, как сказал св. Бернард, что «*non est jam dicere, ut populus, sic sacerdos; quia nec sic populus, ut sacerdos*». [85 - «Нельзя уже теперь сказать, что каков народ, таков и священник, ибо народ не таков, каковы священники.】 Третья причина – привычка насмешливо богохульствовать о святых делах, что мало-помалу подрывает благоговение перед религией. И наконец, времена учености, особенно в периоды мира и процветания, ибо смуты и несчастья более склоняют умы людей к религии.

Те, кто отрицает Бога, уничтожают благородство человека, ибо человек по телу своему, несомненно, близок животным; и если он не будет близок Богу по своему духу, то останется презренным и низменным созданием. Они уничтожают также великодушие и возвышенность человеческой натуры. Ибо возьмите, например, собаку и заметьте, какое в ней великодушие и мужество, когда она знает, что ее содержит человек, который для нее является как бы богом или *melior natura*; [86 - «Высшее существо» (лат.).] очевидно, что, не имея веры в природу, более высокую, чем ее собственная, эта тварь никогда бы не достигла такого мужества. Так и человек, когда он полагается на божественную защиту и благосклонность и уверен в ней, накапливает такую силу и веру, которой человеческая натура сама по себе не могла бы добиться. Поэтому как безбожие ненавистно во всех отношениях, так и в этом: оно лишает человеческую натуру средства возвыситься над человеческой бренностью. Это справедливо как в отношении отдельных лиц, так и в отношении народов. Никогда не было более великодушного государства, чем Рим. Послушайте, что говорит об этом государстве Цицерон: «*Quam volumus licet, patres conscripti, nos amemus, tamen nec numero Hispanos, nec robore Gallos, nec calliditate Paenos, nec artibus Graecos, nec denique hoc ipso huius gentis et terrae domestico nativoque sensu Italos ipsos et Latinos; sed pietate, ad religionem, atque hac una sapientia, quod deorum immortalium numine omnia regi gubernarique perspeximus, omnis gentis nationesque superavimus*». [87 - «Чем бы мы могли гордиться, отцы отечества, ведь числом мы уступаем испанцам, выносливостью – галлам, хитростью – финикийцам, в искусствах – грекам, наконец, патриотизмом – жителям этой земли – италам и латинянам, если не благочестием и совестливостью, равно как и той исключительной мудростью, благодаря которой именем бессмертных богов, управляющих всем, призваны мы покорить все народы и нации». Цицерон, «De Haruspicium responsis», 9.]

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org 1612 г.; в итальянском издании 1618 г. был опущен; значительно дополнен для издания 1625 г.]

Лучше вообще не иметь никакого мнения о Боге, чем иметь такое, которое его недостойно. Ибо первое есть неверие, второе же – оскорблениe, и, разумеется, суеверие есть оскорблениe божества. Очень хорошо по этому поводу выразился Плутарх. «Конечно, – сказал он, – я скорее предпочел бы, чтобы многие люди заявили, что такого человека, как Плутарх, вообще не было, чем чтобы они говорили, что жил такой Плутарх, который пожирал своих детей, как только они появлялись на свет», [89 – Бэкон цитирует неточно. Плутарх, «О суеверии», 24.] т. е. как писали поэты о Сатурне. И чем сильнее оскорблениe для Бога, тем больше опасность суеверия для людей. Безбожие не отнимает у человека разума, философии, естественных чувств, законов, репутации; все они могут быть путями достижения внешней моральной добродетели, хотя и не религии; но суеверие все это уничтожает, воздвигая в душах людей абсолютную монархию. Поэтому безбожие никогда не потрясало государства: ведь оно заставляет людей быть осторожными по отношению к самим себе и не смотреть никуда больше; и мы видим, что времена, склонные к безбожию (как, например, времена Цезаря Августа), были спокойными временами. Суеверие же явилось причиной смуты во многих государствах и привнесло новый *primum mobile*, который поразил все сферы управления. Мастером суеверий является простой народ, и во всех суевериях мудрые люди следуют за глупцами, а аргументы подгоняются под практику извращенным образом. Некоторые из прелатов на Тридентском соборе, [90 – Вселенский собор католической церкви, созданный папой Павлом III, открылся 13 декабря 1545 г. и продолжался с перерывами и перенесением места заседаний до 4 декабря 1563 г. Основное внимание уделил борьбе с реформацией и укреплению позиций папства, в своих решениях установил основные доктрины католицизма.] где учение схоластиков имело большое влияние, не без основания говорили, что схоластики подобны астрономам, которые выдумали эксцентрики и эпиплектики и тому подобные механизмы небесной сферы, чтобы спасти явления, хотя они знали, что таких вещей не существует; так и схоластики изобрели целый ряд хитроумных и запутанных аксиом и теорем, чтобы спасти практику церкви.

Причинами суеверия являются: приятные и чувствительные обряды и церемонии; чрезмерная внешняя фарисейская святость; чрезмерное обожание традиций, которые только лишь обременяют церковь; уловки прелатов, на которые они идут ради собственного честолюбия и выгоды; излишняя благосклонность к добрым намерениям, которая открывает ворота тщеславным замыслам и новшествам; приписывание божеству человеческих целей, которое не может создать ничего, кроме смеси фантастических представлений, и, наконец, времена варварства, в особенности если они соединяются с бедствиями и несчастьями. Ничем не прикрытое суеверие уродливо; ведь, чем больше обезьяна похожа на человека, тем больше это увеличивает ее уродство; так и сходство суеверия с религией делает его более уродливым. И подобно тому как здоровое мясо портится и превращается в мелких червяков, так и хорошие формы и установления разлагаются на ряд мелочных обрядов, которые надо соблюдать. Когда люди, стремясь избежать старого суеверия, полагают, что лучше всего поступают, уходя от него как можно дальше, они могут впасть в новое суеверие; поэтому следует остерегаться, чтобы (как это случается в нездоровых очищениях) хорошее не изымалось вместе с дурным, что обычно бывает тогда, когда реформатором выступает народ.

XVIII. О путешествиях

В юности путешествия служат пополнению образования, в зрелые годы – пополнению опыта. Кто отправляется в страну, не освоившись прежде с ее языком, отправляется в учение, а не в путешествие. Не плохо, когда юноши путешествуют с наставником или степенным слугой, лишь бы с таким, который знает язык страны и бывал там ранее; в этом случае он сможет указать юношам, что в посещаемой стране достойно внимания, чьего общества следует искать, чему можно там научиться и в чем упражняться; иначе они будут как бы с завязанными глазами и мало что увидят. Не странно ли, что в морских плаваниях, где нечего смотреть, кроме неба и вод, люди ведут журналы; а в путешествиях сухопутных, где столь многое можно наблюдать, они большей частью пренебрегают этим обычаем, словно случайность – более достойный предмет для пера, нежели наблюдения. Итак, пусть наш путешественник ведет дневник.

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Посещать и наблюдать надлежит такие места, как королевский двор, особенно во время приема послов; суд, когда там разбирается дело, а также церковные консистории; храмы и монастыри с находящимися там памятниками; стены и укрепления городов, а также гавани и пристани; памятники старины; библиотеки; колледжи, диспуты и лекции, где таковые слушаются; корабли и верфи; дворцы и общественные сады вблизи больших городов; арсеналы, склады боеприпасов; биржи; торговые склады; конные ристалища; состязания в фехтовании; места обучения войск и тому подобное; комедию, какую посещает порядочное общество; сокровищницы драгоценностей; кунсткамеры и антикварные лавки, – словом, все достопримечательности посещаемой страны, о которых наставникам или слугам надлежит тщательно собрать сведения. Что касается торжественных процессий, представлений, празднеств, бракосочетаний, погребений, публичных казней и тому подобных зрелищ – то о них напоминать нет нужды, хотя пренебрегать ими не следует.

Если хотите, чтобы юноша не мешкал в своих путешествиях и за короткий срок собрал обильную жатву, вот что надлежит делать. Во-первых, он должен, как уже было сказано, прежде чем отправиться в путь, несколько ознакомиться с чужим языком. Затем, что также уже было сказано, он должен иметь при себе слугу или наставника, знакомого со страной. Пусть достанет себе карту или книгу, содержащую описание страны, где он путешествует: они будут хорошим ключом для его изысканий. Пусть также ведет дневник. Пусть не медлит подолгу в одном городе, а уделяет каждому столько внимания, сколько тот заслуживает (но не чересчур много), и, даже находясь в одном городе, пусть переезжает с квартиры на квартиру в разных его концах: это отличный способ заводить знакомства. Пусть не ищет общества соотечественников и столуется там, где есть хорошее общество из числа местных жителей. При переездах же с одного места на другое пусть добывает рекомендательные письма к тамошним знатным osobам, дабы заручиться содействием в том, что он захочет узнать или осмотреть. Таким путем он сможет с большой пользой сократить срок своего путешествия. Что касается знакомств, которых надлежит искать в путешествиях, то наиболее полезны знакомства с секретарями и чиновниками при посланниках, ибо таким образом, путешествуя по одной стране, можно получить сведения о многих. Пусть также посещает всякого рода именитых людей, прославленных за рубежами их родины, дабы убедиться, насколько заслужена их слава. Что до ссор, то их надобно тщательно избегать, а случаются они всего чаще за вином, из-за женщин, из-за места или неудачного слова. Надо также избегать общества людей раздражительных и вспыльчивых, иначе окажешься вовлечен в какую-нибудь чужую ссору.

Возвратясь домой, пусть путешественник не рас простится с увиденными странами, но поддерживает с ними связи перепиской с теми из новых знакомых, которые наиболее того достойны. И пусть увиденное им скажется более в беседах, чем в одежде или повадках; а в беседах пусть он более заботится об осмотрительности ответов, чем о бойкости рассказней; и пусть будет каждому видно, что он не изменил обычаям родины ради чужеземных, но только хочет украсить их лучшим из того, чему научился в чужих краях.

XIX. Об искусстве властвовать[91 – Этот опыт «Of Empire» впервые появился в издании 1612 г.; для третьего издания значительно расширен и исправлен.]

Жалок тот, кто ничего не желает и всего опасается; а ведь именно таков обычный удел монархов. Вознесенные превыше всех людей, они не имеют желаний и оттого томятся тоской; зато много воображают опасностей и страхов и оттого утрачивают ясность суждения. В этом одна из причин, почему, как говорит Писание, «сердце царей непроницаемо». [92 – Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 25, ст. 3.] Ибо множество тревог и отсутствие главного стремления, которому подчинялось бы все остальное, любое человеческое сердце делают непостижимым. Отсюда же проистекает и то, что государи зачастую придумывают себе желания и тешатся игрушками: один – возведением зданий, другой – учреждением ордена, кто – задариванием любимца, кто – достижениями в каком-либо искусстве или мастерстве. Так, Нерон играл на арфе, Домициан упражнялся в стрельбе из лука, Коммод – в борьбе, Каракалла правил колесницей и тому подобное. Это может показаться невероятным тем, кому неизвестно, что «человека больше утешают и радуют мелкие дела, идущие успешно, нежели большое дело, в котором встретились препятствия». Мы видим также, что монархи, оказавшиеся вначале удачливыми завоевателями, но испытавшие затем поворот фортуны (ибо никто не может преуспевать бесконечно), становятся впоследствии суеверны и мрачны; так было с

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org Александром Великим, с Диоклетианом, а на нашей памяти – с Карлом V и другими; ибо тот, кто привык быстро двигаться вперед, вынужденный остановиться, становится немил сам себе и уже не тот, что раньше. Переходя к вопросу о том, каков наилучший характер правления, следует сказать, что это вещь редкая и соблюсти его трудно, ибо всякий порядок, и плохой и хороший, состоит из противоположностей. Но одно дело – сочетать противоположности, а иное – переходить от одной к другой. Весьма поучителен ответ Аполлония[93 – Аполлоний Тианский (1 в. н. э.) – неопифагореец, личность которого противники христианства противопоставляли Христу. Бэкон цитирует из его биографии, написанной софистом Филостратом Младшим (III в.). «Vita Appoll. Tuani», V, 28.] Веспасиан спросил о причинах падения Нерона, на что получил ответ: «Нерон хорошо умел играть на арфе и настраивать ее, но в делах правления он иногда чрезмерно натягивал струны, иногда же слишком ослаблял их». И действительно, ничто так не расшатывает власть, как колебания правительства и неожиданные, несвоевременные переходы от излишней суровости к чрезмерным послаблениям.

Правда, в наше время мудрость монархов состоит, скорее, в том, чтобы удачно ускользнуть от опасностей и сторониться бед, когда они близко, нежели в расчетливом их предотвращении. Но это значит действовать наудачу и допускать опасный материал для мятежа. А если горючие вещества готовы, можно ли уберечься от искры или предсказать, откуда она возникнет? Тяготы монаршего сана многочисленны и велики, но самые большие из затруднений государя часто порождаются собственным его характером. Государям, как говорит Тацит, свойственны противоречивые желания: «Sunt plerumque regum voluntates vehementes, et inter se contrariae».[94 – «Желания государя бывают большей частью необузданы и противоречивы»; это цитата не из Тацита, а из Саллюстия, «Югуртинская война», 113.] Ведь обычное заблуждение власть имущих – это думать, что можно достичь желаемой цели, отвергнув надлежащие средства.

Монархам приходится иметь дело с соседними державами, со своими женами и детьми, с духовенством, знатью, дворянством второго ранга, или джентри, купечеством, простым народом и войском; и отовсюду им грозят опасности, избежать которых можно лишь величайшей осмотрительностью.

Что касается отношений с соседями, здесь не может быть дано никаких общих правил (настолько бывают разнообразны случаи), кроме одного, всегда пригодного, а именно: государи должны следить, чтобы никто из соседей не становился опаснее, чем был раньше (ни путем увеличения своих владений, ни приближением ее к чужим границам, ни расширением торговли и т. п.). Предусмотреть это и этому воспрепятствовать является обычно делом постоянных государственных советов. Во времена триумвирата королей Генриха VII Английского, Франциска I Французского и императора Карла V[95 – Имеются в виду главные участники итальянских войн первой половины XVI в.] за этим следили так тщательно, что стоило одному из троих завладеть хоть пядью земли, как оба других тотчас восстанавливали равновесие либо посредством союза, либо, если было необходимо, войной; и ни один не соглашался платить за мир с процентами. Нечто подобное делала и та Лига (по словам Гвичардини, обеспечившая безопасность Италии), которую создали Фердинанд Неаполитанский и Лоренцо Медичи и Лодовико Сфорца, правители Флоренции и Милана.[96 – Имеется в виду их союз в 80-х годах XV в. против растущего могущества Венеции.] Нельзя согласиться с мнением некоторых сколастиков, будто справедливая война возможна лишь как ответ на оскорбление или нападение.[97 – См. Фома Аквинский, «Summa Theologiae», 2[2] quest., XL.] Нет сомнения в том, что обоснованное опасение, хотя бы удар и не был нанесен, является законным поводом к войне.

Что касается государевых жен, то тут известны крайне жестокие примеры. Ливия покрыла себя позором, отравив своего супруга; Роксалана, жена Солимана, была причиной гибели славного султана Мустафы и нарушила порядок престолонаследия; жена Эдуарда II Английского была главной участницей низложения и убийства своего мужа.[98 – Ливия Друзилла – жена Октавиана Августа; ее обвинение в отравлении мужа считается необоснованным. Роксалана – жена Солимана Великолепного, турецкого султана (1520–1526); чтобы доставить престол своему сыну, оклеветала старшего сына султана Мустафу, который был убит. Изабелла Анжуйская – дочь французского короля Филиппа IV Красивого и жена Эдуарда II; при поддержке французов и используя крайнюю непопулярность короля в Англии, сумела свергнуть Эдуарда и засадить его в тюрьму, где он и был убит.] Наиболее опасны, следовательно, те жены, которые составляют заговоры в пользу своих детей, или же те, которые имеют

из-за детей также разыгралось немало кровавых трагедий; и обычно подозрения отцов, направленные против детей, бывали чреваты бедствиями. Убийство Мустафы, уже нами упоминавшееся, оказалось столь роковым для Солиманова рода, что и по сей день происхождение турецкой династии от Солимана считается сомнительным, ибо Селим II[99 - Селим II – Сын Солимана и Роксаланы.] был, как говорят, подменен в детстве. Убийство юного Криспа, царевича на редкость кроткого, по велению отца его, Константина Великого, также была роковой для царского дома, ибо два других его сына, Константин и Констант, погибли насильственной смертью; не лучшая судьба постигла последнего сына царя, Констанция, который, правда, скончался от болезни, но после того как Юлиан поднял против него оружие.[100 - Крисп был казнен вследствие интриг своей мачехи. Константин II, ставший императором в 337 г., был убит в 340 г. во время междоусобной борьбы с братом Константом. Император Констант убит в результате военного заговора в 350 г. Наконец, последний сын Константина Великого, Констанций умер в 361 г., когда римские легионы в Галлии провозгласили императором Юлиана, впоследствии прозванного «Отступником».] Убийство Деметрия, сына Филиппа II Македонского, обратилось против его отца, который умер от раскаяния.[101 - Деметрий – сын македонского царя Филиппа V (а не Филиппа II, как пишет Бэкон) был казнен в 179 г. до н. э. в результате интриг своего брата Персея.] Подобных примеров множество; но вряд ли когда-нибудь случалось, чтобы отцам пошла впрок такая подозрительность, – кроме разве тех случаев, когда сыновья открыто выступали против них с оружием, как Селим I против Баязета или трое сыновей Генриха II Английского.[102 - Селим – младший сын султана Баязета II (1481–1512), соперничая за престол с братом Ахметом, сверг отца, а затем отравил его, Генрих II – английский король (1154–1189) из династии Плантагенетов; имея обширные владения во Франции, вел там непрерывные войны, в свою очередь французы интриговали против Генриха его сыновей: Генриха, Ричарда Львиного сердце и Иоанна Безземельного.]

Надменные и могущественные прелаты также представляют опасность; так было с Ансельмом и Томасом Бекетом,[103 - Ансельм Кентерберийский (1033–1109) – знаменитый богослов, философ и политический деятель. Став примасом Англии, настойчиво добивался права назначения на высшие церковные должности, что ранее было прерогативой короля. Томас Бекет (1118–1170) – архиепископ кентерберийский, выступил против короля Генриха II, который, проводя политику усиления своей власти, пытался ограничить права церкви и церковных судов («Клериконские постановления»); был убит сторонниками короля.] архиепископами кентерберийскими, которые дерзнули помериться своими епископскими посохами с королевским мечом, хоть и имели дело с государями сурового и надменного нрава – Вильгельмом Рыжим, Генрихом I и Генрихом II. Однако сословие это действительно опасно лишь тогда, когда оно зависит от чужеземной власти или же когда духовные лица получают пожалования не от короля или отдельных патронов, но от народа.

Что касается высшего дворянства, то государю следует держать его на почтительном от себя расстоянии; однако подавление его хотя и усиливает абсолютную власть государя, но зато делает положение его менее прочным и лишает его возможности осуществлять многие свои замыслы. Это я отметил в моей истории Генриха VII Английского,[104 - См. Ф. Бэкон, «The History of the Reign of King Henry the Seventh».] угнетавшего свою знать, отчего в его царствование произошло много смут и возмущений, ибо знать, хотя и оставалась ему покорной, не помогала в его делах, так что ему поневоле приходилось делать все самому.

Что касается дворян второго ранга, то они вследствие своей разрозненности не представляют особой опасности. Порой они ведут дерзкие речи, но в этом нет еще большой беды; к тому же они составляют как бы противовес высшему дворянству, не давая ему слишком усилиться; и наконец, будучи поставлены непосредственно над простым народом, они всего лучше умеряют народные волнения.

Что до купечества, то это есть *vena porta*[105 - «воротная вена» (лат.).] политического тела: когда оно не процветает, государство может иметь хорошо сформированные члены, но крови в его сосудах будет мало и питания недостаточно. Налоги и пошлины на торговлю редко бывают выгодны королевской казне, ибо то, что она собирает по округу, она потеряет по графству; налог на то или другое возрастет, общий же объем торговли, скорее всего, сократится.

Что касается простого народа, то он опасен лишь в двух случаях: когда имеет выдающегося и могущественного лидера или когда задеты его верования, обычай или средства к существованию.

Что же касается войска, то оно опасно, если содергать его крупными частями и приучать к наградам; примеры тому – янычары и преторианская гвардия Рима.[106 – Янычары (тур. «новые войска») – привилегированное войско в Османской империи; из янычар формировались отборные военные отряды, они исполняли в стране функции полиции и жандармерии, составляли свиту губернаторов и личную гвардию султана. В XVI–XVIII вв., превратившись в самостоятельную феодальную силу, янычары начинают противопоставлять себя центральной власти, бунтуют, даже свергают султанов. Просуществовав около пяти столетий, были распущены в 1826 г. Преторианская гвардия – возникла из преторских когорт, личной стражи полководца в Римской республике. Во времена империи превратилась в одну из решающих военно-политических сил в стране: преторианцы устраивали государственные перевороты, провозглашали, свергали и убивали императоров. В 312 г. при императоре Константине I преторианская гвардия была упразднена.] Однако, если обучать и содергать войска в различных местах, подчинив их нескольким военачальникам и не давая подачек, это служит делу обороны и опасности не представляет.

Государи подобны небесным светилам, от расположения которых зависят хорошие или дурные времена; им много почестей, но нет покоя. Все наставления монархам заключены в следующих двух предостережениях: «Memento quod es homo» и «temento quod es deus» или «vice dei»,[107 – «Помни, что ты человек»; «помни, что ты Бог или наместник его».] из коих одно обуздывает их власть, другое – их волю.

XX. О совете

Просить совета есть величайшее доверие, какое один человек может оказать другому. Ибо в других случаях мы доверяем лишь часть того, что имеем: землю, имущество, детей, доброе имя или какое-либо одно дело; но тем, кого избираем мы советниками, вверяется все это вместе; насколько же обязывает это советников к неподкупности и верности. Мудрейшие из государей, полагаясь на советника, не должны почитать это за унижение своего величия или умаление своей мудрости. Сам Господь не обошелся без такового, но сделал имя «советник» одним из имен своего возлюбленного сына.[108 – Ветх. Зав., кн. Исаии, гл. 9, ст. 6.] А Соломон провозгласил, что «Совет – залог прочности».[109 – Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 20, ст. 18.] Все дела должны быть так или иначе проверены; если не подвергнуть их обсуждению на совете, они буду подвергнуты всем превратностям случая и пойдут неладно и шатко, как ходят пьяные. Сын Соломона на себе испытал все значение совета, необходимость которого постиг еще его отец: ведь избранное Богом царство их было впервые разрушено именно дурным советом; и совет этот в назидание нам отмечен двумя признаками, обычно отличающими дурные советы, а именно: советники были молоды, а совет призывал к насилию.[110 – См. Ветх. Зав., кн. Царств III, гл. 12, ст. 6–14.]

Древние воплотили в образах неразрывную связь государей с советниками, равно как и мудрое использование ими советов: первое – в мифе о браке Юпитера с Метидой[111 – Ср. нижеследующий текст с эссе «Метида, или Совет» в книге «О мудрости древних».] (что означает «совет»), т. е. о союзе между монархом и советником; а второе – в последовавших за этим браком событиях, которые были таковы: сочетавшись с Юпитером, Метида, как говорят, зачала от него, но Юпитер не дал ей выносить плод, а проглотил ее, отчего сам забеременел и родил из головы своей вооруженную Палладу. Этот чудовищный миф содержит в себе одну из тайн власти. Он поучает монархов, как надо пользоваться услугами своих государственных советников. Сперва они должны передать дело на их рассмотрение (это будет как бы оплодотворением); когда же семя созреет и плод оформится, не допускать советников до таких решений и руководства, которые зависели бы только от них, но снова взять дело в свои руки и показать миру, что окончательные решения (которые за их мощь и мудрость уподоблены вооруженной Палладе) исходят от самих монархов – и не от одной лишь их власти, но (к вящей их славе) также и из их собственной головы.

Обратимся теперь к неудобствам совета и к способам их избежать. Таких

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org неудобств можно насчитать три. Во-первых, разглашение дела, отчего оно становится менее тайным. Во-вторых, умаление власти государей и их самостоятельности. В-третьих, опасность неискреннего совета, направленного более ко благу советника, чем того, кому совет предназначен. Для избежания этих неудобств итальянцы придумали, а французы (при некоторых королях) применяли тайные советы (*cabinet counsels*); но это лекарство хуже самой болезни.[112 – После этих слов в бэконовской рукописи имеется следующее добавление: «Ибо средство это превращает Метиду-супругу в Метиду-любовницу; иначе говоря, заменяет совет, с которым государь торжественно сочетался, советом лиц, которые обязаны своим положением прежде всего лести и ласке».]

Что касается тайны, то государи не обязаны поверять каждому советнику всего дела целиком, но могут делать из него выборки. Нет также и надобности в том, чтобы испрашивающий совета, как ему следует поступать, объявлял, как он сам намерен поступить; пусть государи осторегаются, чтобы разглашение их тайн не исходило от них самих. Что же касается тайных советов, их девизом могло бы быть: «*Plenus rimarum sum*».[113 – «Кругом в дырах, повсюду протекают я». Теренций, «Евнух», деист. 1, сц. 2, ст. 106.] Один пустой человек, почитающий заслугой болтовню, больше натворит бед, нежели многие, почитающие своим долгом молчание. Бывают, конечно, дела, требующие полной тайны, которые должны быть известны не более чем одному-двум лицам помимо государя. И нельзя считать, чтобы подобные советы не были плодотворны; ведь помимо тайны они обеспечивают также единство направления, ничем не нарушающее. Это, однако, возможно лишь при благоразумном монархе, который умеет, так сказать, молоть вручную; и тайные советники также должны быть людьми мудрыми и особо преданными своему государю. Такие порядки были при Генрихе VII Английском, в важнейших делах не доверявшемся никому, кроме Мортону и Фокса.[114 – Мортон, Джон (Morton, 1420–1500) – архиепископ кентерберийский, кардинал и лорд-канцлер Англии (1487–1500). Фокс, Ричард (Fox, 1448–1528) – епископ Винчестерский, лорд-хранитель печати при Генрихе VII и Генрихе VIII. Эти лица пользовались особой монаршей милостью, так как, по сообщению историков, не хранили тайны чужих исповедей.]

Что касается умаления монаршей власти, то наш миф указывает средство пособить и этой беде. Нет, совет не только не унижает, а, скорее, возвеличивает монарха. Никогда еще государь не лишался независимости через своих советников, если только один из них не бывал вознесен сверх меры или несколько из них не составляли чересчур тесного союза; а это легко бывает обнаружить и исправить. Что до последнего неудобства, а именно склонности людей давать советы, имея в виду собственную свою выгоду, несомненно, что слова: «*Non inveniet fidem super terram*»[115 – «Найдет ли веру на земле?» Нов. Зав., Лук., гл. 18, ст. 8.] – имеют в виду плохие времена, но не каждую отдельную личность. Есть люди по природе своей верные, искренние, прямые и честные, без лукавства и двоедушия; их-то и должны прежде всего приближать к себе государи. К тому же не столь уж согласны бывают между собой советники, чтобы один не следил за другим; так что если кто-нибудь в советах своих руководствуется личными или групповыми целями, это обычно доходит до слуха короля. Но всего лучше, чтобы государи знали своих советников так же хорошо, как те знают их:

Principis est virtus maxima nosse suos.[116 – «Главное достоинство государя – знать своих людей». Марциал, Эпиграммы, кн. VIII, 15.]

С другой стороны, советникам не следует быть излишне любопытными в том, что касается личности монарха. Настоящему советнику подобает лучше разбираться в делах своего господина, нежели в личных его свойствах, ибо тогда он будет давать ему подлинные советы, а не потакать его причудам. Государям полезно выслушивать советников и наедине, и сообща. Наедине мнения высказываются более свободно, на людях – более почтительно. Наедине человек смелее обнаруживает собственные склонности, на людях скорее поддается чужим влияниям, поэтому-то и надлежит выслушивать его и так, и этак; причем людей пониже рангом лучше вопрошать наедине, дабы обеспечить им свободу, а высших сановников – сообща, дабы воздать им должное уважение. И тщетно стали бы государи испрашивать совета о деле, если при этом они не спрашивают также о лицах, ибо сами по себе все дела подобны безжизненным изваяниям, а пробуждает их к жизни хороший подбор исполнителей. Недостаточно, однако, совещаться о людях «*secundum genera*»,[117 – «Вообще», «в целом» (лат.)] точно об общей идее или математической формуле, решая, какого рода этот человек должен быть: ведь именно в выборе личностей совершаются величайшие ошибки, так же как обнаруживается и наибольшая верность суждения. Истинно

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org сказано, что «*optimi consiliarii mortui*», [118 – «Лучшие советники-мертвые»]. Диоген Лаэртский, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. VII, 1.] ибо книги скажут правду там, где советники не осмелятся. Хорошо поэтому быть в них сведущим, особенно в тех, чьи авторы сами были некогда актерами на этой сцене.

В наши дни советы большей частью собираются запросто; [119 – Весь текст, начиная с этой фразы и до конца опыта, добавлен Бэконом в издании 1625 г.] о делах, скорее, беседуют, нежели совещаются, а решения выносятся слишком уж быстро. Лучше было бы в важных случаях один день отводить на слушание дела и только следующий – на решение: «*In poste consilium*». [120 – «Утро вечера мудренее» (лат.).] Именно так поступали в комиссии по объединению Англии и Шотландии, [121 – Комиссия, оформлявшая в 1603 г. объединение Англии и Шотландии после вступления на английский престол шотландского короля Якова Стюарта.] которая была учреждением солидным и организованным. Для подачи просьбы я советую отвести особые дни: просители будут тогда надлежащим образом выслушаны, а советникам останется время для государственных дел, чтобы они могли «*hoc agere*». [122 – «Заняться текущими делами» (лат.).] При выборе комитетов, подготавливающих дела для совета, лучше избирать действительно беспристрастных лиц, нежели создавать обстановку беспристрастия введением в них сил обеих партий. Следует также учреждать постоянные комиссии, например по делам торговли, казначейства, по делам военным, судебным, а также некоторых провинций, ибо, где имеется ряд особых советов и только один государственный (как, например, в Испании), они представляют собой не более как постоянные комиссии – разве лишь с бывшими полномочиями. Хорошо, если бы лица, которым надлежит давать перед советом показания в качестве знатоков своего дела (как-то: стряпчие, моряки, чеканщики монет и тому подобное), выслушивались сначала в комиссиях, а затем уже в случае надобности выступали перед советом. И пусть не приходят толпами или с громогласными требованиями: это оглушит совет, вместо того чтобы осведомить. Ставить ли в совете длинный стол, или квадратный, или же стулья вдоль стен – все это только кажется пустяками, на деле же имеет существенное значение, ибо за длинным столом все дела вершат немногие, сидящие на переднем его конце, тогда как при другой форме стола и сидящие ниже имеют случай высказать свое мнение. А монарх, заседая в совете, пусть поостережется обнаружить, к какому мнению он склоняется; иначе советники поплынут по ветру и вместо свободного обсуждения запоют «*Placebo*». [123 – «Как угодно тебе» (лат.).]

XXI. О промедлении

Счастье похоже на рынок, где, если немного подождать, цена не раз упадет. Или же иногда оно напоминает предложение Сивиллы, которая сначала предлагает товар целиком, затем часть за частью его истребляет, однако цену оставляет прежней. Ведь случай (как говорится об этом в широко известном стихотворении) «космат спереди, лыс сзади, и если не ухватиться за его космы, то упустишь совсем»; [124 – Федр, «Басни», кн. V, 8.] или по крайней мере он сначала как бутылка поворачивается вперед горлышком, за которое легко взять, а потом пузом, которое ухватить трудно. Конечно же, нет большей мудрости, чем правильно определить момент, когда надо приступить к делу или когда начнутся события. Опасности не становятся незначительнее оттого, что они кажутся незначительными, и большинство опасностей причинили вред людям, скорее, своей внезапностью, чем насилием. Нет, лучше встретить некоторые опасности на полпути, хотя бы и ничто не говорило о том, что они уже близко, чем слишком долго бодрствовать в ожидании их, ибо если человек бодрствует слишком долго, то, вероятнее всего, он заснет. С другой стороны, быть обманутым слишком длинными тенями (как случилось с некоторыми, когда луна была низко и светила в спину их врагам) и таким образом выпустить стрелы раньше времени; или же ускорить опасности тем, что начать двигаться к ним слишком рано, – это другая крайность. Всегда необходимо тщательно взвешивать, пришло время для данного дела (как мы говорили) или еще не пришло; и вообще хорошо вверять начало всех значительных дел стоглазому Аргусу, а окончание – сторукому Бриарею: вначале наблюдать, а потом торопиться. Ибо шлемом Плутона, который позволяет политику быть невидимым, является скрытность в намерениях и быстрота в исполнении. Итак, когда дело уже доходит до исполнения, никакая тайна не сравнится с быстротой, подобно движению пули в воздухе, которая летит так быстро, что опережает глаз.

XXII. О хитрости

Хитрость считаем мы как бы искаженной мудростью. Поистине, велико различие между хитрым и мудрым, и не в одной лишь честности, но и в способностях. Иные отлично подтасовывают, а в игре неискусны; есть мастера сколачивать группы и клики, во всем же прочем – люди нестоящие. И опять-таки одно дело – разбираться в людях, другое – разбираться в делах. Есть много искусников разгадывать людские причуды, не очень-то пригодных для настоящего дела, – это большей частью те, кто прилежнее изучал людей, нежели книги. Такие более годятся для исполнения, чем для совета; они хороши лишь на своем месте, а стоит свести их с новыми людьми, как от их остроты не остается следа; так что старое правило, чтобы отличить мудреца от глупца: «*Mitte ambos nudos ad ignotos, et videbis*»[125 – «Отправь обоих нагишом к людям, которые их не знают, и тогда увидишь»; это изречение приписывают философу Аристиппу (V в. до н. э.).] – для них навряд ли годится. Эти хитрецы подобны мелким торговцам, а потому нелишне сделать ревизию их товару.

Так, например, хитрость велит следить глазами за собеседником – таково и правило иезуитов, – ибо многие мудрые люди на словах скрытны, а лицом откровенны; но делать это надлежит украдкой, смиренно опустивши глаза; так именно и делают иезуиты.

Другая уловка, когда чего-либо хотят добиться, состоит в том, чтобы отвлечь собеседника другим предметом беседы, дабы он не успел найти возражений. Я знал одного секретаря и советника, который никогда не подавал королеве Елизавете Английской биллей на подпись, без того чтобы не завести сперва речь о других государственных делах, не давая ей времени подумать над биллями.[126 – По мнению некоторых комментаторов, здесь имеется в виду сэр Фрэнсис Уоллингем (1530–1590).]

Подобным же образом застичь врасплох можно также, предложив решение дела, когда тот, кто должен решить его, спешит и не может над ним поразмыслить.

Если кто желает помешать делу, которое другой мог бы быстро и успешно довести до конца, пусть притворится доброжелателем и сам его поведет, но так, чтобы оно расстроилось.

Если внезапно оборвать речь, словно спохватившись, что сказал лишнее, это распаляет собеседника желанием узнать поболее.

И всегда лучше представить дело так, будто ты вынужден отвечать на расспросы, а не сам что-либо сообщаешь; к расспросам же можно побудить, приняв необычное для себя выражение, с тем чтобы быть спрошенным о причине такой перемены. Так было с Неемией: «И казалось, не был печален перед ним, но царь сказал: отчего лицо твое печально?..»[127 – Ветх. Зав., кн. Неем., гл. 2, ст. 1-2.]

В делах щекотливых и неприятных хорошо сломать лед с помощью какого-либо незначительного лица, а затем, как бы случайно, появиться самому и только подтвердить его сообщение, как это сделал Нарцисс, сообщая Клавдию о бракосочетании Мессалины с Силием.[128 – См. Тацит, «Анналы», кн. XI, 29–30.]

В делах, где сам не хочешь казаться участником, хитрость велит говорить от лица всего света в таких, например, выражениях: «люди говорят...» или же «прошел слух...».

Я знал одного, который в своих письмах наиболее важное помещал в виде приписки, словно это не относилось к делу.

Знал я и такого, который в своих речах опускал то, что более всего хотел сказать, продолжал, а потом возвращался и говорил о главном так, словно уже готов был о нем позабыть.

Иной намеренно дает застичь себя будто бы врасплох, выбрав время, когда тот, кому предназначена ловушка, всего вероятнее может явиться, и предстает перед ним с письмом в руках или за каким-либо необычным занятием, чтобы его начали расспрашивать о том, что он и сам хотел бы высказать.

И еще есть уловка у хитрости: обронить слово, с тем чтобы другой его

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org подобрал и использовал; самому же извлечь из этого выгоду. Во времена королевы Елизаветы я знал двоих, которые оба добивались должности секретаря и все же дружили и совещались друг с другом об этом деле; и вот один из них сказал однажды, что быть секретарем «при упадке монархии» – дело щекотливое и ему не по душе; второй тотчас эти слова подхватил и сообщил нескольким приятелям, что ему нет причины желать секретарской должности «при упадке монархии». Первый этим воспользовался и сумел довести до сведения королевы; а та, услыхав об «упадке монархии», так этим была обижена, что не пожелала более и слышать о втором соискателе.[129 - Предполагают, что здесь Бэкон мог иметь в виду своего двоюродного брата Роберта Сесиля и сэра Томаса Бодлея.]

Есть род хитрости, заключающийся в том, чтобы «свалить с больной головы на здоровую», т. е. собственные слова приписать другому. И по правде сказать, когда дело происходит наедине, нелегко распознать, от кого все началось и пошло.

Есть еще род косвенного обвинения, когда человек делает вид, что хочет всего-навсего оправдаться, но при этом как бы говорит: «А вот я не таков». Это сделал Тигеллин в отношении Бурра, когда заявил: «Se non diversas spes, sed incolumitatem imperatoris simpliciter spectare».[130 - «Я-то не имею иных интересов, кроме безопасности императора». Тацит, «Анналы», кн. XIV, 57.] Иные имеют наготове столько всяких рассказней, что любой нужный им намек преподнесут в виде целой истории; это помогает им соблюсти осторожность, а другим – охотнее выслушать.

Есть еще недурная уловка, состоящая в том, чтобы в самой просьбе уже подсказать желаемый ответ в нужных словах, ибо это облегчает труд тому, от кого зависит ответ.

Диву даешься, как долго иной может дожидаться минуты, чтобы высказать то, что хочет, и как далеко в сторону он уклоняется, и сколько переберет всяких других дел, покуда доберется до нужного. Терпения тут надобно много, зато и польза бывает большая.

Внезапный и дерзкий вопрос нередко может ошеломить и обезоружить. Так было с неким человеком, который, живя под чужим именем, прогуливался в соборе св. Павла:[131 - Собор св. Павла в Лондоне в XVI-XVII вв. был излюбленным местом праздношатающейся публики.] кто-то неожиданно окликнул его по-старому и заставил обернуться.

Нет числа подобным уловкам и мелким проделкам хитрости. Кто составит их список – сделает благое дело, ибо ничто так не вредит государству, как если хитрые сходят за мудрых. Есть, однако, среди них такие, которые знают ходы и выходы, но не умеют проникнуть в суть дела; как бывают дома, где удобны сени и лестницы, но нет ни одной хорошей комнаты. Такие ловко умеют показать себя в каком-нибудь деле, уже завершенном, но отнюдь не способны взвешивать и обсуждать. А между тем они часто извлекают пользу из своей неспособности и хотят слить руководящими умами. Иные строят свои расчеты более на том, чтобы чернить других и, как мы теперь говорим, «подставлять им ножку», нежели на правильности собственных действий. Но, как говорит Соломон: «Prudens advertit ad gressus suos; stultus divertit ad dolos».[132 - «Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим». Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 14, ст. 15.]

XXIII. О себялюбивой мудрости

Муравей сам по себе существо мудрое, но в саду или огороде он вреден. Точно так же люди, чрезмерно себялюбивые, вредят обществу. Избери разумную средину между себялюбием и общественным долгом; будь верен себе настолько, чтобы не оказаться вероломным в отношении других, в особенности же государя и родины. Собственная особа – жалкая цель для человеческих стремлений и всецело земная. Ибо одна лишь земля прочно стоит на собственном центре, тогда как все тела, имеющие сродство с небесами, движутся вокруг других тел, принося им пользу. Привычка все возводить к своей особе более терпима в монархе, ибо он есть не просто он, но от участия его зависит благоденствие общества. Однако в подданном монарха или гражданине республики это черта гнусная. Какое дело ни поручи такому, он его подчинит своим интересам, которые, разумеется, зачастую не совпадают с интересами его государя или

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
государства. Поэтому пусть государи и государства ищут себе слуг, не
наделенных своекорыстием, если не хотят, чтобы служба была для них на
последнем месте.

Что особенно пагубно по своим последствиям – это утрата всякой меры.
Несоразмерно уж и то, что благо слуги ставится выше блага его господина, но
еще хуже, когда собственное ничтожное благо слуга предпочитает величайшему
благу господина. А ведь так именно и поступают дурные чиновники, казначеи,
послы, военачальники и другие вероломные и продажные слуги, пускающие шар
по кривой собственных целей и страстишек на гибель важнейшим предприятиям
господина. При этом извлекаемая ими выгода большей частью под стать их
собственному ничтожеству, тогда как ущерб, коим покупают они эту выгоду,
соразмерен с высоким жребием их господина. Эти крайние себялюбцы готовы
скечь дом, лишь бы зажарить себе яичницу; и, однако же, такие люди нередко
в почете у своих господ, так как стараются лишь об их удовольствии и
собственной выгоде и ради обеих этих целей готовы пренебречь подлинными
интересами дела.

Себялюбивая мудрость гнусна во всех своих видах. Это мудрость крыс,
покидающих дом, которому суждено завалиться; мудрость лисы, выгоняющей
барсука из вырытой им норы; мудрость крокодила, проливающего слезы, перед
тем как пожрать свою жертву. Заметим, однако же, что те, кого Цицерон,
говоря о Помпее, назвал «*sui amantes, sine rivali*», [133 – «Влюбленный в
самого себя и не знающий соперников»]. Цицерон, «Письма к брату Квинту»,
III, 8.] бывают зачастую несчастны; всем пожертвовав ради себя, они наконец
сами становятся жертвами непостоянства фортуны, которую в себялюбивой
мудрости своей думали пригвоздить к месту.

XXIV. О новшествах

Как детеныши живых существ при рождении уродливы, таковы и все новшества –
детища времени. Но подобно тому как первый, кто прославит свой род, обычно
превосходит достоинствами большую часть потомков, так и достоинства первого
установления (когда оно хорошо) редко бывают достигнуты позднейшими
порядками. Ибо зло (более свойственное порочной природе человека) с
течением времени усиливается; добро же, как побуждение не столь
естественное, наибольшую силу имеет поначалу. Каждое лекарство есть
новшество; а кто не хочет применять новые средства, должен ждать новых бед.
Ибо время есть величайший из новаторов; и если время в своем течении
изменяет вещи к худшему, а мудрость и совет не станут изменять их к
лучшему, к чему это приведет? Правда, что вошло в обычай, быть может и
дурно, зато ладно пригнано одно к другому; что долго было вместе, пришло
между собой как бы в некое согласие; тогда как новое не так-то легко
приспособить: оно хоть и приносит пользу, но смущает своей новизной.
Подобно чужеземцам, оно вызывает более удивления, нежели любви.

Все это было бы верно, если бы время стояло на месте; но оно, напротив,
движется так быстро, что упрямое пристрастие к раз установленному обычанию
вносит не меньше смуты, чем новшество, и кто чрезмерно чтит старину,
становится в новое время посмешищем. Поэтому хорошо бы людям, вводя
новшества, брать пример с самого времени, которое производит поистине
великие перемены, но исподволь и едва заметно, ибо иначе все новое будет
неожиданным. И всегда новшество одним на руку, а другим на беду; и тот,
кому от него польза, считает его за благо и восхваляет времена; а кому
ущерб, считает за зло и клянет виновника. Не следует также решаться на
новые опыты в государствах, кроме случаев крайней необходимости или
очевидной пользы, и надо непременно удостовериться, что именно
преобразования повлекут за собой перемены, а не жажда перемен служит
предлогом к преобразованию. И наконец, не отвергая вовсе новшеств, все же
следует брать их под подозрение. Как говорит Писание, «остановитесь на
путях своих, и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый,
и идите по нему». [134 – Ветх. Зав., кн. Иерем., гл. 6, ст. 16.]

XXV. О распорядительности

Ничего нет опаснее для успеха дела, нежели показная распорядительность. Она
подобна тому, что именуется у врачей несварением, а это всегда наполняет

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org организм неусвоенной пищей и тайными зачатками болезней. Поэтому распорядительность в делах надобно мерить не временем заседаний, а успехом дела. Как на скачках наиболее резвы оказываются не те лошади, которые выше всего выбрасывают ноги, так и здесь распорядительность достигается не тем, чтобы охватывать сразу слишком много, но чтобы держаться ближе к делу. Иные заботятся только о том, как бы отделаться поскорее и лишь по видимости привести дело к концу, дабы показать себя людьми распорядительными. Но одно дело – сберечь время умелым сокращением хлопот, другое – скомкать саму работу. И поступать так на нескольких заседаниях и совещаниях это все равно, что делать один шаг вперед, а другой назад. Я знал одного мудрого человека, который при виде чрезмерной поспешности любил говорить: «Повременим, чтобы скорее кончить».

С другой же стороны, подлинная распорядительность поистине благодатна, ибо дело измеряется временем, как товар – деньгами, и, где мало распорядительности, там дело обходится дорого. Спартанцы и испанцы известны своей медлительностью: «Mi venga la muerte de Spagna» – «Пусть смерть моя идет из Испании», ибо тогда она наверняка промедлит.

Внимательно выслушивай тех, кто доставляет первые сведения о деле, и старайся верно направить их с самого начала, а не прерывать на середине; ибо кто потерял нить мысли, будет топтаться на месте и более наскучит попытками вспомнить, что он хотел сказать, чем наскучил бы, если бы дать ему волю. А то иной раз вопрошающий вносит более беспорядка, чем вопрошенный.

Повторения являются обычно потерей времени; но ничто так не берегает время, как повторное изложение сути вопроса, ибо оно предотвращает множество не идущих к делу разговоров. Пространные и цветистые речи столь же способствуют быстрому исполнению, сколь одежда или мантия с длинным шлейфом удобна при беге. Предисловия, отступления, оговорки и другие рассказы говорящего – все это лишь траты времени; и хотя по видимости они вызваны скромностью, по существу являются похвальбой. Все же остерегайся сразу переходить к делу, если слушатели что-либо имеют против него: чтобы устранить предубеждение, нужны некоторые околичности, как нужны умягчительные припарки перед втиранием мази.

Секрет подлинной распорядительности заключается в порядке, в распределении обязанностей и в расчленении разбираемого вопроса, если только членение это не слишком сложно. Не расчленяя, невозможно вникнуть в дело, а расчленяя чрезмерно, невозможно его распутать. Выбрать время – значит сберечь время; а что сделано несвоевременно, сделано понапрасну. Всякое дело слагается из трех частей – подготовки, обсуждения или рассмотрения и совершения. Если надобно быстро выполнить дело, пусть лишь среднюю часть поручает многим, первую же и последнюю доверяет немногим. Обсуждение по заранее написанному плану большей частью способствует распорядительности, ибо, если даже этот план будет отвергнут, такое отрицание больше содержит положительных указаний, чем неопределенность, подобно тому как зола плодоноснее пыли.

XXVI. О мнимой мудрости

Существовало мнение, что французы на самом деле мудрее, чем они кажутся, а испанцы кажутся более мудрыми, чем они есть на самом деле. Не знаю, насколько это может быть справедливо в отношении народов, но, безусловно, это справедливо в отношении людей. Ведь как говорит апостол о притворно благочестивых людях: «Имеющие вид благочестия, от силы же его отрекшиеся», [135 – Нов. Зав., Посл. Тимоф. II, гл. 3, ст. 5.] так, конечно, существуют такие, кто, не имея от мудрости и способностей ничего или почти ничего, сохраняют при этом самый торжественный вид, «magno conatu nugas». [136 – «Из пустяка делаешь великое дело». Теренций, «Самоистязатель», III, 5, 8.]

Людям трезвым смешно наблюдать, к каким уловкам прибегают эти формалисты и какие используют увеличительные стекла, чтобы выдать плоскую поверхность за тело, имеющее объем и глубину; все это достойно сатирического осмения. Некоторые настолько скрыты и сдержаны, что будут показывать свои товары (т. е. то, чем богаты) только при тусклом освещении и всегда сделают вид, будто они что-то удерживают про себя; и даже когда они сами знают, что говорят о вещах, в которых хорошенько не разбираются, тем не менее у других

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org людей они создают такое впечатление, будто знают и то, о чем не могут говорить. Некоторые помогают себе мимикой и жестами и мудры при помощи знаков; так, Цицерон говорит о Пизоне, что когда тот отвечал ему, то поднял одну бровь высоко на лоб, а вторую опустил до подбородка: «*Respondes, altero ad frontem sublato, altero ad mentum depresso supercilio; crudelitatem tibi non placere*». [137 - «Отвечаешь, одну бровь задирая на лоб, а другую опуская до самого подбородка; но свирепость тебе не идет». Цицерон, «Против Пизона», VI.]

Некоторые думают подтвердить свои знания, произнося впечатительные слова тоном, не допускающим возражения, а затем продолжают говорить, как будто бы уже принято и одобрено то, чего они не могут доказать. Другие, если что-либо находится вне пределов досягаемости их разума, притворяются, что презирают это или не обращают на него внимания как на несущественное или курьезное, и тем самым выдают свое невежество за некую рассудительность. Есть и такие, которые всегда с чем-либо не согласны и обычно, изумив людей какой-либо тонкостью, избегают существа дела, закрывая вопрос; о таких людях А. Геллий сказал: «*Hominem delirum, qui verborum minutis rerum frangit pondera*». [138 - «Пустозвон, который легковесностью слов разрушает весомость вещей». Это высказывание, которое Бэкон приписывает Авлу Геллию, имеется у Квинтилиана, «Наставления оратору», X, 1.] Платон в своем «Протагоре» также с презрением выводит человека такого рода в образе Продика и заставляет его произнести речь, от начала и до конца состоящую из надуманных дистинкций. Обычно такие люди во всех обсуждениях легко занимают позицию отрицания и пытаются завоевать доверие возражениями и предсказаниями трудностей: ибо, когда предложения отвергаются, на этом все и кончается; но, если они принимаются, это означает новые усилия; этот ложный вид мудрости является проклятием для дела. Словом, ни один разоряющийся торговец или скрытый банкрот не прибегает к стольким ухищрениям, чтобы поддержать веру в свое богатство, как эти пустые люди, чтобы поддержать доверие к своим способностям. Люди мнимой мудрости могут ухитриться создать о себе мнение; однако пусть никто не берет их на службу, ибо, конечно, для дела лучше взять человека в чем-то глупого, чем такого рода претенциозного формалиста.

XXVII. О дружбе

Сказавшему: «Тот, кто находит удовольствие в уединении, либо дикий зверь, либо бог» [139 - Аристотель, «Политика», кн. 1, 1.] – было бы трудно вложить в несколько слов больше и правды и неправды, чем содержится в этих словах. Ибо совершенно справедливо, что естественная и тайная ненависть и отвращение к обществу в любом человеке содержат нечто от дикого животного; но совершенно несправедливо, что в уединении вообще есть нечто божественное, за исключением тех случаев, когда оно проистекает не из удовольствия, которое находят в одиночестве, а из любви и желания уединиться для более возвышенного образа жизни. Так, оно, как выяснилось, было ложным и притворным у некоторых язычников – у Эпименида Кандийского, Нумы Римского, Эмпедокла Сицилийского и Аполлония из Тианы; и подлинным и истинным – у разных древних отшельников и святых отцов церкви. Но очень немногие понимают, что такое одиночество и до чего оно доводит, ибо толпа не есть общество и лица – всего лишь галерея картин, а разговор – только звенящий кимвал, где нет любви.

Латинское изречение «*Magna civitas, magna solitudo*» [140 - «Большой город, большое одиночество».] отчасти объясняет это состояние; ведь в большом городе друзья разобщены, так что по большей части нет того чувства товарищества, которое существует у соседей в менее крупных поселениях. Но мы можем пойти еще дальше и утверждать с полным основанием, что отсутствие истинных друзей, без которых мир становится пустынным, и есть печальное одиночество в его чистом виде; и даже в этом смысле одиночество кого бы то ни было, кто из-за склада своей натуры и привязанностей не способен к дружбе, также происходит от дикого животного, а не от человеческих качеств.

Главный плод дружбы заключается в облегчении и освобождении сердца от переполненности и надрыва, которые вызывают и причиняют всякого рода страсти. Мы знаем, что болезни закупорки и удушья являются самыми опасными для тела; не иначе это и в отношении духа. Вы можете принять сарсапарельный корень, чтобы освободить печень, железо – чтобы освободить селезенку, серный цвет – для легких, бобровую струю – для мозга; однако ни одно

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
средство так не облегчает сердца, как истинный друг, с которым можно
поделиться горем, радостью, опасениями, надеждами, подозрениями,
намерениями и всем, что лежит на сердце и угнетает его, в своего рода
гражданской исповеди или признании.

Удивительная вещь – наблюдать, как высоко ценят великие короли и монархи этот плод дружбы, о котором мы говорили; настолько высоко, что они покупают его множество раз, рискуя своей собственной безопасностью и величием. Ибо государи, принимая во внимание то расстояние, которое отделяет их от положения их поданных и слуг, не могут сорвать этот плод, за исключением тех случаев, когда (дабы получить возможность насладиться им) они возвышают некоторых людей, делая их своими товарищами и почти что равными себе, что не раз приводило к неудобствам. Современные языки называют таких лиц «фаворитами» или «доверенными» (*privadoes*), как будто дело заключается в милости или интимном общении. Но латинское название определяет истинное их назначение и причину, именуя их *participes curarum*, [141 – «Причастные заботам» (лат.)].] ибо именно это связывает дружеский союз. И мы отчетливо видим, что это делалось не только слабыми и чувствительными государями, но и самыми мудрыми и расчетливыми из них; они часто приближали к себе некоторых своих слуг, которых называли друзьями, и разрешали другим называть их так же, используя слово, которое принято меж близкими людьми.

Когда Л. Сулла правил Римом, он настолько возвысил Помпея (впоследствии прозванного Великим), что тот хвастал, что стал сильнее Суллы. Ибо, когда Помпей предоставил должность консула одному из своих друзей против желания Суллы и Сулла вознегодовал на него и стал в резких тонах говорить ему об этом, Помпей сам обрушился на него и даже заставил его замолчать, сказав, что «больше людей поклоняется солнцу восходящему, чем солнцу заходящему». [142 – Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Помпей, XIV).] Децим Брут имел такой вес в глазах Юлия Цезаря, что в своем завещании Цезарь назвал его своим наследником сразу после племянника. И он же был тем человеком, который обладал такой властью над Цезарем, что ускорил его смерть. Ибо, когда Цезарь хотел было распустить сенат из-за плохих предзнаменований, и особенно из-за одного сна Кальпурни, этот человек мягко поднял его за руку из кресла и сказал ему, что надеется, что он, Цезарь, не распустит сенат до тех пор, пока его жена не увидит более благоприятный сон. И он был, кажется, в таком великом фаворе у Цезаря, что Антоний в письме, дословно приводимом в одной из филиппик Цицероном, называет его *venefica* – «колдун», как будто тот околоводил Цезаря. Август так возвысил Агриппу (хотя тот и был низкого происхождения), что когда он спросил у Мецената совета относительно замужества своей дочери Юлии, то у Мецената хватило смелости сказать, что он должен либо выдать свою dochь замуж за Агриппу, либо лишить последнего жизни: третьего пути нет – так возвеличил он Агриппу. При Тиберию Цезаре Сеян вознесся на такую высоту, что их обоих называли и считали неразлучными друзьями. В письме к нему Тиберий сказал: «*Naec pro amicitia nostra non occultavi*»; [143 – «я не скрыл этого от тебя из дружбы». Тацит, «Анналы», кн. IV, 40.] и весь сенат посвятил алтарь дружбе как богине, в честь великой ценности дружбы между этими двумя людьми. Такая же или даже еще более сильная дружба существовала между Септимием Севером и Плавцианом. Ибо он заставил своего старшего сына жениться на дочери Плавциана; и часто поддерживал Плавциана в его действиях против своего сына; и написал также в одном из посланий сенату следующее: «я так сильно люблю этого человека, что хочу, чтобы он меня пережил». Будь эти императоры подобны Траяну или Марку Аврелию, можно было бы подумать, что эта дружба проистекала из бесконечной доброты их натуры; но, поскольку все эти люди были так мудры, обладали такой силой и суворостью духа и настолько сильно любили себя, все это с очевидностью доказывает, что они считали свое собственное благополучие (хотя оно было настолько велико, насколько вообще возможно для смертного) лишь половинчатым, если у них нет друга, который сделал бы его полным; и все это при том, что они были императорами, у которых имелись жены, сыновья, племянники; и все же все эти родственники не могли дать того утешения, которое дает дружба.

Не следует забывать и того, что Коммин заметил о своем первом хозяине, герцоге Карле Смелом, именно что тот ни с кем не делился своими секретами, и особенно теми секретами, которые более всего его беспокоили, после чего он добавляет, что в последние годы жизни «эта замкнутость действительно ослабила и немного повредила его разум». [144 – Коммин, «Memoirs», V, 5.] Коммин, конечно, мог бы также высказать точно такое же суждение, если бы захотел, о своем втором господине, Людовике XI, чья замкнутость действительно была его мучителем. Изречение Пифагора «*Cor ne edito*» – «Не

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
грызи сердце» – несколько темно, но по смыслу правильно. Конечно же, если выразиться резко, те, у кого нет друзей, которым они могли бы открыться, являются каннибалами своих собственных сердец. Но одно совершенно замечательно (и этим я закончу рассмотрение первого плода дружбы), а именно что это раскрытие своего «Я» другу производит два противоположных действия, ибо оно удваивает радости и делит горести пополам. Потому что нет такого человека, который, поделившись своими радостями с другом, еще более не возрадовался бы; и нет такого человека, который, поделившись своими печалями с другом, не стал бы меньше печалиться. Итак, в том, что касается воздействия на дух человека, дружба обладает таким же достоинством, какое алхимики раньше приписывали своему камню в воздействии на человеческое тело – она производит все противоположные действия, однако, на пользу и на благо природе. Но даже если не прибегать к помощи алхимиков, в обычном течении природы есть явный образец этого, ибо в телах соединение усиливает и поддерживает любое естественное действие и, с другой стороны, ослабляет и притупляет любое бурное впечатление; так же обстоит дело и в отношении духа.

Второй плод дружбы так же целебен и превосходен для разума, как первый – для чувств.

Ведь дружба из штормов и бурь страстей действительно делает хорошую погоду, а разум она как бы выводит из тьмы и путаницы мыслей на ясный свет. Не следует понимать, что это справедливо только в отношении верного совета, который человек получает от своего друга, о чем мы будем говорить ниже; но совершенно очевидно, что если у кого-то ум занят множеством мыслей, то его разум и понимание действительно проясняются и раскрываются в беседах и рассуждениях с другим человеком; он легче разбирает свои мысли; он располагает их в более стройном порядке; он видит, как они выглядят, когда превращаются в слова; наконец, он становится мудрее самого себя и за один час рассуждения вслух достигает большего, чем за целый день размышлений. Фемистокл хорошо сказал персидскому царю: «Речь подобна арассскому ковру, развернутому и полностью открытому для обозрения; тем самым образы появляются в виде конкретных фигур; в то время как если они остаются только в мыслях, они подобны скатанному и свернутому ковру».[145 – Платон, «Сравнительные жизнеописания» (Фемистокл, XXIX).] И этот второй плод дружбы, заключающийся в раскрытии разума, может быть получен не только от таких друзей, которые в состоянии дать совет (они и есть самые лучшие друзья); но даже без таковых человек познает себя, прояснит свои собственные мысли и заострит свой ум как бы о камень, который сам по себе не режет. Одним словом, человеку лучше обратиться с речью к статуе или картине, чем позволить своим мыслям тесниться в голове, не находя выхода.

И теперь, чтобы сделать этот второй плод дружбы полным, отметим ту другую его сторону, которая более открыта и поддается обычному наблюдению, а именно верный совет друга. Гераклит хорошо сказал в одной из своих загадок: «Сухой свет всегда самый лучший». И конечно же, свет, который человек получает от совета другого человека, суще и чище, чем тот, который проистекает из его собственного разума и суждения, ибо последний всегда насыщен и пропитан его чувствами и привычками. Так что между советом, который дает друг, и советом, который человек дает самому себе, существует такая же разница, как и между советом друга и советом льстеца. Потому, что нет большего льстеца, чем тот, кто сам себе льстец, и нет более сильного лекарства от самолюбивой лести, чем откровенное и свободное мнение друга.

Совет бывает двух видов: один относительно нравов, другой относительно дела. Что касается первого, то самым лучшим средством сохранения душевного здоровья является справедливое предупреждение друга. Призвать самого себя к ответу – это порой слишком сильнодействующее и разрушительное лекарство. Чтение хороших книг по морали – несколько скучновато и безжизненно. Замечать свои ошибки в других – не всегда подходит для нашего случая. Самое же лучшее лекарство (по-моему, лучше всего действующее и лучше всего воспринимаемое) – предупреждение друга. Интересно заметить, в какие серьезные ошибки и крайние нелепости, действительно, впадают многие (особенно люди более высокого положения) из-за того, что у них нет друга, который мог бы сказать им об этих ошибках; и тем самым они наносят огромный вред как своей репутации, так и своему благородству, ибо, как сказал святой Яков, они напоминают людей, «которые, посмотревшись в зеркало, тут же забывают свой собственный образ и облик».[146 – Нов. Зав., Посл. Иаков., гл. 1, ст. 24.] Что касается дела, человек может думать, если ему угодно, что два глаза видят не больше, чем один; или что игрок всегда видит больше,

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
чем сторонний наблюдатель; или что человек в гневе так же разумен, как и тот, кто спокойно пересчитает все двадцать четыре буквы алфавита; или что из мушкета можно так же хорошо стрелять с руки, как и с упора, и иметь тому подобные глупые и беспочвенные фантазии, полагаться во всем только на себя. Но, когда все средства исчерпаны, помощь доброго совета исправляет дело.

И если человек думает, что он примет совет, но сделает это по частям, спрашивая совет по одному делу у одного, а по другому – у другого, то это хорошо (т. е., возможно, лучше, чем если бы он вообще никого не спрашивал). Однако он подвергается двум опасностям. Первое, что ему дадут неверный совет, ибо, за исключением тех случаев, когда совет исходит от совершенно и целиком преданного друга, редко случается так, чтобы он не был корыстен и намеренно направлен на достижение каких-либо целей того человека, который дал его. Второе, что ему дадут совет вредный и небезопасный (хотя и с добрыми намерениями), который частично принесет неприятности, частично же явится средством исправления дела; как если бы вы пригласили врача, который, по общему мнению, хорошо вылечивает ту болезнь, на которую вы жалуетесь, но не знаком с вашим организмом, и поэтому он может излечить вас от данной болезни, но расстроить ваше здоровье в каком-либо другом отношении и тем самым вылечить болезнь, но убить пациента. Но друг, в совершенстве знакомый с состоянием ваших дел, будет осторожен, исправляя данное дело так, чтобы не причинить вам какую-либо другую неприятность. Поэтому не полагайтесь на случайные советы: они, скорее, отвлекут и уведут вас в сторону, чем устроят ваши дела и дадут им правильное направление.

Кроме этих двух благородных плодов дружбы (успокоение в чувствах и поддержка в суждениях) есть еще последний плод, который, подобно гранату, полон множества зерен. Я имею в виду помочь и участие во всех делах и случаях. Здесь наилучший способ убедиться в разнообразной пользе дружбы в жизни состоит в том, чтобы взглянуть вокруг и увидеть, сколько есть вещей, которых сам человек сделать не может. И тогда окажется, что изречение древних «друг – это второе я» недостаточно справедливо, ибо друг гораздо больше, чем второе я. Люди проживают жизнь и умирают с тревогой о некоторых вещах, которые особенно принимали близко к сердцу, – устройство жизни своего ребенка, окончание труда и тому подобное. Если у человека есть преданный друг, он может быть почти уверен в том, что об этом позаботятся и после его смерти; так что у человека тогда есть как бы две жизни для осуществления своих желаний. У человека одно только тело, и оно занимает только одно место в пространстве, но там, где есть дружба, все отправления жизни как бы удваиваются: они даются и самому человеку, и его заместителю, ибо он может осуществлять их через своего друга. Сколько есть на свете вещей, которые человек, дорожа своей честью и добрым именем, не может сам сказать или сделать? Вряд ли будет скромно, если человек сам будет расписывать свои заслуги и тем более превозносить их; случается, он не может вынести того, что ему приходится молить или просить о чем-то, и еще много других подобных вещей. Но все это вполне прилично в устах друга, хотя заставило бы самого человека покраснеть, если бы их произносили его уста. Кроме того, человеческая личность связана множеством условностей, которые не могут быть нарушены. Человек может говорить со своим сыном только как отец; со своей женой – только как муж; со своим врагом – только употребляя определенные выражения. В то же время друг может говорить так, как требует того случай, а не как это подобает данному лицу. Можно было бы бесконечно перечислять все преимущества дружбы. Я предлагаю следующее правило на тот случай, когда человек не может подобающим образом сыграть свою собственную роль: если у него нет друга, он может покинуть сцену.

XXVIII. О расходах

Богатства существуют, чтобы их тратить, а траты – чтобы делать добро и этим снискать честь. Поэтому чрезвычайные расходы должны быть соразмерны важности случая: добровольный отказ от своего достояния бывает нужен не только для спасения души, но и для блага отечества. Обычные же расходы надобно соразмерять с достатком, не допуская расхищения имущества слугами и производя траты наиболее выгодным образом, так, чтобы счета были в действительности меньше, чем можно подумать со стороны. Кто не хочет уменьшения своего состояния, должен тратить не более половины своего дохода; а кто желает приумножить его – не более трети. Самым важным osobам не зазорно входить в подобные дела самолично. Некоторые уклоняются от этого не из одной лишь небрежности, но боясь огорчиться, увидя свое состояние

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org расстроенным. Но нельзя исцелить рану, не исследуя ее. А кто уж никак не может сам управлять своим именем, должен хорошо выбирать управителей и почаще их сменять, пока они еще робки и не понаторели в плутнях. Кто может заниматься своим именем лишь изредка, тому следует завести во всем неизменный порядок.

Кто много тратит на один какой-либо предмет, должен быть столь же бережлив в другом. Так, например, если кто много расходует на стол, пусть будет бережлив в одежде; если любит пышную обстановку, пусть меньше держит лошадей, и тому подобное. Ибо, кто расточителен во всем, тот вряд ли избежит разорения. При продаже имения для расплаты с долгами так же легко повредить себе поспешностью, как и медлительностью, ибо поспешная продажа обычно так же невыгодна, как заем под проценты. К тому же, кто сразу расплачивается со всеми долгами, в скорости делает новые, ибо, выйдя из затруднения, возвращается к прежним привычкам. А кто расплачивается понемногу, приучается к бережливости, что полезно и для имущества, и для нравственности. Кто хочет поправить свое состояние, тот не должен пренебрегать мелочами. Не стыдно сокращать мелкие расходы – стыдно унизиться до мелкого стяжания. Долговременную статью расхода надо вводить осмотрительно, а если речь идет об одном разе, тут можно быть щедрее.

XXIX. Об истинном величии королевств и республик[147 – Второе издание 1612 г. содержало опыт «Of Greatnes of Kingdomes», который затем был Бэкона значительно изменен и расширен. В издании 1625 г. он фигурирует под названием «Of the True Greatness of Kingdoms and Estates». Однако до этого опыт был переведен на латинский язык (Томасом Гоббсом) и опубликован в 1623 г. в составе трактата «De Dignitate et Augmentis Scientiarum», VII, 3 под названием «Exemplum Tractatus summarii de Proferendis Finibus Imperii». Поэтому все пояснения к тексту этого опыта читатель может найти в наших примечаниях 132–150 к книге восьмой «О достоинстве и приумножении наук». См. Фрэнсис Бэкон, Сочинения в двух томах. М., 1971, т. 1, стр. 575–576.]

Слова афинянина Фемистокла, в отношении его самого высокомерные, в более общем смысле оказываются, однако, мудрым суждением и наблюдением. Когда на празднестве попросили его сыграть на лютне, он сказал, что «бренчать не умеет, зато может сделать из малого городка великий город». Эти слова (если употребить их в переносном смысле) могут выражать два рода способностей у тех, кто вершит дела государства. Сделав смотр советникам и министрам, мы найдем (хотя и в малом числе) таких, что могут сделать из малого государства великое, но не умеют бренчать; а с другой стороны, – великое множество таких, которые бренчат весьма искусно, но отнюдь не сумели бы сделать малое государство великим, ибо одарены талантом как раз противоположным – умением великую и цветущую страну довести до упадка и разорения.

Поистине, презренные уловки и хитрости, какими многие советники и министры приобретают и милость своего господина, и расположение толпы, не заслуживают лучшего названия, чем бренчание, ибо доставляют временное удовольствие, а их самих выставляют в приятном свете, но отнюдь не направлены к благу и процветанию государства, которому они служат. Существуют, без сомнения, и такие советники и министры, которые справляются с делами (*negotis pares*[148 – «Удовлетворяют требованиям» (лат.)]), умеют обходить пропасти и наиболее явные затруднения и тем не менее неспособны приумножить мощь и богатство страны. Но, каковы бы ни были деятели, обратимся к самому делу, т. е. к истинному величию королевств и республик и к способам достичь такого, – предмет, достойный внимания великих и могущественных государей, дабы они, переоценив свои силы, не тратили их попусту на неосуществимые предприятия, а, с другой стороны, недооценивая их, не поддавались советам робких и малодушных.

Величина страны может быть измерена, богатства и доходы ее – исчислены, число жителей – установлено по переписи, число и размеры городов и местечек – определены по картам и планам. И все же ни в чем нельзя так легко ошибиться, как в истинной оценке и верном суждении относительно моцни государства. Царство небесное уподоблено Писанием не какому-либо крупному зерну, а горчичному зернышку – одному из мельчайших, но наделенному свойством быстро распространяться. Так и государства бывают обширны, но не способны расширяться или повелевать или же, напротив, малы по размерам, но способны стать основой великой монархии.

Укрепленные города, большие запасы вооружения в арсеналах, хорошие породы коней, боевые колесницы, слоны, пушки и тому подобное – все это может оказаться лишь овцой в львиной шкуре, если нет при этом мужественного и воинственного народа. Самая численность армий не много значит там, где народу недостает мужества, ибо, как говорит Вергилий, «волку безразлична численность овец». Армия персов в долине Арбелы была столь многочисленна, что военачальники Александра, смутившись этим, стали просить его выступить против врага ночью. Но он ответил: «Не хочу красть победу», и победа оказалась легкой. Когда Тигран Армянский, расположившись на холме со своим войском в четыреста тысяч человек, увидел войско римлян, в котором едва насчитывалось четырнадцать тысяч, он возликовал и сказал: «Их слишком много для посольства, но слишком мало для битвы». А между тем не успело зайти солнце, как он убедился, что их было достаточно, чтобы рассеять его армию с огромными потерями. Много можно привести примеров, когда численность отнюдь не соответствовала мужеству; поэтому с достоверностью можно утверждать, что для величия государства необходим прежде всего воинственный народ.

Нельзя также, согласно ходячей поговорке, считать деньги мускулами войны там, где дряблы мускулы бойцов и народ изнежен. Хорошо Солон ответил Крезу, когда тот хвастал перед ним своим золотом: «Государь мой, достаточно прийти кому-нибудь с лучшим, чем у вас, железом, и он овладеет всем этим золотом». Пусть поэтому государи и государства трезво оценивают свои силы, если только их ополчение не состоит из храбрых бойцов. И с другой стороны, пусть государи, имеющие воинственных подданных, сознают свою мощь, ибо иначе они не воздают себе должного. Что же касается наемников (на которых в таких случаях рассчитывают), то опыт неизменно показывает, что, полагаясь на них, государи и государства «могут на время опериться, но очень скоро начинают линять».

Никогда не соединятся воедино дары, предназначенные Иуде и Иссахару: «никогда один и тот же народ не бывает одновременно и молодым львом, и ослом, падающим под бременем ноши»; никогда народу, обремененному податями, не быть воинственным и храбрым. Правда, что налоги, взимаемые с согласия народа, не так ослабляют его мужество; примером тому могут служить пошлины в Нидерландах и до известной степени субсидии в Англии. Заметьте, что речь идет у нас сейчас не о кошельке, а о сердце. Подать, взимаемая с согласия народа или без такового, может быть одинакова для кошельков, но неодинаково ее действие на дух народа. Заключим отсюда, что ни один народ, отягченный податями, неспособен повелевать другими.

Пусть государства, стремящиеся к могуществу, не дают слишком расплодиться знати и дворянству, ибо простой народ становится при этом тупым и забитым и работает только на господ. Нечто подобное бывает с лесными посадками: если саженцы слишком густы, никогда не получим мы чистого подлеска, а один лишь кустарник. Так и в стране: если слишком много дворян, простой народ вырождается; и дело может дойти до того, что из сотни не наберется и одного, годного к военной службе, особенно в пехоту, – ведь это главный нерв армии; вот и получится, что людей будет много, а силы мало. Нигде не сказалось это с такой ясностью, как при сравнении Англии и Франции: значительно уступая в размерах и в численности населения, Англия показала, однако, свое превосходство, и все потому, что английский средний класс поставляет добрых бойцов, а французское крестьянство – нет. Мудрым и достойным восхищения был статут короля Генриха VII (о чем я говорю подробно в истории его жизни), установивший размеры ферм и земельных участков с тем расчетом, чтобы земля обеспечила подданному довольство и независимость и за плугом ходил бы сам владелец его, а не наемный батрак. Так достигается то процветание, какое Вергилий приписывает древней Италии:

Terra potens armis atque ubere glebae. [149 – «...область, оружьем сильна и земли плодородьем»; Вергилий, «Энеида», кн. I, ст. 531.]

Не следует пренебрегать и тем сословием, которое, насколько мне известно, существует только в Англии да, еще, пожалуй, в Польше; я имею в виду сословие свободных слуг при дворянах и знати – эти на бранном поле отнюдь не уступают именем. Поэтому обычай широкого гостеприимства и роскошных, многочисленных свит у вельмож и дворянства, несомненно, немало способствует военной мощи. Напротив же, уединенный и замкнутый образ жизни дворянства порождает недостаток войск.

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Не надо щадить никаких усилий, чтобы ствол Навуходоносорова древа монархии был достаточно мощным для поддержания его ветвей и листьев, иначе говоря, чтобы число коренных подданных короны или республики было в надлежащем соотношении с числом иноземцев, которыми они управляют. Поэтому все государства, легко принимающие в подданство иноземцев, способны стать мощными державами. Ибо нельзя полагать, чтобы горсточка людей, сколь бы ни были они отважны и умелы, могла удерживать обширные владения; это может удаваться до поры до времени, но окончится внезапным крушением. Спартанцы проявляли в отношении чужеземцев большую разборчивость, отчего и были сильны, пока держались в своих границах, а когда распространились и ветви стали слишком тяжелы для ствола, то и сломились от первого ветра. Ни одно государство не принимало чужеземцев в свое лоно так охотно, как римское. Потому-то оно и выросло в величайшую монархию. У римлян было в обычай даровать права гражданства (называемые ими *jus civitatis*), причем самые полные, включавшие не только *jus commercii*, *jus connubii*, *jus haereditatis*, но и *jus suffragii* и *jus honorum*, [150 – «Право торговли, право вступления в брак, право наследования»; «избирательное право, право занимать государственные должности» (лат.)] – не только отдельным лицам, но и целым семьям, городам, а иногда и народам. Прибавим к этому их обычай основывать колонии, благодаря которому римские корни укреплялись в чужой земле. Сопоставив эти два обычая, мы можем сказать, что не римляне раскинулись по миру, а мир перед ними раскинулся; а это и было верным путем к достижению величия. Не раз дивился я, глядя, как Испания удерживает столь обширные владения с таким малым числом коренных испанцев; но уж, конечно, ствол испанский куда мощнее, чем были Рим или Спарта.

И к тому же, если нет у них широкой раздачи прав гражданства, зато есть нечто весьма к этому близкое, а именно обычай принимать почти все без различия народности в свою армию в качестве рядовых, а иногда и на высшие должности. Впрочем, сейчас они, по-видимому, ощутили недостаток коренного населения, как видно из недавно обнародованной Прагматической Санкции.

Несомненно, сидячая жизнь и тонкие ремесла (требующие скорее ловкости в пальцах, нежели силы в руках) по природе своей противоположны воинственному духу. А все воинственные народы вообще несколько склонны к праздности и опасности любят больше, чем труд. Да они и не должны быть к нему чрезмерно принуждаемы, если надобно сберечь их силу. Поэтому большим преимуществом древних государств – Спарты, Афин, Рима и других – был труд рабов, которые обычно и занимались подобными ремеслами. Это, однако, христианским законом почти повсеместно отменено. Остается в таком случае предоставить эти ремесла чужеземцам (коих для этого надлежит с большей легкостью принимать в свою среду), а коренным жителям простого звания оставить три занятия: хлебопашество, услужение по найму и те ремесла, кои воспитывают силу и мужество, как-то: ремесло каменщика, кузничное и плотничье дело, и др., не считая солдатского.

Но что важнее для создания мощной державы – это чтобы воинское дело стало у народа главной его частью и основной заботой. Ибо все указанное выше будет лишь подготовкой к достижению военной мощи; а что значит подготовка, если нет самого намерения и выполнения его? Как гласит история или легенда, Ромул, умирая, завещал римлянам превыше всего ценить воинское искусство, и тогда, сказал он, станут они величайшей державой мира. В Спарте государственный строй был полностью (хоть и неразумно) подчинен той же цели. Очень недолго господствовала она у персов и македонян. Некоторое время – у галлов, германцев, готов, саксов, норманнов и др. У турок она существует по сей день, хотя и клонится к упадку. В христианской Европе имеется она, в сущности, у одних лишь испанцев. Человек всего более преуспевает в том, чему всего усерднее предается – положение это настолько бесспорно, что останавливаться на нем далее нет нужды; довольно будет на него указать. Ни один народ, если он не занимается воинским искусством, не вправе ждать, чтобы величие свалилось на него с небес. А с другой стороны, очевидно, что те нации, кои долгое время в нем упражняются (как, например, Рим или Турция), творят чудеса. И даже там, где оно процветало лишь временно, обычно достигалось величие, сохранявшееся долгое время спустя, когда воинское искусство уже приходило в упадок.

Заметим, кстати, что государству надлежит иметь такие законы и обычай, которые предоставляли бы справедливые (или могущие быть названы таковыми) поводы к войне. Ибо люди по врожденному чувству справедливости не вступают в войну (отчего происходит множество бедствий), если нет к тому хоть сколько-нибудь благовидных предлогов. У турок таким удобным предлогом к

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
войне служит распространение их веры; этот предлог всегда у них под рукой.
Римляне хотя и ставили расширение границ империи в заслугу своим
полководцам, когда они это свершали, однако никогда не довольствовались
одним этим предлогом, чтобы начать войну. Пусть нации, стремящиеся к
величию, будут, во-первых, чувствительны к обидам, кому бы они ни были
нанесены – пограничным жителям, купцам или посланникам, и не сносят
бесчестье безропотно. Во-вторых, пусть постоянно будут готовы не медля
прийти на помощь союзникам; это всегда соблюдалось Римом, так что, когда
союзник его имел договоры также и с другими государствами и при вражеском
вторжении обращался за помощью к каждому из них, римляне всегда опережали
других и этой чести никому не уступали. Что же касается войн, некогда
ведшихся в интересах какой-либо партии или из стремления навязать повсюду
свой строй, то им трудно найти оправдание. Такова была война римлян за
свободу Греции; войны лакедемонян и афинян за создание или свержение
демократий и олигархий; или когда войны велись иноземцами под предлогом
защиты или борьбы за справедливость, ради освобождения чужих подданных
из-под ига тиранов, и тому подобное. Довольно будет сказать, что ни одно
государство не может стать великим, если не готово вооружиться по каждому
справедливому поводу.

Нет здоровья без упражнения; этого требует организм, как человеческий, так
и политический. А лучшим упражнением для государства служит справедливая и
почетная война. Гражданская война – та действительно подобна горячке; но
война с иноземцами, если и горячит, то лишь как упражнение, способствующее
здравью. Ибо периоды мирной лени несут с собой утрату мужества и
испорченность нравов. Как бы там ни было для благополучия, для величия
державы готовность к войне есть бесспорное преимущество. Именно мощь
постоянной армии (хотя это и немалый расход) заставляет всех соседей
слушаться или по крайней мере прислушиваться, как это мы видим на примере
Испании, где постоянная армия существует вот уже много десятилетий подряд.

Господство на морях имеет для королевства первостепенное значение. Цицерон,
когда писал Аттику о планах Помпея против Цезаря, говорил: «*Consilium
Pompeii plane Themistocleum est; putat enim, qui mari potitur, eum rerum
potiri*». [151 – «Планы Помпея поистине фемистокловские; он полагает, что
господство на море означает господство надо всем». Цицерон, «Письма к
Аттику», X, 8.] И Помпей, несомненно, взял бы Цезаря измором, если бы
самонадеянно не отказался от своего плана. Морские битвы имеют, как мы
знаем, важные следствия: битва при Акции решила, кому владеть миром;
Лепантский бой положил конец величию Турции. Есть много примеров, когда
морские битвы решали исход войны; но это бывает, если государь или
государство возлагают на них свои надежды. Одно, во всяком случае, верно:
господствующий на море действует с полной свободой и распоряжается войной
по своему усмотрению, тогда как имеющие перевес на суше часто, несмотря на
это, попадают в беду. В нынешней Европе преимущества, даваемые силой на
морях (ценнейшим наследием, доставшимся нашему британскому королевству),
поистине велики, как потому, что большинство государств Европы имеет
главным образом морские, а не внутренние границы, так и потому, что
господство на морях дает свободный доступ к сокровищам обеих Индий.

По сравнению с той славой и честью, какие доставались воинам древности,
войны нового времени ведутся словно в потемках. Для поощрения воинской
добрости есть у нас, правда, ордена различных степеней, коими, однако же,
награждаются без разбору как воины, так и не видавшие боя. Иногда память о
победе бывает увековечена в гербе. Есть также госпитали для изувеченных
воинов и еще кое-что. Между тем в древности все воодушевляло людей: и
трофеи, устанавливаемые на месте победы; и надгробные речи и памятники
павшим в бою; и увенчание победителей лавровым венком; и титул
«императора», впоследствии заимствованный величайшими монархами мира; и
триумфальные встречи вернувшихся полководцев; и щедрые дары воинам,
распускаемым по домам; а всего более – обычай триумфа, который был у римлян
не пустой мишурой, но одним из мудрейших и благороднейших установлений, ибо
включал в себя три вещи: почести полководцу, прибыль казне из военной
добычи и награды войскам. Правда, обычай этот, пожалуй, непригоден для
монархий, разве что почести воздаются самому монарху или его сыновьям. Так
и случилось во времена римских императоров, присвоивших право на триумф
себе и своим сыновьям, когда войны вели они сами, оставляя подданным лишь
знаки отличия и торжественные облачения.

В заключение скажем: никто не в силах «прибавить себе росту хоть на один
локоть», если речь идет о росте человека; иное дело – королевства или

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org республики: там государь или правительство могут и увеличить, и возвеличить свою державу, ибо с помощью тех законов, обычая и установлении, о которых мы говорили, могут быть заложены основы величия для преемников и потомства. А между тем это обычно не делается, но предоставляется случаю.

XXX. О поддержании здоровья

В этом деле есть мудрость, выходящая за рамки предписаний медицины: собственные наблюдения человека за тем, что ему хорошо, а что вредно, есть самая лучшая медицина для сохранения здоровья. И более безопасно говорить: «Это не очень хорошо влияет на меня, поэтому я воздержусь от этого», чем: «Я не нахожу ничего вредного в этом, поэтому я могу это употреблять». Ведь сила природы в молодости преодолевает многие излишества, которые свойственны человеку до самой старости. Не забывай надвигающихся лет и не думай делать по-прежнему то, что делал раньше, ибо с возрастом не спорят. Остерегайся внезапных изменений в какой-либо важной части диеты и, если необходимость вынуждает осуществить их, приспособь остальную часть диеты к этому изменению. Ибо один из секретов природы и политики состоит в том, что безопаснее менять много вещей, чем одну. Изучи свои привычки в отношении диеты, сна, занятий, одежды и тому подобного и старайся мало-помалу сокращать то, что ты сочтешь вредным; но делай это так, чтобы, обнаружив, что это изменение причиняет тебе неудобство, ты снова мог вернуться к прежним привычкам, ибо трудно различить то, что вообще считается хорошим и полезным, от того, что особенно хорошо и пригодно для твоего собственного тела. Один из лучших рецептов долгой жизни – это пребывать в свободном и жизнерадостном расположении духа в часы еды, сна и занятий. Что же касается страстей и увлечений духа, то избегай зависти, тревожных страхов, затаенного гнева, тонкого и путаного самоанализа, чрезмерных радостей и веселий, неразделенной печали.

Питай надежды; испытывай, скорее, спокойное веселье, чем буйную радость; стремись, скорее, к разнообразию удовольствий, чем к их излишеству; переживай удивление и восхищение от знакомства с новшествами; занимай ум блестящими и прославленными предметами, как история, предания и размышления о природе.

Если будешь совершенно избегать лекарств, они окажутся слишком чуждыми для твоего тела тогда, когда они тебе понадобятся; если слишком познакомишь с ними тело, они не произведут необходимого действия, когда наступит болезнь. Я, скорее, рекомендовал бы применять некоторую диету в определенные периоды, чем частое использование лекарств, если только это не превратилось уже в привычку, ибо эти диеты изменяют тело больше, а беспокоят меньше. Не оставляй без внимания ни одного происшествия с твоим телом и испрашивай мнение о нем. Когда болен, обращай внимание главным образом на здоровье; когда здоров – на свою активность. Ибо тот, кто, будучи здоровым, подвергает свое тело лишениям, когда заболевает не очень серьезными болезнями, может быть зачастую вылечен при помощи одной диеты и тщательного ухода. Цельс, если бы он был только врачом, а не мудрым человеком, не смог бы дать столь прекрасный рецепт здоровья и долголетия, а именно: человек должен менять и чередовать противоположности, но склоняться к более доброй из двух крайностей; например, чередовать пост и хорошее питание, но чаще хорошо питаться; чередовать бодрствование и сон, но предпочитать сон; чередовать отдых и упражнения, но чаще упражняться и тому подобное. Таким образом будет поддерживаться и укрепляться природа.

Некоторые врачи настолько поддаются настроению пациента и подделяются под него, что не заставляют его подчиняться правильному курсу лечения; а некоторые другие так педантичны в своих действиях, предпринимаемых в соответствии с искусством лечения, что недостаточно принимают во внимание состояние пациента. Изберите середину или же, если нельзя найти таких качеств в одном враче, возьмите двоих, того и другого рода; и не забудьте позвать как того, кто лучше знаком с вашим организмом, так и того, кто более всего известен своими способностями.

XXXI. О подозрении

Подозрения разнятся от прочих мыслей, как совы от птиц: тем, что летают в
Страница 42

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org потемках. Их надлежит подавлять или хотя бы подчинять; ведь они омрачают ум, ссорят с друзьями и служат помехой в деле. Государей они располагают к тирании, мужей – к ревности, а в мудрых рождают уныние и нерешимость. Подозрения зарождаются не в сердцах, а в умах; ибо им подвержены и смельчаки, каков был, например, Генрих VII Английский.[152 – Истории царствования и характеристике личности этого первого представителя Тюдоров Бэкон посвятил свое сочинение «The History of the Reign of King Henry the Seventh» (1621).] Не было человека подозрительнее его, но не было и смелее. Таким натурям подозрения не страшны, ибо обычно они не допускаются, покуда не выяснена их основательность; но натуралами робкими могут завладеть целиком.

Подозрений у человека тем больше, чем меньше он знает. Поэтому надлежит избавляться от подозрений, стараясь узнать побольше, а не держать их про себя. Чего же надобно людям? Уж не думают ли они, что имеют дело со святыми? Ужели предполагают, что у других нет собственных целей, коим служат они всего усерднее? Всего лучше поэтому умерять подозрения, помня, что они могут быть справедливы, и вместе с тем надеясь, что они ложны. Другими словами, из подозрений надлежит извлекать пользу ровно настолько, чтобы быть защищенным на случай, если они оправдаются. Подозрения, рождающиеся сами собой, подобны праздно жужжащим шмелям; но подозрения, вскормленные искусственно и внущенные чужим нашептыванием, имеют ядовитое жало. Чтобы прорубить дорогу в лесу подозрений, лучше всего откровенно поделиться ими с подозреваемым, ибо при этом сам наверняка будешь знать, основательны ли твои подозрения, а он остережется впредь подавать к ним повод. Этот способ, однако, не годится, когда имеешь дело с людьми низкими, ибо такие, однажды увидев себя подозреваемыми, никогда уж не будут верны. Итальянцы говорят: «Sospetto licentia fede», [153 – «Подозрение освобождает от верности.】 т. е., подозрение как бы освобождает подозреваемого от долга верности. А между тем оно должно было бы, напротив, побуждать к доказательствам верности.

XXXII. О беседе

Некоторые люди во время разговора стремятся скорее стяжать похвалу своему остроумию и доказать, что они в состоянии отстоять любые свои аргументы, чем проявить здравомыслие в распознавании того, что есть истина; как будто достойно похвалы знать, что можно было бы сказать по данному поводу, а не то, что следовало бы думать. У некоторых есть в запасе определенные общие места и выражения, которыми они умело пользуются, но им недостает разнообразия; бедность такого рода большей частью утомительна, а когда ее однажды заметили, смешна. Самый благородный способ ведения беседы состоит в том, чтобы сначала дать повод к ней, а затем смягчать мнения и перейти к чему-либо другому, ибо в этом случае человек как бы ведет в танце. В обсуждении или беседе хорошо разнообразить их тон и течение, перемежая разговор о текущих делаах с доказательствами, повествование – с размышлениеми, вопросы – с выражением мнений, серьезные предметы – с шутками, ибо глупо кого-нибудь сильно утомлять, или, как мы теперь говорим, «заездить». Что касается шутки, то есть определенные предметы, которые должны быть избавлены от нее, а именно: религия, государственные вопросы, великие люди, важное в данный момент дело любого человека и все, что заслуживает сочувствия. Однако есть такие люди, которые считают, что их ум будет спать, если только они не выпалят чего-нибудь пикантного и не уязвят другого человека до глубины души. Такую привычку следует держать в узде.

Parce, puer, stimulis, et fortius utere loris.[154 – «Сын, берегись погонять и крепче натягивать вожжи»; Овидий, «Метаморфозы», кн. II, ст. 127.]

И вообще следует соблюдать различие между остроумием и злостью. Разумеется, тот, у кого есть сатирическая жилка и который поэтому заставляет других бояться своего остроумия, неизбежно должен сам бояться их памяти.

Тот, кто задает много вопросов, много узнает и многое получает, в особенности, если его вопросы касаются предметов, особенно хорошо известных тем лицам, кого он спрашивает, ибо тем самым он предоставляет им случай доставить себе удовольствие в разговоре, а сам постоянно обогащает свой ум знаниями. Однако его вопросы не должны быть слишком трудными, дабы разговор не походил на экзамен. Он также должен поступать так, чтобы и всем

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org остальным людям была предоставлена возможность говорить в свою очередь. Если же найдутся такие, которые будут доминировать в разговоре и занимать все время, он должен отыскать средство вынудить их замолчать и включить в разговор других, как это обычно делают музыканты с теми, кто танцует слишком долгие гальярды.

Если иногда не показать знания того, что, по общему мнению, вам известно, то в следующий раз будут думать, что вы знаете и то, что вам может быть неизвестно. О самом себе надо говорить очень редко и тщательно выбирать выражения. Я знал одного человека, который имел обыкновение презрительно отзываться об одном знакомом: «Он, должно быть, хочет быть мудрым человеком, ведь он так много говорит о себе». Есть только один случай когда прилично, чтобы человек похвалил себя: когда он хвалит достоинства другого, при этом сам претендую на то, чтобы обладать этими достоинствами. Замечания, затрагивающие личность других присутствующих людей, должны употребляться очень осторожно, ибо разговор должен быть как бы прогулкой по полю и не вести в дом какого-либо человека. Я знал двух знатных людей из западной части Англии. Один из них был склонен к иронии, но всегда по-королевски угождал в своем доме. Второй спрашивал кого-либо из тех, кто был за его столом: «Скажите правду, неужели не было ни одной насмешки и колкости?» На что гость обычно отвечал: «Произошло то-то и то-то». Тогда лорд говорил: «Я так и думал, что он испортит хороший обед». Осторожность в речи значит больше, чем красноречие; а умение говорить должным образом с тем, с кем мы имеем дело, значит больше, чем умение говорить хорошо и стройно.

Беспрерывная речь, даже хорошая, при отсутствии способности к находчивому диалогу указывает на медлительность ума; а хороший ответ собеседника в диалоге без умения сначала последовательно и глубоко излагать свои мысли указывает на поверхностность и слабость суждений. Так мы наблюдаем и у животных, что те, кто слабее всех в беге, самые проворные на повороте; в этом различие между борзой и зайцем. Давать слишком много подробностей перед тем, как приступить к делу, значит утомлять слушателей; не давать их вовсе, значит поступать резко.

XXXIII. О колониях[155 – Опыт «Of Plantations» впервые появился в издании 1625 г. в латинском издании он назывался «De Plantationibus populi et Colonis». Сам Бэкон был энтузиастом колониальной политики и принимал активное участие в разработке планов колонизации Виргинии, Ньюфаундленда и Ольстера.]

Колонии принадлежат к числу предприятий древних, изначальных и героических. Когда мир был молод, он плодил больше детей; теперь, состарившись, он плодит меньше; [156 – Ср. Лукреций, «О природе вещей», кн. V, ст. 822–827.] ибо колонии можно поистине считать детищами старых государств. Мне более по душе поселение на безлюдных пространствах, где нет надобности сгонять с земли одних, чтобы поселить других. Иначе мы имеем, скорее, выселение, чем поселение.

Колонизация стран подобна насаждению лесов, ибо при этом приходится отказаться от прибылей лет на двадцать и пожать плоды трудов своих лишь спустя долгое время. Самым пагубным для большей части колоний было низкое и алчное стремление извлекать из них барыши с первых же лет. Разумеется, что и скорой прибылью пренебрегать не годится, но лишь поскольку она совместима с благом колонии, не более.

Постыдно и греховно заселять колонию отбросами общества и преступниками; это и для колонии пагубно, ибо подобные люди остаются негодяями и вместо работы предаются лености и бесчинствам, поглощают припасы, а вскоре, наскучив всем этим, сообщают на родину ложные вести, порочащие колонию. Населять колонию надлежит садоводами, пахарями, кузнецами, плотниками, столярами, рыбаками, охотниками, а к ним добавить врачей, поваров и пекарей.

При основании колонии удостоверьтесь прежде всего, какими природными продуктами она изобилует, как-то: каштаны, орехи, ананасы, оливки, финики, сливы, вишни, дикий мед и тому подобное. Затем прикиньте, какие быстрорастущие овощи и злаки можно вырастить за один год, как, например: пастернак, репа, морковь, лук, редис, земляная груша, маис и др. Что

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
касается пшеницы, ячменя и овса, то они требуют чрезесчур много труда; а вот
бобы и горох можно для начала посеять, ибо ухода им надобно меньше, а
сытностью они не уступают хлебу и мясу. Питательен также рис, дающий к тому
же обильные урожаи.

Но прежде всего надлежит ввезти запас сухарей, овсяной крупы, муки и
прочего, чтобы хватило до нового хлеба. Из животных и птиц берите больше
таких пород, которые не подвержены болезням и быстро плодятся, как-то:
свиньи, козы, петухи, куры, индюшки, гуси, голуби и др. Расходовать припасы
в колониях следует осмотрительно, почти как в осажденном городе. И пусть
большая часть земель под огородами и хлебами будет в общинном пользовании,
а урожай с них собирается в общественный склад, чтобы потом равномерно
распределиться; не считая участков, отведенных в личное пользование.

Поразмыслите также, какие из местных продуктов могут быть предметом
торговли и давать прибыль, дабы сколько-нибудь окупить первоначальные
расходы; но только (как уже было сказано) без ущерба для главного дела, как
это было в Виргинии с табаком.[157 - Виргиния – первая английская колония в
Америке. Охваченная жаждой наживы Лондонская компания организовала здесь
табачные плантации и нещадно эксплуатировала на них коренное население;
когда же туземцы стали массами гибнуть, в Виргинию начался ввоз
рабов-негров и приговоренных к ссылке преступников из Англии.] Лес обычно
имеется, и даже в избытке; пусть он и будет одной из доходных статей. Если
есть железная руда и потоки, пригодные для водяных колес, то при обилии
леса выгодно добывать железо. Хорошо также выпаривать соль, если этому
благоприятствует климат. Выгодно производство растительного шелка (growing
silk), где таковой имеется. В местах, изобилующих сосной и елью, верную
прибыль сулит добывание смолы и вара. Весьма прибыльны лекарственные и
благовонные растения, а также сода и многие другие предметы. Не следует
только чрезесчур много рыться в земле, ибо рудничные предприятия не сулят
верной прибыли, а между тем заставляют колонистов пренебрегать другими
делами.

Что до управления, то пусть оно будет в руках одного человека, а при нем
чтобы был совет; и пусть управление будет военным, хотя и с некоторыми
ограничениями. И пусть пребывание в пустыне прежде всего послужит обращению
помыслов человеческих к Богу. Пусть правитель колонии не подчиняется
чрезмерно большому числу советников и предпринимателей в метрополии, а лишь
ограниченному числу, и скорее знатным и дворянам, нежели купцам, ибо эти
последние заботятся более всего о немедленных барышах. Пусть колония
торгует беспощадно, пока не окрепнет, и даже более того: пусть свободно
вывозит свои товары куда ей выгодно, разве только будут особые причины
ограничить ее в этом.

Не обременяйте колонии, засылая беспрерывно одну партию поселенцев за
другой; узнавайте, какова там убыль, и посыпайте пополнение в меру
надобности, так чтобы поселенцы жили привольно и не терпели ни в чем нужды
вследствие тесноты. Случалось, что поселения гибли от того, что их
основывали по берегу моря и рек, в местах топких и нездоровьих. Поэтому,
если и селиться там для начала ради удобства перевозок, то распространяться
затем надлежит в глубь страны, но не вдоль рек. Для здоровья поселенцев
важно также иметь достаточный запас соли, дабы употреблять ее в пищу
сколько необходимо.

Если поблизости есть туземцы, то недостаточно одаривать их побрякушками;
надобно обходиться с ними справедливо и приветливо, соблюдая, однако,
должную осторожность. Не стремитесь приобрести их расположение, помогая им
завоевывать земли врагов, но единственно лишь защищая их; и почаше
посыпайте их в метрополию, чтобы они наблюдали там порядки, более
совершенные, чем их собственные, а вернувшись, хвалили их. Когда поселение
окрепнет, пора поселять там женщин, а не одних лишь мужчин – дабы поселенцы
могли множиться, а не пополняться беспрестанно извне. И нет тяжелее греха,
как кинуть на волю судеб однажды основанную колонию; не говоря уже о
бесчестии, это означает верную гибель многих невинных.

XXXIV. О богатстве

Не могу назвать богатство иначе как обузой добродетели. А еще более
подходит ему латинское слово «*impedimenta*».[158 - Имеет двоякое значение:

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org «препятствие, помеха» и «обоз».] Ибо богатство для добродетели то же, что обоз для армии: без него не обойтись, нельзя также и бросить его, но он затрудняет движение, а забота о нем стоит подчас победы.

В большом богатстве нет иной пользы, кроме возможности раздавать его; остальное же все – суeta. Как говорит Соломон: «Умножается имущество, умножаются и потребляющие его; и какое благо для владеющего им – разве только смотреть своими глазами».[159 – Ветх. Зав., Еккл., гл. 5, ст. 10.] Никто не может из больших богатств извлечь много для себя лично. Можно быть их хранителем, можно раздавать их, можно тщеславно ослеплять ими, но в чем истинная польза их для самого владельца? А дутые цены на камушки и редкости или пышные здания, возводимые напоказ, – разве не для того все это, чтобы найти большим богатствам хоть какое-то применение? Вы скажете, что они могут пригодиться на то, чтобы выручить людей из беды или опасности. Говорит же Соломон: «Имение богатого – крепкий город его и как высокая ограда в его воображении».[160 – Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 18, ст. 12.] Но недаром сказано, что это в воображении, а отнюдь не всегда на деле, ибо большое богатство гораздо чаще губит, нежели выручит.

Не стремись к чванным богатствам, но лишь к таким, какие можешь приобрести честно, тратить благоразумно, раздавать от души и оставить без сожалений. И все же не питай к ним философского или монашеского презрения. Умей различать тех, кто, как Рабирий Постум, по удачному выражению Цицерона «in studio rei amplificandae apparebat non avaritiae praedam, sed instrumentum bonitati quaeri».[161 – «В своем стремлении увеличить состояние обнаруживает не алчность, но поиски способов делать добро». Цицерон, «В защиту Рабирия Постума», 2.] Прислушайся также к словам Соломона и осторегайся поспешного накопления: «Qui festinat ad divitias, non erit insons».[162 – «Кто спешит разбогатеть, тот не останется ненаказанным». Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 28, ст. 20.] Поэты сочинили, будто Плутос (т. е. богатство) хром и медлителен, когда его посыает Юпитер, но быстроног, когда послан Плутоном. Это означает, что богатство, добытое правыми путями и честным трудом, приходит медленно; а когда достается с чьей-нибудь смертью (по наследству, завещанию и тому подобное), то сваливается внезапно. Но можно также толковать Плутона как дьявола, ибо, когда богатство достается от дьявола (мошенничеством, вымогательством и всякими неправыми путями), оно летит как на крыльях.

Способов обогатиться существует много, и большой частью гнусных. Из них скопость является одним из лучших; но и этот способ нельзя считать невинным, ибо он препятствует щедротам и милосердию. Наиболее естественный путь к богатству лежит через увеличение плодородия почвы, ибо это есть дар земли, великой матери нашей; но это способ медленный. И все же, когда люди с большими капиталами берутся за сельское хозяйство, это весьма умножает их богатства. Я знал в Англии вельможу, имевшего больше доходов, чем любой из моих современников: были у него и пастбища, и овцы, и лес, и зерно, и каменноугольные копи, и свинцевые и железные рудники, и еще многое другое. Земля была для него словно океаном, откуда вылавливала он все новые ценности. И правильно заметил некто, что нажить малые деньги ему было трудно, а большие – легко. Ибо, когда у человека запасено столько, что он может дожидаться самой высокой цены, заключать такие крупные сделки, которые не многим под силу, и пользоваться плодами усердия более мелких дельцов, он непременно богатеет все более.

Обычный доход от торговли и ремесла есть доход честный, приумножаемый двумя путями: прилежным трудом и славой честного дельца. Более сомнительны барыши от выгодных сделок: когда пользуются чужим несчастьем, действуют через подставных лиц, хитростью отделяются от менее выгодных покупателей или пускаются на другие бесчестные проделки. Что касается посредничества, когда товар покупается не для себя, а для перепродажи, то здесь обычно наживаются и на продавце, и на покупателе. Хорошим средством обогащения являются товарищество, если иметь дело с людьми надежными. Ростовщичество есть наиболее верный способ разбогатеть, но один из гнуснейших, ибо ростовщик ест свой хлеб «in sudore vultus alieni»[163 – «в поте чужого лица» – перефразировка библейского «в поте лица твоего». Ветх. Зав., кн. Бытие, гл. 3, ст. 19.] и к тому же не соблюдает дня субботнего. Однако, как ни надежен этот путь, все же и на нем есть свои тернии, ибо посредники ради собственной выгоды могут поручиться за людей несостоятельных.

Кому выпадет счастье опередить других в каком-нибудь изобретении или привилегии, может иной раз нажить несметные богатства, как это было с

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org первым, кто стал добывать сахар на Канарских островах. Так что, если человек окажется подлинно искусным в логике и проявляет как здравое суждение, так и изобретательность, ему суждены большие дела, особенно когда времена этому благоприятствуют. Кто ищет одних лишь верных прибылей, навряд ли станет очень богат; а кто вкладывает все имущество в рискованные предприятия, зачастую разоряется и впадает в нищету; поэтому надлежит сочетать риск с известным обеспечением на случай убытков. Верным путем к обогащению являются также монополии и исключительное право скупки товара, когда они ничем не ограничены, особенно если располагать сведениями насчет будущего спроса и запастись этим товаром заранее. Богатство, приобретенное службой; хотя и наиболее почетно, все же, когда добыто лестью, угождением и иными рабскими услугами, может быть причислено и к наиболее постыдным. Что же касается охоты за завещаниями и должностью душеприказчика (как это делал Сенека, по словам Тацита: «*Testamenta et orbos tamquam indagine capi*»[164 - «Он, словно ищейка, выслеживает завещания и бездетных граждан». Тацит, «Анналы», кн. XIII, 42.]), это и того хуже, ибо тут приходится угождать более недостойным людям, нежели при исполнении службы.

Не слишком верь тем, кто заявляет о своем презрении к богатству, ибо презирают его те, кто отчаялся его добить; и нет их хуже, когда случится им вдруг разбогатеть. Не будь копеечником. У богатства есть крылья: иногда оно улетает само; иногда же приходится пустить его в далекий полет, чтобы оно привлекло еще большее богатство. Оставляют богатство либо родичам, либо обществу; в обоих случаях умеренные доли больше идут впрок. Наследник, получивший большое состояние, – приманка для всех окрестных хищников, если только он годами и разумом не является более обычного зрелым. Точно так же роскошные дары и пожертвования обществу подобны жертвоприношениям без соли или гробам поваленным, в которых даяние скоро обращается в прах и тлен. Поэтому меряй дары свои не количественной мерой, но сообразуй с надобностью; и не откладывай даяний до смертного часа, ибо, если поразмысль, человек, поступающий так, щедр уже более за чужой счет, нежели за собственный.

XXXV. О пророчествах

Здесь я намерен говорить не о божественных прорицаниях; и не об оракулах язычников; и не о прогнозах, касающихся явлений природы; но именно о пророчествах, хорошо всем памятных и, однако же, необъяснимых. Так, пророчица говорит Саулу: «Завтра ты и сын твой будут со мною».[165 - Ветх. Зав., кн. Царств I, гл. 28, ст. 12.] У Гомера мы находим следующие стихи:

At domus Aeneae cuinctis dominabitur oris,
Et nati natorum, et qui nascentur ab illis.[166 - Гомер, «Илиада», кн. XX, ст. 307-308:«Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно, Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться».]

Что, по-видимому, является пророчеством об образовании Римской империи. В трагедиях Сенеки встречаются стихи:

...Venient annis
Saecula seris, quibus Oceanus
Vincula rerum laxet, et ingens
Pateat Tellus, Tiphysque novos
Detegat orbes: nec sit terris
Ultima Thule...[167 - Сенека, «Медея», дейст. II, ст.

440-444:«Промчатся годы, и чрез много веков Океан разрешит оковы вещей, и огромная явится взорам земля, и новые Тифис откроет моря, и Фула не будет пределом земли».]

Здесь предсказано открытие Америки. Дочь Поликрата увидела во сне, будто отца ее омывал Юпитер и осушал Аполлон; так и случилось: он был распят на открытом месте, где тело его, выставленное на солнце, обливалось потом и обмывалось дождями. Филипп Македонский увидел во сне, что запечатал печатью чрево жены своей, и истолковал это как пророчество об ее бесплодии, но гадатель Аристандр сказал ему, что, напротив, жена его беременна, ибо порожних сосудов не запечатывают. Тень, явившаяся Бруту в его палатке, провещала ему: «*Philippis iterum te videbis*».[168 - «Явлюсь тебе еще в Филиппах». См. Аппиан, «Гражданские войны», кн. IV, 134.] Тиберий говорил Гальбе: «*Tu quoque, Galba, degustabis imperium*».[169 - «И ты, Гальба,

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org отведаешь самодержавной власти». Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Гальба, 4).] Во времена Веспасиана на востоке было в ходу пророчество о том, что владычество над миром достанется выходцу из Иудеи. Тацит отнес это к Веспасиану, хотя это может быть пророчеством и о Спасителе.[170 - См. Тацит, «История», кн. V, 13.] Домициану в ночь накануне его убийства привиделось, будто на шее его выросла золотая голова; и действительно, эпоха его наследников была золотым веком. Генрих VI Английский как-то сказал о Генрихе VII, когда тот, будучи еще мальчиком, подал ему воды: «Этому мальчику достанется корона, за которую мы боремся».[171 - При Генрихе VI (1422–1461) началась война Алой и Белой роз. Ср. Бэкон. «The History of the Reign of King Henry the Seventh».] В бытность мою во Франции я слышал от некоего доктора Пэна, что королева-мать, верившая в астрологию, приказала под вымышленным именем составить гороскоп короля, своего супруга, а астролог заключил из него, что он будет убит на дуэли.[172 - Этим астрологом был известный составитель гороскопов, врач Ноstrадамус (1505–1566), автор «Centuries».] Этому королева много смеялась, полагая, что высокое положение ее супруга ограждает его от дуэлей; и все же он был убит на турнире обломками копья графа Монтгомери, которые вонзились ему под забрало. Во времена моего детства, когда королева Елизавета была в расцвете лет, в большом ходу было следующее предсказание:

«Как выйдет вся пенька,

Так и Англии конец».

Это толковали так: после царствования государей, у которых начальные буквы имен составляют слово «пенька»,[173 - Т. е. «hempe» – Henry, Edward. Mary, Philip, Elizabeth.] в Англии настанет величайшая смута; однако, благодарение Богу, дело ограничилось изменением в титуле короля, который именуется ныне королем не Англии, а Великобритании. Перед 88-м годом ходило еще одно пророчество, не вполне мне понятное:

Будет день, и беда к нам придет:

Между Бау и Мэй подойдет

Черный Норвегии флот.

Но, когда он воротится вспять,

Будешь, Англия, прочно стоять,

Не придется вовек воевать.

Это считалось за предсказание об испанском флоте, приплывшем в 88-м году,[174 - в 1588 г. испанский король Филипп II послал к берегам Англии свою «Непобедимую армаду».] ибо король испанский носит, как говорят, прозвище «Норвегия». Пророчество Региомонтано «Octogesimus octavus mirabilis annus»[175 - «Восемьдесят восьмой год будет достопамятным»; Региомонтан – прозвище немецкого математика и астронома Иоанна Мюллера (1436–1476).] также считалось сбывшимся, когда явился к нам этот огромный флот, если не численностью, то мощью превосходивший все когда-либо послыавшиеся в моря. Что касается до сна Клеона, то я его считаю шуткой.[176 - Этот сон сатирически изобразил Аристофан, «Всадники», Пролог, ст. 218 и след.] Ему приснилось, будто его пожирает предлинный дракон; на этом основании он получил прозвище Колбасник, что причинило ему величайшее огорчение.

Число подобных пророчеств весьма велико, особенно если добавить сюда сны и предсказания астрологов. Я здесь указал для примера лишь некоторые из известнейших. По моему мнению, все они заслуживают презрения и годятся разве вместо сказок, какими коротают зимний вечер у очага. Впрочем, советую презирать их, я хочу только сказать, что они не заслуживают веры; но появлением их и распространением пренебрегать нельзя, ибо они причиняют много вреда; и существует немало законов, которыми они строго караются.[177 - В Англии в XVI–XVII вв. неоднократно принимались законы против злоупотребления всякого рода предсказаниями.] А причин их распространения

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org можно указать три. Во-первых, людям свойственно замечать лишь те предсказания, которые сбываются; так же бывает у них и со снами. Во-вторых, смутные предания или догадки подчас облекаются в форму пророчеств, ибо человеку свойственно стремление предугадывать будущее и, следовательно, умозаключения обращать в предсказания. Так было со стихами Сенеки. Ведь тогда уже было известно, что земная поверхность простирается далеко за Атлантику, а значит, там может быть и суши. Вспомним также предание, рассказанное Платоном в «Тимее», и его «Атлантика»; [178 - Имеется в виду «Критий», который в одном из латинских переводов назывался «Критий, или Атлантик».] все это могло побудить поэта обратить эти сведения в предсказание. Последняя и главная причина состоит в том, что почти все эти бесчисленные пророчества суть не что иное, как обман, порождения праздных или лукавых умов, сочиненные уже после события.

XXXVI. О честолюбии

Честолюбие подобно желчи; присутствие этой влаги способствует в людях живости, проворству и рвению в делах, если не препятствовать ей выхода. В противном случае она перегорает, обращаясь в губительный яд. Так же точно и с честолюбцами: если путь перед ними открыт, они заняты делом и не опасны; но, встретив препятствие своим стремлениям, преисполняются тайного недовольства, со злобой взирают на все и вся, и особенно радуются, когда что-либо движется вспять, а это – худшее качество для слуги государя или государства. Поэтому государям, если имеют на службе у себя честолюбцев, следует стараться, чтобы они были на стороне прогресса, а не застоя; а раз это неизбежно сопряжено с трудностями, то лучше и вовсе таких людей не брать. Ибо если они не смогут возвыситься на своей службе, то приложат старания, чтобы службу принизить вместе с собой.

Но коль скоро мы сказали, что не следует прибегать к услугам честолюбцев, кроме как в случае необходимости, надлежит указать, в каких именно случаях они необходимы. Так, например, нельзя обойтись без даровитых полководцев, как бы ни были они честолюбивы, ибо заслуги их искупают все прочее; к тому же без честолюбия воин все равно что без шпор. Велика также польза честолюбца, когда государю надо заслониться от опасности или зависти; ведь на такую роль никто не отважится, если не подобен ослепленной птице, [179 - Приручаая охотничих птиц, им на время зашивали веки.] которая взлетает все выше и выше потому, что не видит ничего вокруг себя. Честолюбцы могут пригодиться и тогда, когда требуется сокрушить мощь какого-либо подданного, чрезмерно возвысившегося; так, Макрон пригодился Тиберию для расправы над Сеяном. [180 - См. Дион Кассий, «Римская история», LVII, 9.]

Поскольку в указанных случаях приходится пользоваться честолюбцами, остается сказать, каким образом держать их в узде, дабы сделать менее опасными. Честолюбцы менее опасны, если они низкого происхождения, а не знатного; если они сурового нрава, а не приветливы и любимы народом и если возвысились недавно и не постигли еще всех хитрых способов укрепить свое положение. Иметь любимцев считается некоторыми за признак слабости в государе, а между тем это наилучшее средство против мощных честолюбцев. Ибо, когда милость и немилость находятся в руках любимца, невозможно никому другому чрезмерно возвыситься. Есть и еще средство обуздывать их, а именно противопоставить им других, столь же надменных. Но тогда для равновесия необходим еще советник-посредник, ибо без такого балласта корабль подвергнется чересчур сильной качке. Наконец, государь может держать наготове нескольких человек менее крупного калибра, чтобы при случае натравить их на честолюбцев.

А если держать честолюбцев под угрозой опалы, оно, быть может, и неплохо для тех, кто робкого нрава, но тех, кто поотважнее, заставит поспешить с их замыслами и может оказаться опасным. А если интересы дела требуют их сокрушить, но сделать это внезапно было бы неосторожностью, остается одно: непрерывно чередовать милости и немилости, чтобы они не знали, чего ожидать, и были словно в лесу. В честолюбии безвреднее тот вид его, который состоит в стремлении побеждать в больших делах, а не в попытках всюду поспеть, ибо это рождает путаницу и портит дело. И все же пусть лучше честолюбец набирает себе много дела, чем много сторонников. Кто стремится занять почетное место среди людей способных, ставит себе трудную задачу; но это всегда на благо обществу. А вот кто замышляет быть единственной фигурой среди пешек – тот позор для своего времени.

Высокие почести заключают в себе три блага: возможность делать добро, близость к государю и важным osobам и собственное возвышение. Кто в честолюбивых устремлениях своих преследует лучшую из этих целей, тот честный человек; а кто из государей умеет эти цели распознать, тот мудрый государь. Вообще же государям и правителям надлежит избирать себе в министры тех, кто помышляет более о долге, чем о возвышении, и дело свое любит от души, а не напоказ; а также отличать суеверность от подлинного рвения.

XXXVII. О масках и триумфах[181 – Опыт «of Masques and Triumph» появился в третьем издании 1625 г. «Масками» называли любительские придворные спектакли, в которых иногда принимали участие царственные особы и высшая знать. Эти спектакли были богато декорированы, отличались изысканными костюмами и носили характер своеобразного дивертисмента с декламацией, пением, танцами, живыми картинами и разыгрыванием небольших сцен. Как это видно из частной переписки Бэкона, он сам принимал участие в организации таких празднеств еще будучи в корпорации Грейс-Инн и даже пробовал писать для них пьески. «Триумф» – здесь величественное театральное представление.]

Предметы, о которых пойдет речь, представляются лишь игрушками среди серьезных наблюдений. Однако, поскольку государи желают иметь их, лучше, если они изящно будут украшены, чем с большими затратами размалеваны. Танец под пение весьма торжествен и доставляет удовольствие. Насколько мне известно, пение должно осуществляться хором, расположенным на возвышении, и сопровождаться какой-либо струнной музыкой, а слова песнопения должны подходить к сюжету. Игра актеров во время пения, особенно в диалогах, производит чрезвычайно благоприятное впечатление; я говорю игра, а не танец (ибо это низко и вульгарно); и голоса диалога должны быть сильными и мужественными (бас и тенор, без диксанта); и слова – возвышенными и трагическими, а не чувствительными и утонченными. Несколько хоров, расположенных один против другого и вступающих в пение с перерывами, как при исполнении гимнов, доставляют огромное удовольствие.

Превращение танцев в фигуру есть детская забава. И вообще заметьте, здесь я излагаю такие вещи, в которых, естественно, есть смысл, а не те, которые вызывают лишь легкое удивление. Верно, что перемены сцен, если они происходят спокойно и без шума, очень красивы и доставляют большое удовольствие, ибо они дают пищу глазам и в то же время снимают с них усталость, освобождая от созерцания одних и тех же предметов. Сцены должны быть обильно залиты светом, окрашенным в различные, специально подобранные и меняющиеся цвета; и пусть участники маски или другие лица, которые будут сходить со сцены, делают на ней определенные движения, прежде чем сойти вниз, ибо это необыкновенно привлекает зрение и заставляет его с удовольствием стремиться разглядеть то, что оно не может отчетливо различить. Пение должно быть громким и бодрым, а не похожим на щебетание или писк. Музыка также должна быть отчетливой и громкой и располагающей. При свечах лучите всего смотрятся белый и алый цвета и так называемый цвет морской волны, а также блестки, ибо, хотя они стоят недорого, смотрятся лучше многоного другого. Что касается богатой вышивки, то она теряется и ее почти незаметно. Костюмы участников должны быть элегантны и им к лицу, даже когда сняты маски: они не должны следовать известным образцам одежды; не надо одеваться турками, солдатами, матросами и т. п.

Анти маски не должны быть слишком длинными: обычно они включают глупцов, сатиров, обезьян, дикарей, шутов, диких зверей, эльфов, ведьм, эфиопов, пигмеев, турок, нимф, простаков селян, купидонов, движущиеся статуи и тому подобное. Что касается ангелов, то представлять их как анти маску не достаточно смешно; и, с другой стороны, все, что отвратительно, также не подходит для нее, например черти и великаны. Но главное, пусть музыка их будет развлекательной и с несколько необычными переходами. Если во время представления неожиданно возникнут приятные запахи, но не будут падать капли, то это доставит вспотевшей и запарившейся компании большое удовольствие и освежит ее. Двойные (double) маски – одни мужские, другие дамские – увеличивают пышность и разнообразие. Но все это ничто, если залу не содержат в чистоте и опрятности.

Что касается турниров конных и пеших, с барьераами и без них, то главная их красота заключается в колесницах, в которых соперники выезжают на арену,

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org особенно если их везут какие-либо необыкновенные животные, как львы, медведи, верблюды и тому подобное; или же в особой манере их появления; или в великолепии их одеяний; или же в красивой сбруе их лошадей и красивых доспехах. Но достаточно об этих игрушках.

XXXVIII. О человеческой природе

Природа в человеке часто бывает скрыта, иногда подавлена, но редко истреблена. Принуждение заставляет природу жестоко мстить за себя, поучения несколько смиряют ее порывы, но только привычка может ее переделать и покорить.

Кто стремится победить в себе природу, пусть не ставит себе ни чрезмерно трудных, ни слишком легких задач, ибо в первом случае будет удручен частыми неудачами, а во втором – слишком мало сделает успехов, хотя побеждать будет часто. И пусть вначале облегчает себе дело, подобно пловцу, прибегающему к пузырям или камышовым связкам; а немного погодя пусть ставит себя, напротив, в трудные условия, как делают танцоры, упражняясь в тяжелых башмаках. Ибо для полного совершенства надо, чтобы подготовка была труднее самого дела.

Где природа могущественна и победа, следовательно, трудна, первым шагом к ней должно быть умение вовремя обуздить свой порыв: так, некоторые, желая остыть от гнева, повторяют про себя азбуку; затем следует себя ограничить: так, отучаясь от вина, переходят от заздравных кубков к одному глотку за едой; а там и совсем оставить свою привычку. Но если хватает у человека стойкости и решимости покончить с ней разом, это всего лучше:

Optimus ille animi vindicta laedentia pectus

Vincula qui rupit, dedoluitque semel. [182 – «Тот всего лучше свой дух побеждает, кто цепи на теле порвав, перестает и печалиться». Овидий, «Лекарства от любви», 293.]

Может пригодиться и старое правило: гнуть природу в противную сторону, чтобы тем самым выпрямить; но это лишь тогда, разумеется, когда противоположная крайность не будет пороком.

Пусть никто не понуждает себя к чему-либо беспрерывно, но дает себе передышку. Ибо она позволяет набраться сил для новых попыток; а кроме того, если человек, не утвердившись еще в новых правилах, беспрестанно себя упражняет, он заодно с хорошими упражняет и дурные свои свойства, укрепляя в себе к ним привычку; и помочь тут можно лишь своевременной передышкой. И пусть никто не верит вполне победе над своей природой, ибо природа может долгое время не давать о себе знать и вновь ожить при случае или соблазне. Так было с Эзоповой девицей, превращенной из кошки в женщину: уж на что она чинно сидела за столом, пока не пробежала мимо нее мышь. [183 – Имеется в виду эзоповская басня «Ласка и Афродита». Эзоп, «Басни», 50.] А потому пусть человек либо вовсе избегает соблазна, либо почаще ему подвергается, дабы стать к нему нечувствительным.

Природу человека всего легче обнаружить в уединении, ибо тут он сбрасывает с себя все показное: в порыве страсти, ибо тогда забывает он свои правила; а также в новых обстоятельствах, ибо здесь покидает его сила привычки.

Счастливы те, чья природа находится в согласии с их занятиями; иначе они могут сказать: «*Multum incola fuit anima mea*», [184 – «долго жила душа моя»]. Ветх. Зав., Псалм. Давид., 119, ст. 6.] когда вынуждены заниматься вещами, к которым не питают склонности. Занимаясь науками, пусть человек назначает часы тому, к чему себя понуждает; а для того, что согласно с его природой, пусть не заботится отводить особое время, ибо мысли его и сами будут к этому обращаться, насколько позволят другие дела и занятия.

В каждом человеке природа всходит либо злаками, либо сорной травой; пусть же он своевременно поливает первые и истребляет вторую.

Люди думают сообразно природным наклонностям, говорят сообразно познаниям и внущенным мнениям, но поступают они сообразно привычке. Поэтому верно замечает Макиавелли (хоть и гнусный выбирает при этом пример), что нельзя доверять ни силе природы, ни силе красноречия, если к ним не присоединяется еще и привычка. А пример его состоит в том, что для успеха кровавого заговора не следует полагаться ни на врожденную свирепость, ни на выражения решимости, но выбирать непременно такого, кто уже однажды обагрил свои руки кровью.[185 - См. Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», кн. III, гл. 6.] Правда, Макиавелли не знал ни брата Клемана, ни Равальяка, [186 - Жак Клеман – доминиканский монах, во время религиозной войны во Франции заколол 1 августа 1589 г. короля Генриха III. Франсуа Равальяк – католический фанатик, убил в 1610 г. французского короля Генриха IV.] ни Жореги, ни Балтазара Жерара;[187 - Жореги – покушался в 1583 г. на штатгальтера Голландии Вильгельма Нассауского, принца Оранского. Жерар через два года после Жореги повторил покушение и убил принца.] и все же его правило остается в силе: ни природа, ни словесные обязательства не имеют той силы, что привычка. Но только суеверие сделало ныне такие успехи, что и новички выказывают не меньшую твердость, чем закоренелый убийца; и даже в кровавом деле обет сделался равносителен привычке. Во всем прочем привычка царит повсеместно, так что диву даешься, слыша, как люди уверяют, заверяют, обязуются, громко клянутся, а затем поступают точно так же, как и раньше, словно все они мертвые истуканы, приводимые в движение одним лишь механизмом привычки.

Хорошо известно также, к чему ведет тирания обычая.[188 - Такой оборот в переводе возможен, т. к. английское слово «custom» означает и «привычку» и «обычай».] Индийцы (я разумею здесь касту их мудрецов), обрекши себя в жертву, спокойно восходят на костер, и даже жены их стремятся быть сожженными вместе с телами мужей. Юноши древней Спарты, не дрогнув, подвергали себя бичеванию на алтаре Дианы. Помнится, в начале царствования Елизаветы Английской один осужденный ирландский мятежник просил наместника, чтобы его удавили не веревкой, но ивовой лозой, ибо так именно поступали с мятежниками прежде. А в России бывает, что монахи из покаяния просиживают всю ночь в бочке с водой, покуда совсем не обледенеют.[189 - См. Д. Флетчер, «О государстве русском». СПб., 1906, гл. XXVIII.] Можно привести еще множество примеров всесильной власти привычки и обычая над телами и душами. И коль скоро обычай является главным правителем человеческой жизни, то и надлежит все силы устремить к установлению хороших обычаев.

Привычка всего прочнее, когда берет начало в юные годы; это и называем мы воспитанием, которое есть в сущности не что иное, как рано сложившиеся привычки. Смолоду и язык при обучении чужим наречиям послушнее воспроизводит звуки, и суставы гибче в движениях и упражнениях. А запоздалый ученик уже не может всего перенять, если только не принадлежит к тем умам, которые не поддались окостенению, но сохранили восприимчивость и готовность совершенствоваться; что встречается крайне редко.

Но если такова сила привычки у отдельных людей, еще гораздо могущественнее сила обычая среди людских масс. Ведь тут человека наставляет пример, ободряют товарищи, побуждает соревнование и награждает одобрение; так что сила обычая имеет здесь наиболее благоприятные для себя условия. Конечно, умножение добродетели в человеческой натуре зависит от хорошего устройства общества. Ибо республики и хорошие правительства лелеют добродетель уже созревшую, не оказывая заметного воздействия на ее семена. Но в том-то и беда, что наиболее действенные средства направлены в наши дни к целям, наименее желательным.

XL. О счастье

Нельзя отрицать того, что внешние обстоятельства во многом способствуют счастью человека: фавор, благоприятная возможность, смерть других, случай, способствующий добродетели. Но главным образом судьба человека находится в его собственных руках. «Faber quisque fortunae suaes»,[190 - «Каждый кузнец своего счастья». Плавт, «Тринуммус», акт II, сц. 2, ст. 84.] – сказал поэт. Наиболее же частой внешней причиной счастья одного человека является глупость другого, ибо нет другого такого способа внезапно преуспеть, как воспользовавшись ошибками других людей. «Serpens nisi serpentem comedenter

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org non fit draco». [191 - «Змея не станет драконом, пока не съест другую змею» (лат.).] Открытые и очевидные достоинства вызывают похвалу; но есть тайные и скрытые достоинства, приносящие счастье, – определенные проявления человеческой натуры, которые не имеют названия. Отчасти они выражаются испанским словом «desinvoltura», т. е. когда в натуре человека нет упрямства или своенравия и проявления его духа следуют за поворотами колеса фортуны. Так, Ливий, описав Катона Старшего следующими словами: «In illo viro, tantum robur corporis et animi fuit, ut quicunque loco natus esset, fortunam sibi facturus videretur», [192 - «В этом человеке сочетались такие физические и духовные силы, что, где бы он ни родился, он, несомненно, смог бы устроить свое счастье»; Тит Ливий, «Римская история от основания города», кн. XXXIX, 40.] отметил, что он имел «versatile ingenium». [193 - «Гибкий талант» (лат.).] Поэтому, если человек посмотрит пристально и внимательно, то он увидит фортуну; ибо хотя сама она и слепа, однако не является невидимой. Дорога фортуны подобна Млечному Путю в небе, который есть собрание или средоточение множества мелких звезд, не видимых поодиночке, но дающих свет, когда они собраны воедино. Таковы же незначительные и едва различимые свойства или, скорее, способности и нравы, которые делают людей счастливыми.

Итальянцы отмечают среди них и такие, которые вряд ли придут в голову. Когда они говорят о ком-либо, кто не может ошибиться, то к его прочим качествам они обязательно добавят, что у него есть «rossco di matto». [194 - «Немного безумия» (итал.).] И конечно, не может быть двух более счастливых свойств, чем быть немножко глупым и не слишком честным. Поэтому-то те, кто чрезвычайно любят свою страну или своих господ, никогда не были счастливы; они и не могут быть таковыми. Ибо когда человек устремляет свои мысли на что-либо лежащее вне его, он уже не волен идти своим собственным путем.

Скороспелое счастье делает предпримчивым и неугомонным (у французов есть более подходящие слова «entrepreneur» или «remuant»); испытанное счастье делает опытным и умелым. Счастье надо уважать и почитать хотя бы из-за двух его дочерей – уверенности и репутации. Ведь обе они порождают удовлетворение: первая – в самом человеке; вторая – в других по отношению к нему. Все мудрые люди, чтобы отвести зависть к своим успехам, достигнутым благодаря их добродетелям, обычно приписывают эти успехи Пророчеству и Судьбе, ибо они таким образом могли спокойнее пользоваться своим счастьем и, кроме того, это признак величия человека, если о нем заботятся высшие силы. Поэтому Цезарь сказал своему проводнику в бурю: «Caesaram portas, et fortunam eius». [195 - «Ты везешь Цезаря и его счастье». Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Цезарь, XXXVIII).] Поэтому Сулла выбрал имя Felix, а не Magnus. [196 - «Счастливый», а не «Великий». См. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Сулла, XXXIV).] Было также замечено, что те, кто открыто приписывают слишком многое своей собственной мудрости и прозорливости, плохо кончают. Передают, что Тимофея Афинский, рассказывая народному собранию о результатах своего правления, часто вставлял в свою речь слова: «И к этому фортуна не была причастна»; и после этого, чтобы он ни предпринимал, он никогда больше ни в чем не преуспевал. Конечно, есть и такие люди, судьбы которых подобны стихам Гомера, которые более гладки и легки, чем стихи других поэтов, как, к примеру, Плутарх говорил о судьбе Тимолеонта, [197 - См. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Тимолеонт, XXXVI).] противопоставляя ее судьбе Агесилая или Эпаминонда. Но что бы там ни говорили, несомненно, многое здесь зависит от самого человека.

XLI. О ростовщичестве

Много было сказано против ростовщичества. Говорили, что не подобает отдавать дьяволу божью долю, т. е. десятину. Что никто более ростовщика не нарушает дня субботнего, так как он работает и по праздникам. Что ростовщик и есть тот трутень, о котором сказано у Вергилия:

Ignavum fucus pecus a praesepibus arcent. [198 - «Трутней от ульев своих отгоняют, ленивое стадо». Вергилий, «Георгики», кн. IV, ст. 168.]

Что ростовщик нарушает первый закон, данный человечеству после грехопадения, а именно: «In sudore vultus tui comedes panem tuum», – но не «in sudore vultus alieni». [199 - «В поте лица твоего будешь есть хлеб». Ветх. Зав., кн. Бытие, гл. 3, ст. 19. Затем, перефразировка Бэкона: «В поте

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org чужого лица».] что ростовщику подобает желтый колпак, ибо он жидовствует. что противоестественно, чтобы деньги рождали деньги; и тому подобное. Я же скажу только, что ростовщичество есть «concessum propter duritatem cordis», [200 - «Уступка по жестокосердию» (лат.).] ибо раз уж должны быть на свете заимодавцы и должники, а люди столь жестокосердны, что не хотят ссужать безвозмездно, то ростовщичество должно быть дозволено. Кое-кто предлагал хитроумные предосторожности по части банков, установления несостоятельности и тому подобного. Но мало кто говорил о ростовщичестведельно. Нам следует поэтому обозреть дурные и хорошие его стороны, дабы взвесить и отделить хорошее, и действовать осмотрительно, чтобы, стремясь к лучшему, не прийти к худшему.

Дурные стороны ростовщичества следующие. Во-первых, то, что оно уменьшает число купцов. Не будь этого паразитического промысла, деньги не лежали бы втуне, а большей частью оплодотворяли торговлю, которая есть *vena porta* богатства страны. Во-вторых, ростовщичество обедняет купцов. Как у землемельца дела идут хуже, когда он платит большую аренду, так и у купца хуже идет торговля, если он занимает под большие проценты. Третье неудобство проистекает из первых двух и заключается в уменьшении доходов правительства и государей от таможенных пошлин, ибо доходы эти зависимы от торговли. Четвертое состоит в том, что богатства страны скопляются в немногих руках, ибо доходы ростовщика надежны, все же другие подвержены случайностям, так что в конце игры большая часть денег остается в его кубышке; а между тем для процветания страны надо более равномерное распределение богатств. Пятое неудобство состоит в том, что ростовщичество понижает цены на землю, ибо главное применение денег заключается в купле-продаже; ростовщичество же препятствует тому и другому. Шестым является застой во всех промыслах, нововведениях и изобретениях, куда притекали бы деньги, если бы не эта помеха. И наконец, ростовщичество является губительной язвой для множества частных состояний, а это со временем истощает и самое государство.

С другой стороны, ростовщичество имеет и свои выгоды. Во-первых, хотя оно кое в чем и затрудняет торговлю, зато в других отношениях благоприятствует ей, ибо известно, что торговля ведется большей частью молодыми купцами, которые берут взаймы под проценты; так что, если ростовщик возьмет свои деньги назад или откажет в них, это может повести к застою в торговле. Во-вторых, не будь возможности легко занять под проценты, люди платились бы за свои траты разорением, ибо были бы вынуждены продавать имущество (как движимое, так и недвижимое) за бесценок; ростовщичество подтачивает их состояние исподволь, а тут они сразу пошли бы ко дну. Что до ипотек, то они мало помогают против этого зла, ибо ненужных залогов никто не возьмет, а ценные всякий захочет присвоить за неуплату. Помню одного жестокосердого богача, который всегда говорил: «Черт бы побрал этих ростовщиков; они отбивают у нас все барыши от просроченных залоговых». В-третьих, тщетно было бы искать охотников ссудить без процентов, а ограничение ссуд повлекло бы за собой неисчислимые неудобства. Вот почему все толки об уничтожении ростовщичества являются праздными. Всегда и всюду оно было – не в одном, так в другом виде. Так что с этим замыслом надо отправляться в Утопию.

Поговорим лучше о том, как удержать ростовщичество в должных границах, как устраниТЬ наносимый им ущерб и сохранить выгоды. Взвесив первые и вторые, мы убедимся, что необходимы две вещи. С одной стороны, следует подпилить зубы ростовщику, дабы ослабить его хватку; с другой – побудить денежных людей ссудить свои деньги купцам ради оживления торговли. А этого нельзя добиться, если не ввести двух различных ссудных процентов – меньшего и большего. Ибо, если установить единый низкий процент, это облегчит долю обычного должника, зато купцу трудно будет найти где занять денег. А между тем торговля, будучи делом наиболее прибыльным, – не то, что другие, – может выдержать более высокий ссудный процент.

Итак, чтобы достичь обеих целей, надлежит установить два процента. Один – доступный и общий для всех; другой – по особому разрешению, для некоторых лиц и только в главных торговых городах. Пусть общий процент будет снижен до пяти, пусть он будет повсеместно дозволен и государственными пошлинами не облагается. Это не даст иссякнуть кредиту, облегчит долю бесчисленных должников и немало повысит цены на землю, ибо земля, которая покупается за шестнадцать лет, приносит шесть со ста и даже несколько более, тогда как такая ссуда приносит всего пять. По той же причине это поощрит промышленность и выгодные усовершенствования, так как многие скорее вложат деньги во что-либо подобное, нежели согласятся ссудить из пяти процентов,

далее, пусть некоторым лицам будет дозволено ссужать известных купцов под больший процент, но с соблюдением следующих предосторожностей. Пусть и этот процент для купцов будет несколько ниже того, что им приходилось платить ранее, ибо тогда преобразование принесет облегчение всем должникам, будь то купец или кто другой. Пусть не будет банка и общей кассы, но пусть каждый сам распоряжается своими деньгами. Не то, чтобы я совсем не признавал банков, но их вряд ли будут терпеть, ибо доверия к ним нет. Пусть государство требует себе небольшую долю за предоставленное разрешение, а остальное идет заимодавцу. Ибо, если процент будет снижен незначительно, это ничуть его не охладит. Кто раньше брал десять или девять процентов, тот скорее удовольствуется восемью, нежели вовсе откажется от ростовщичества и верным прибылям предпочитет неверные. Число таких разрешений нет надобности определять заранее; но выдавать их следует лишь в наиболее крупных торговых городах, ибо тогда они едва ли окажут действие на ссудный процент по всей стране; и разрешение взимать девять процентов не уничтожит общей нормы в пять процентов, ибо никто не станет одолживать своих денег далеко или в неизвестные руки.

Если кто возразит, что это явится как бы поощрением ростовщичества, которое сейчас в иных местах едва терпят, то мы ответим, что лучше умерить ростовщичество, признав его открыто, нежели дать ему полную волю, повторствуя ему втайне.

XLI. О юности и старости

Человек, молодой годами, может быть умудрен жизненным опытом, если он не терял времени даром. Но это случается редко. Вообще говоря, юность подобна первым пришедшим в голову мыслям, которые не так зрелы, как последующие. Ибо юность бывает не только в возрасте, но и в мыслях. И все же изобретательность у молодых людей более ярка, чем у старииков, идеи рождаются в их воображении с большей легкостью и как бы более вдохновенно. Натуры, обладающие огромным пылом и большими и бурными желаниями и страстями, не созрели для действий до тех пор, пока не перешли меридиан своих лет. Так было с Юлием Цезарем и Септимием Севером. О последнем из них сказано: «*Juventutem egit erroribus, imto furoribus, plenam*». [201 – «Молодость его была полна ошибок, более того – безумия» (лат.).] И все же он был, пожалуй, самым способным императором из всех. Но уравновешенные натуры могут хорошо проявить себя и в молодости, как это видно на примере Октавиана Августа, Козимо, герцога Флорентийского, Гастона де Фуа и др. С другой стороны, пыл, живость и пожилой возраст являются отличным сочетанием для ведения дел.

Молодые люди более подходят для того, чтобы изобретать, чем выносить суждение; выполнять дело, чем советовать; выдвигать новые проекты, чем продолжать начатое дело. Ведь опыт старых правильно руководит ими в тех делах, которые попадают в его рамки, но в отношении новых явлений он вводит их в заблуждение. Ошибки молодых людей означают гибель всего дела; ошибки пожилых лишь означают, что можно было сделать больше или скорее.

Молодые люди, ведя свои дела и управляя ими, захватывают больше, чем могут удержать; будоражат больше, чем могут успокоить; несутся к цели, не обращая внимания на средства и желая достичь ее сразу, одним махом; слепо следуют каким-то нескольким принципам, на которые они случайно наткнулись; легкомысленно вводят новшества, которые влекут за собой непредвиденные неудобства; прибегают сразу к крайним мерам и – что усугубляет все их ошибки – не признают ошибок и не исправляют их; не идут на попятную, как нетренированная лошадь, которую не остановишь и не повернешь. Старики слишком много возражают, слишком долго советуются, слишком мало рискуют, слишком скоро раскаиваются и редко доводят дело до полной победы, а удовлетворяются средним успехом. Разумеется, в деле лучше всего сочетать достоинства обоих возрастов; это будет хорошо как для настоящего, ибо достоинства каждого возраста могут исправить недостатки другого, так и для будущего, ибо молодые могут учиться, пока еще работают пожилые люди; и наконец, такое сочетание было бы хорошо для внешних связей, ибо старики пользуются авторитетом, а молодежь – любовью и популярностью. Однако, что касается моральной стороны, то здесь, пожалуй, предпочтение будет отдано молодежи, старость же будет играть роль в политической стороне дела. Некий

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org раввин, рассматривая библейское высказывание «Ваши юноши будут иметь видения, а ваши старики увидят лишь сны», [202 – Ветх. Зав., кн. Иоиля, гл. 2, ст. 28.] делает вывод, что юноши ближе допускаются к Богу, чем старики, поскольку видение – это более ясное откровение, чем сон.

И разумеется, чем больше человек пьет от мира, тем больше он опьяняет его; и старость совершенствует, скорее, силы разума, чем добродетели воли и чувств. Есть такие, которые чрезмерно рано созревают для своих лет, и зрелость эта рано вянет. К ним относятся прежде всего те, у кого хрупкий ум, острье которого вскоре притупляется. Таким был Гермоген-риторик, книги которого чрезвычайно тонки и островербны и который впоследствии поглувел. Во-вторых, те, у кого есть какие-либо естественные наклонности, которые более свойственны молодости, чем старости, как, например, плавная и цветистая речь, которая лучше подходит молодым, чем старикам. Так, Туллий говорит о Гортензии: «*Idem manebat, neque idem decebat*». [203 – «Он оставался прежним, но прежнее ему уже не шло». Цицерон, «Брут, или о знаменитых ораторах», 95.] В-третьих, те, которые с самого начала забираются слишком высоко и величественны более, чем позволяют им прожитые годы. Как, например, Сципион Африканский, о котором Ливий прямо сказал: «*Ultima primis cedebant*». [204 – «Последние уступали первым». Тит Ливий, «Римская история от основания города», кн. XXXVIII, 53.]

XLIII. О красоте

Добродетель подобна драгоценному камню, который лучше всего выглядит в простой оправе; и конечно, добродетель лучше всего проявляется в человеке, который просто приятен, хотя и неизысканных свойств и который, скорее, держится с достоинством, чем красив на вид. Так же почти не наблюдается, чтобы очень красивые люди в других отношениях обладали большими достоинствами; как будто природа, выпуская их в свет, скорее, была озабочена тем, чтобы не допустить ошибки, а не тем, чтобы произвести совершенство. И поэтому они оказываются лишенными недостатков, но не обладают возвышенностью духа и заботятся, скорее, о манерах, чем о добродетели. Но это не всегда справедливо: ведь Август Цезарь, Тит Веспасиан, Филипп Красивый французский, Эдуард IV Английский, Алкивиад Афинский, Исмаил, шах персидский – все они обладали возвышенным и величественным духом и тем не менее были самыми красивыми людьми своего времени. Что касается самой красоты, то миловидность ставится выше яркости, а красота и грациозность в движениях – выше миловидности.

Эта лучшая часть красоты не может быть выражена в портрете: он не может передать и красоту живого лица, даже в первых проблесках жизни.

Не существует такой совершенной красоты, у которой не было бы какой-либо необычности в пропорции. Нельзя сказать, кто был более безумен, Апеллес или Альбрехт Дюрер, из которых один создавал образы с помощью геометрических пропорций, а другой – беря лучшие черты у разных лиц и составляя из них одно совершенное. [205 – Бэкон, по-видимому, имеет в виду трактат Дюра «Четыре книги о пропорциях человеческого тела, найденных и описанных Альбрехтом Дюремом из Нюрнберга на пользу всем любящим таковую науку» (1528). Что касается Апеллеса, то источники приписывают такой метод другому древнегреческому художнику – Зевксису. Расписывая храм Геры в Кротоне, Зевксис выбрал пять красивых девушек, чтобы из лучших черт каждой создать образ Елены. Аналогичная ошибка (упоминание «Венеры» Апеллеса, вместо «Елены» Зевксиса) содержится и в трактате «О достоинстве и приумножении наук», кн. VI, гл. 1.] Я думаю, что такие портреты никому не доставят удовольствия, кроме художника, который их нарисовал. Не то, чтобы я полагал, что художник не может нарисовать лицо более красивое, чем когда-либо существовавшее в реальной жизни; но тогда ему должна придти на помощь своего рода удача (как к музыканту, создающему арию), а не установленные правила.

Часто можно наблюдать лица, черты которых, если рассматривать их одну за другой, не красивы, однако все вместе приятны на вид. Если справедливо, что основную часть красоты составляет изящество движений, то, разумеется, неудивительно, что люди в годах кажутся во много раз приятнее, чем молодые, «*pulchrorum autumnus pulcher*»; [206 – «Прекрасна осень прекрасного» – изречение, приписываемое Эврипиду. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Алкивиад, 1.)] ведь юные не могут держать себя так грациозно, как люди в

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org годах, если только не считать, что это возмешается молодостью и заслуживает снисходительного отношения. Красота подобна летним плодам, которые легко портятся и не могут долго сохраняться; и по большей части она делает молодость беспутной, а в старости за это приходится раскаиваться. Но так же верно и то, что если красота такова, какой ей должно быть, то она заставляет добродетель сиять, а пороки краснеть.

XLIV. Об уродстве

Уродливые люди обычно сводят счеты с природой; так как природа причинила им зло, то и они, будучи по большей части (как говорит Священное Писание) «обойдены любовью», мстят природе. Разумеется, между телом и духом имеется определенное соответствие, и, где природа ошиблась в одном, она рискует ошибиться и в другом: *«ubi reppcat in uno, periclitatur in altero»*. Но поскольку у человека есть право выбора в отношении склада его души, который не зависит от устройства его тела, то иногда звезды природной склонности затмеваются солнцем дисциплины и добродетели. Поэтому уродство лучше считать не признаком злой природы, ибо это может ввести в заблуждение, а причиной злого нрава, которая редко не имеет последствий. Если у кого-либо есть что-то в его личности, что вызывает презрение, то у него также есть постоянное стремление спасти и оградить себя от насмешки. Вследствие этого все уродливые люди чрезвычайно смелы – вначале для своей собственной защиты, так как они открыты для насмешек, а с течением времени – по привычке. Их уродство также побуждает их к прилежанию, особенно в том отношении, что они наблюдают и замечают слабости других, с тем чтобы как-то им отплатить. Кроме того, их безобразие заглушает ревность по отношению к ним у тех, кто стоит выше, так как эти люди думают, что могут сколько угодно презирать их; и это усыпляет их соперников и конкурентов, которые никогда не верят, что уродливые люди получат повышение, до тех пор, пока не увидят, что они его уже получили. Так что, строго говоря, для большого ума уродство составляет даже преимущество для возвышения.

В древние времена (а в некоторых странах и сейчас) правители имели обыкновение оказывать большое доверие евнухам, потому что те, кто завидуют всем, более угодливы и почтительны по отношению к одному. И все же они доверяли им, скорее, как хорошим шпионам и ловким доносчикам, чем как хорошим судьям и чиновникам. Таково отношение и к уродливым людям. И причина этого та же, ибо если они сильны духом, то будут стремиться оградить себя от насмешек; а это может быть сделано либо при помощи добродетели, либо при помощи зла; и поэтому не следует удивляться тому, что иногда они оказываются великими людьми; такими были Агесилай, Зангер – сын Солимана, Эзоп, Гаска – президент Перу; и Сократ может также быть назван среди них вместе с другими.

XLV. О строениях

Дома строятся для того, чтобы в них жить, а не смотреть на них; поэтому следует оказывать предпочтение пользе перед гармонией, за исключением тех случаев, когда можно достичь и того и другого. Сооружение невиданных домов только для красоты оставьте поэтам, которым дешево обходятся их заколдованные замки. Тот, кто строит хороший дом на плохом месте, заключает себя в тюрьму. Я считаю плохим местом не только такое, где нездоровый воздух, но также – где воздух непостоянен. Можно видеть много красивых зданий, расположенных на возвышении, окруженном более высокими холмами, благодаря чему там скапливается жар солнца и собирается ветер, как в расщелинах скал; так что у вас будет, и притом внезапно, такое разнообразие жара и холода, как будто вы живете в двух разных местах.

И не только плохой воздух делает место не подходящим для постройки дома, но и плохие дороги, плохие рынки и – если вы обратитесь за советом к Мому – плохие соседи.[207 – Мом (миф.) – греческий бог насмешки и злословия. Имеется в виду эзоповская басня «Зевс, Прометей, Афина и Мом». Эзоп, «Басни», 100.] Я не буду говорить еще о многом другом: нехватка воды; нехватка леса, тени и защиты; плохое плодородие земли и малое ее разнообразие; отсутствие приятного вида; отсутствие ровных площадок; отсутствие вблизи от дома мест для охоты с борзыми и соколом или скачек; близко к морю, слишком далеко от него; неудобство от судоходности рек или

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org неудобство от их разлива; слишком далеко от больших городов, что может мешать вашим делам, или слишком близко к ним, что может привести к нехватке провизии или ее удорожанию; где человек будет располагать всеми удобствами, чтобы жить беззаботно, или где его средства к жизни будут ограничены; и поскольку, вероятно, невозможно найти все это в одном месте, то все же полезно знать и думать о них, чтобы получить столько, сколько можно; и если у кого-нибудь есть несколько домов, то он должен распределить их таким образом, чтобы то, чего нет в одном доме, он мог найти в другом.

Лукулл хорошо ответил Помпею, когда тот, осмотрев величественные галереи и комнаты, такие большие и светлые, в одном из его домов, сказал: «Безусловно, хорошее помещение для лета, но как ты живешь здесь зимой?» Лукулл ответил: «Как, неужели ты считаешь меня глупее тех птиц, которые всегда к зиме меняют свое жилище?». [208 - Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Лукулл, XXXIX).]

Перейдя от места расположения дома к самому дому, мы поступим, как поступил Цицерон в отношении ораторского искусства, написав сначала книгу «Об ораторском искусстве», а потом другую, которую называл «Оратор»; в первой из них он излагает основы искусства, а во второй – способы его совершенствования. Поэтому мы опишем королевский дворец, представив его небольшую модель. Ибо странно видеть теперь в Европе такие огромные здания, как Ватикан, Эскориал и некоторые другие, в которых едва найдется одно достаточно просторное помещение.

Поэтому прежде всего я скажу, что у вас не будет совершенного дворца, если у него не будет двух различных половин: одна для приемов, как говорится об этом в книге Эсфири, а другая для домашнего хозяйства; первая служила бы для празднеств и церемоний, а вторая – для жилья. По моему мнению, обе эти половины должны составлять не только крылья здания, но и часть фасада, должны быть внешне одинаковы, хотя по-разному разгорожены внутри, и должны быть расположены по обе стороны высокой и величественной башни в центре фасада, которая как бы соединяла их вместе, находясь посередине. В парадной половине с фасада я бы имел только одну большую залу над лестницей, примерно 40 футов высоты, а под ней комнату для переодеваний или приготовлений во время торжественных банкетов. Что касается другой половины, предназначенной для домашнего хозяйства, то я хотел бы, чтобы она сначала была разделена на залу и часовню (с перегородкой между ними), причем обе они должны быть достаточно величественны и обширны; и они не должны идти по всей длине крыла, а иметь в дальнем конце зимнюю и летнюю гостиную, обе просторные; а под этими комнатами – просторный и большой погреб, а также кухни и другие службы с кладовыми и буфетными, и тому подобное. Что касается башни, то я бы хотел, чтобы у нее было два этажа высотой 18 футов каждый над обоими крыльями; и чтобы наверх вела красивая лестница с балюстрадой, обставленной статуями, расположенными на некотором расстоянии друг от друга; и чтобы эта башня была разделена на комнаты, как будет сочтено удобным.

Равным образом лестница в верхние комнаты должна быть винтовой, и с деревянными изображениями, окрашенными под цвет бронзы; а наверху должна быть очень красивая смотровая площадка. Но это будет так, если вы не отведете одну из нижних комнат под столовую для слуг, ибо в противном случае вам придется устроить, чтобы слуги ваши обедали после вас, так как запах из кухни будет подниматься вверх, как бы по тоннелю. И это все о фасаде. Только, насколько мне известно, высота первой лестницы должна быть 16 футов, как и высота нижней комнаты.

За фасадом дома должен быть большой двор, но три стороны его должны быть обставлены зданиями гораздо более низкими, чем фасад. А во всех четырех углах этого двора должны быть широкие лестницы, ведущие в башенки, выдающиеся вперед, а не во внутрь самих зданий. Но эти башни должны быть высотой не с фасад, а, скорее, соразмерны более низким строениям. Двор не должен быть замощен, ибо это притягивает много тепла летом и много холода зимой. Должны быть вымощены только некоторые боковые аллеи, пересекающиеся и делящие двор на четыре газона с травой, которую необходимо постоянно подстригать, но не слишком коротко. Задняя сторона той половины здания, которая отведена для торжественных празднеств, должна представлять собой пышные галереи; и по всей длине этих галерей должно быть три или пять красивых куполов, расположенных на равном расстоянии друг от друга, и красивые цветные окна с различными поделками.

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Задняя сторона половины, отведенной под домашние покой, должна иметь комнаты для приема гостей и комнаты для обычных развлечений, а также спальни; и пусть все три части будут как бы двойным домом без сквозного света, чтобы у вас были комнаты, в которых можно было бы укрыться от солнца как до полудня, так и после. Распределите комнаты также таким образом, чтобы у вас были отдельные покой для лета и для зимы: затененные – для лета и теплые – для зимы. Иногда можно встретить большие дома, в которых так много окон, что нельзя найти, куда себя деть, чтобы спрятаться от солнца или холода. Что касается окон-фонарей, то я считаю их весьма полезными (в городах, напротив, лучше иметь прямые окна, ибо это придает единообразие улицам), так как они являются отличным местом, где можно уединиться для беседы, и, кроме того, они загораживают от солнечного света и ветра: ведь, хотя свет и ветер могли бы пронизать почти всю комнату, в этом случае они едва проходят окно; но окон должно быть немного; в крыльях всего четыре, выходящих во двор.

За этим двором должен располагаться внутренний двор такой же площади и высоты, который должен быть окружен со всех сторон садом, а изнутри со всех сторон окружен крытыми аркадами с подходящими и красивыми арками высотой в два яруса. Та часть первого яруса аркады, которая обращена в сад, должна быть превращена в грот или затененное место, используемое в летнее время, и должна иметь выход и окна, обращенные только в сад, находящиеся на уровне земли, но не погруженные совершенно в землю, чтобы избежать сырости. В центре двора должен быть фонтан или какая-либо красивая статуя; двор должен быть вымощен таким же образом, как и первый двор. Здания по обеим сторонам двора могут быть предназначены для уединенных жилищ, а замыкающая двор сторона – для отдельных галерей. В них необходимо предусмотреть помещение для лазарета на тот случай, если государь или какое-либо иное особо важное лицо заболеет; чтобы там были покой, спальня, приемная и задние комнаты, примыкающие к лазарету. Все это должно быть на втором этаже. На первом этаже – большая открытая галерея на колоннах; и на третьем этаже также должна быть открытая галерея, опирающаяся на колонны, чтобы можно было наблюдать красивые виды и вдыхать свежесть сада. В обоих углах дальней стены с внутренней стороны должны быть устроены два изящных и богатых кабинета, элегантно устланных коврами, украшенных богатыми занавесями, установленных хрусталем и с богатым куполом посередине; там должны быть и всякие другие изящные вещи, которые можно только придумать. Я хотел бы, чтобы и на верхней галерее, если позволит место, были фонтаны, воды которых текли бы в разных направлениях от стены, с красиво расположенными водостоками. И это все об образцовом дворце, за исключением того, что перед фасадом дворца должно быть три двора. Простой зеленый двор, окруженный стеной; второй двор такой же, но более украшенный, с башенками или, скорее, украшениями на стене; и третий двор, который вместе с фасадом дома образовывал бы площадь, которая не была бы застроена и окружалась не голой стеной, но террасами, крытыми свинцом и богато украшенными с трех сторон; а с внутренней стороны он был бы окружен колоннами без арок внизу. Что касается служб, то они должны находиться на некотором расстоянии от дворца и соединяться с ним низкими галереями.

XLVI. О садах

Всемогущий Бог первым насадил сад. И действительно, это самое чистое из всех человеческих наслаждений. Оно более всего освежает дух человека; без него здания и дворцы всего лишь грубые творения его рук; и можно будет увидеть, что с течением времени, когда разовьется цивилизация и вкус к изящному, люди научатся скорее строить красиво, чем насаждать прекрасные сады; получается, что разведение садов – более тонкое занятие и требует большего совершенства. Я считаю, что когда король повелевает разбить парк и сад, то они должны быть устроены таким образом, чтобы каждый месяц в году в них цвели какие-либо прекрасные растения, для которых наступил сезон. Для декабря, января и конца ноября необходимо выбирать такие растения, которые зелены всю зиму: остролист, плющ, лавр, можжевельник, кипарис, тис, сосна, ель, розмарин, лаванда, барвинок белоцветный, пурпурный и голубой, дубравка, ирисы, апельсиновые деревья, лимонные деревья и мирт, если их поместить в оранжерею, и сладкий майоран, тепло укрытый.

За ними в конце января и феврале идут: германская камелия, которая тогда и зацветает, крокус весенний, как желтый, так и серый, примулы, анемоны, ранние тюльпаны, гиацинт восточный, камаирис, кудрявка. В марте наступает

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org пора фиалок, особенно одноцветно голубых, которые являются самыми ранними, желтых нарциссов, маргариток, миндалевого дерева, персикового дерева, кизилового дерева, сладкого шиповника. В апреле следуют: махровая белая фиалка, желтофиоль, левкой, баранчик, ирисы и лилии всех видов, цветы розмарина, тюльпаны, махровые пионы, дикий нарцисс, французская жимолость; цветут вишневое дерево, сливовое дерево, сирень, покрывается листьями белый боярышник. В мае и июне распускаются гвоздики всех видов, особенно красная гвоздика; розы всех видов, за исключением мускусной, которая расцветает позже; жимолость, клубника, боярышник, водосбор, ноготки (*flos africanus*); плодоносят вишня, смородина, фиговое дерево; расцветает малина, виноград, лаванда, сладкий белоцветный кукушник, *herba muscaria*, *Lilium convallium*, яблоня. В июле: левкой всех видов, мускусные розы, цветет липа, плодоносят ранние груши и сливы, появляются ранние зеленые яблоки.

В августе: сливы всех сортов, груши, абрикосы, барбарис, фундук, мускусные дыни, аконит всех цветов. В сентябре: виноград, яблоки, маки всех цветов, персики разных сортов (*peaches, melocotones, nectarines*), кизил, груши зимних сортов, айва. В октябре и начале ноября: рябина домашняя, мушмула, дикие сливы, розы срезанные или вырытые из грунта, чтобы они расцвели позднее, мальвы и тому подобное. Все эти растения, которые я называю, подходят для климата Лондона, но я пытаюсь показать, что можно иметь *ver perpetuum*[209 - «Вечную весну» (лат.)] в том виде, как это позволяет природа данной местности.

А поскольку дыхание цветов гораздо более приятно, когда цветок находится на растении (ибо тогда его дыхание распространяется в воздухе подобно волнам музыки), а не когда его сорвали и держат в руке, постольку ничто так не способствует получению этого наслаждения, как знание того, какие цветы и растения испускают наилучший аромат вокруг себя. Розы дамасские и красные неохотно расстаются со своим ароматом, так что можно пройти мимо целого ряда этих роз и не почувствовать их сладости, даже если это будет утром по росе. Лавр также во время своего роста испускает мало запаха; очень немного – розмарин и майоран. Цветок, который сильнее всех других испускает аромат, – это фиалка, особенно белая махровая, цветущая дважды в год, примерно в середине апреля и около дня св. Варфоломея.

За ней следует мускусная роза; затем вянущие листья клубники, которые испускают совершенно превосходный сильный запах; затем цветок винограда, напоминающий облачко пыли, похожее на цветок полевицы, который заметен на кустиках сразу же при его появлении; затем сладкий шиповник; затем желтофиоль, которая доставит огромное наслаждение, если высадить ее под окнами гостиной или спальни на первом этаже; затем гвоздики и левкои, особенно турецкая гвоздика, смешанная с обыкновенной; затем цветы липы; затем жимолость, так что надо высаживать ее где-нибудь подальше. Я ничего не говорю о цветах горошка, потому что это полевые цветы. Есть и такие цветы, которые в отличие от остальных наиболее сильно и приятно пахнут не тогда, когда проходишь мимо них, а тогда, когда на них наступают ногой и давят; таких растений три, а именно: бедренец, дикий тимьян и водяная мята. Поэтому нужно засеять ими целые аллеи, чтобы вы могли получать удовольствие во время прогулок по ним.

Необходимо, чтобы сады (если говорить о тех, которые действительно достойны государей, так же как и дворцы, о которых мы говорили ранее) были не менее тридцати акров и делились на три части: при входе – зеленая площадка, в конце – вересковая пустошь или луг, а главный сад – посередине; и кроме того, по обеим сторонам – аллеи. И я предпочел бы, чтобы четыре акра земли было выделено под зеленую лужайку, шесть – под пустошь, по четыре – на каждую сторону и двенадцать – под главный сад. От зеленой лужайки получаешь два удовольствия: во-первых, потому что нет ничего приятнее для глаза, чем зеленая трава, к тому же коротко подстриженная; во-вторых, потому что в середине ее открывается широкая аллея, по которой вы можете пройти к величественной ограде, которая должна окружать сад. Но так как эта аллея будет длинной, а в самое жаркое время года или дня не совсем приятно идти через зеленую лужайку по солнцу, чтобы достичь тени сада, вам нужно по обеим сторонам лужайки насадить крытую аллею на деревянной раме примерно двенадцати футов высотой, изготовленной плотником, в тени которой вы сможете проходить в сад. Что касается изготовления узоров или фигур из разноцветной зелени, дабы они лежали под окнами дома с той стороны, которая выходит в сад, то это всего лишь игрушки; вы можете часто наблюдать такие же красивые виды на тортах.

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Лучше всего, если сад будет квадратным, окруженным со всех четырех сторон величественной оградой с арками. Арки должны опираться на изготовленные плотником деревянные рамы примерно десять футов высотой и шесть футов шириной, и расстояние между ними должно равняться ширине арки. Над арками должна быть сплошная ограда высотой примерно в четыре фута, тоже на деревянной раме плотницкой работы; а на верхней ограде, над каждой аркой, – небольшая башенка, которая должна быть достаточно велика, чтобы в ней уместилась клетка с птицами; а над каждым промежутком между арками – какая-либо другая фигурка с широкими позолоченными пластинками из закругленного цветного стекла, чтобы на них играло солнце. Но я хотел бы, чтобы эта ограда была устроена не на крутом, а, скорее, на пологом склоне примерно шести футов высотой, который весь был бы усажен цветами.

Я также считаю, что эта часть сада не должна занимать всю ширину участка, а с каждой боковой стороны должно быть оставлено достаточно земли для разнообразных боковых аллей, в которые вас могли бы вывести две крытые аллеи зеленой лужайки; но с обеих концов этого большого огороженного участка сада не должно быть аллей с изгородями – ни на ближнем конце, чтобы не загораживать вам вид на большую ограду с зеленой лужайки; ни на дальнем конце, чтобы не загораживать вида от ограды и через арки на вересковую пустошь.

Что касается планировки участка внутри этой большой ограды, я оставляю ее на усмотрение владельца, ибо здесь могут быть самые разнообразные случаи; я, однако, посоветую: какую бы форму вы ему ни придали, она прежде всего не должна быть слишком изощренной или трудоемкой. Что касается меня, то мне не нравятся эти изображения, вырезанные в можевельнике или каких-либо иных садовых насаждениях: это все для детей. Мне очень нравятся небольшие низкие ограды, подобные бордюру с маленькими пирамидками, а в некоторых местах – большие колонны на рамках плотницкой работы. Я бы также сделал аллеи просторными и светлыми. Боковые аллеи могут быть более узкими, но в главном саду таких быть не должно. Я хотел бы также, чтобы в самой середине сада был большой холм с тремя лестницами и тремя аллеями, достаточно широкими, чтобы в ряд могло идти четыре человека; аллеи должны представлять собой правильные круги без каких-либо валов или насыпей; и весь холм должен быть высотой в тридцать футов, а на вершине его должен быть красивый павильон с изящно устроенными каминами; у павильона не должно быть слишком много стекол.

Что касается фонтанов, то они являются источником большой красоты и свежести; однако я бы не советовал устраивать пруды, которые портят сад и делают его нездоровым, а также служат питомником мух и лягушек. Я полагаю, что фонтаны должны быть двух видов: первый – тот, который разбрызгивает воду или из которого вода бьет струей; второй – большой резервуар для воды площадью в тридцать или сорок футов, но без рыбы и, следовательно, без мути и грязи. Первым хорошо подходят украшения в виде позолоченных или мраморных скульптур, как это принято ныне; но главное – вода должна непрерывно циркулировать, чтобы она нигде не застаивалась, ни в чашах фонтана, ни в цистерне, не потеряла бы своей прозрачности и не приобрела бы зеленый, красный или еще какой-либо иной цвет и чтобы не завелись в ней мох или гниль. Кроме того, фонтан нужно чистить вручную каждый день. Неплохо было бы, чтобы к нему вело несколько ступенек, а пространство вокруг него было чем-либо замощено. Что касается фонтана второго вида, который мы можем назвать бассейном для купания, то в нем может быть много любопытного и прекрасного, но мы не будем на этом останавливаться; например, дно его, а также и стенки должны быть красиво вымыты и разрисованы и к тому же украшены цветным стеклом и тому подобными блестящими вещами; он должен быть окружен также красивой оградой, с небольшими статуями.

Но главное – это то, что мы говорили в отношении фонтана первого вида, т. е. что вода должна находиться в постоянном движении, снабжаться из источника, расположенного выше бассейна, и влияться в него большими струями, а затем уходить под землю через такое же количество отверстий, чтобы она не застаивалась. А что касается хитроумных приспособлений, таких, как сгибание струи воды в арку без разбрызгивания или приздание ей самых различных форм (перьев, бокалов, куполов и тому подобное), то на них приятно смотреть, но они ничего не дают для здоровья и не прибавляют свежести саду.

Что касается вересковой пустоши, которая является третьей частью нашего участка, то я хотел бы, чтобы она, насколько возможно, напоминала не

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
tronutый человеком уголок природы. Я бы вообще не имел там деревьев, а
только заросли кустарника – шиповника и жимолости – и среди них какие-либо
дикые ползучие растения; а земля была бы засажена фиалками, клубникой и
примулой, ибо они испускают приятный запах и хорошо растут в тени. И они
должны быть посажены беспорядочно, разбросаны там и тут по всей пустоши.
Мне нравится также, когда небольшие кочки, похожие на кротовины (какие
встречаются в диких лугах), засеваются разнообразными цветами: диким
тимьяном, гвоздиками, дубровкой, цветы которой приятны для глаза,
барвинком, фиалками, клубникой; другие – баранчиком, маргаритками, красными
розами, ландышами, красными турецкими гвоздиками, медвежьей лапой или
какими-либо иными низкорослыми цветами, которые должны приятно пахнуть и
быть красивыми. У части этих кочек по верху должны быть посажены правильные
ряды маленьких кустов.

Типичными растениями должны быть здесь розы, можжевельник, остролист,
барбарис (разбросанный там и тут из-за запаха его цветов), красная
смородина, крыжовник, розмарин, лавр, шиповник и тому подобное. Но эти
кусты должны всегда подрезаться, чтобы они не вырастали за пределы своих
рядов.

Что касается боковых участков сада, то вы должны занять их самыми
разнообразными аллеями, уединенными, чтобы они (по крайней мере некоторые
из них) давали сплошную тень, где бы ни находилось солнце. Некоторые из них
должны быть также сделаны в виде укрытий, с тем чтобы при сильном ветре вы
могли гулять в них, как в галерее. Для защиты от ветра они должны иметь с
обоих концов изгороди; эти более узкие аллеи должны быть хорошо вымыщены
гравием, в них не должно быть травы, чтобы не заводилось сырости.
Большинство аллей должно быть обсажено разнообразными фруктовыми деревьями,
как по внешнему краю, так и во внутренних рядах. Здесь следует обычно
соблюдать следующее правило: участок, на котором вы сажаете свои фруктовые
деревья, должен быть просторным и светлым, с пологим склоном, засаженным
красивыми цветами, но редким и тонким слоем, чтобы не вредить деревьям. В
конце каждого бокового участка я насыпал бы небольшую красивую
возвышенность, чтобы стена ограждения сада доходила до груди человека; с
этой возвышенности можно было бы смотреть из сада в поля.

Что касается главного сада, то я не возражал бы против устройства там
больших аллей, обсаженных с обеих сторон фруктовыми деревьями; а также
красивых групп фруктовых деревьев и зеленых беседок со скамьями,
расположенных в каком-либо изящном порядке; но они ни в коей мере не должны
быть слишком частыми; и главный сад не должен быть слишком густым,
пространство в нем должно быть открытым и свободным для воздуха. Ведь если
нужна тень, то лучше отдыхать в аллеях боковых участков и прогуливаться
там, если вам хочется, в самое жаркое время дня или года. А главный сад
предназначен для прогулок в более умеренные времена года, а в разгар лета –
в утренние или вечерние часы, а также в пасмурные дни.

Что касается авиариев, то я их не люблю, за исключением тех случаев, когда
они настолько велики, что их можно выложить дерном и насадить в них живые
растения и кусты, так чтобы у птиц было больше простора и создавались
естественные условия для гнездования и на полу авиария не появлялось
никакой грязи. Итак, я изложил план королевского сада, частично в виде
наставлений, частично в виде рисунка, – не всю модель, но некоторые главные
ее черты; и я при этом не считался с расходами. Но это не имеет значения
для государей, которые большей частью, полагаясь на своих садовников, с
неменьшими затратами устраивают свои сады и иногда добавляют статуи и тому
подобные вещи для помпезности и великолепия и ничего – для истинного
наслаждения, доставляемого садом.

XLVII. О переговорах

Переговоры лучше вести устно, нежели письменно, и лучше через посредников,
чем самому. Письма хороши в тех случаях, когда надо добиться письменного
же ответа; или когда само это письмо может впоследствии послужить
оправдательным документом; или когда есть опасение, что тебя прервут или
подслушают. Вести дела самому хорошо, когда одним своим видом внушаешь
почтение, например с людьми низшими; или же в случаях щекотливых, когда
надобно руководствоваться выражением лица собеседника, чтобы чувствовать,
не зашел ли ты слишком далеко; или когда хочешь оставить за собой

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
возможность отступиться от сказанного или перетолковать его.

При выборе посредников следует отдавать предпочтение людям попроще, которые выполняют поручение и дадут о нем точный отчет, а не таким, кто из чужого дела ухитряется извлечь для себя честь и ради этого непрочь его приукрасить. Выбирать надо людей, имеющих склонность к поручаемому делу, ибо это немало его ускоряет; а также подходящих для него, а именно: смелых для выражения негодования, обходительных для уговоров, хитрых для наблюдения и выведывания, упрямых и несговорчивых для дел неправых. Следует также искать таких, которые уже ранее были удачливы в поручаемых им делах, ибо это рождает в них уверенность и желание поддержать лестное о себе мнение.

При переговорах лучше начинать издалека, нежели сразу приступать к делу, если только не хочешь захватить собеседника врасплох неожиданным вопросом. Лучше иметь дело с неудовлетворенным честолюбцем, нежели с тем, кто уже достиг желаемого. Если речь идет о взаимном выполнении условий, все дело в том, чьи условия будут выполнены первыми; а этого никто не может требовать, разве только условия сами по себе таковы, что должны быть выполнены раньше; или же человек сумел убедить другого, что еще пригодится ему в будущем; или, наконец, считается более честным.

Все переговоры имеют целью выявить человека или воздействовать на него. Люди открываются из доверчивости, или в порыве страсти, или будучи застигнуты врасплох, или же поневоле, когда им надо чего-либо добиться, а приличный предлог не находится. Если хочешь воздействовать на кого-либо, надо знать его натуру и склонности, чтобы подчинить его; или его цели, чтобы убедить его; или его слабые места, чтобы застрашать его; или же тех, кто имеет на него влияние, чтобы руководить им через них. Когда имеешь дело с хитрецами, надо при истолковании их речей не упускать из виду их целей; с такими лучше говорить мало и говорить такое, чего они менее всего ожидают. В трудных делах нельзя ожидать немедленных результатов, следует подготовлять их и давать им созреть постепенно.

XLVIII. О приближенных и друзьях

Свита не должна обходиться дорого, иначе, удлиняя хвост, укоротишь себе крылья. Дорогими считаю я не только тех, кто обременяет кошелек, но и тех, кто докучает просьбами. Обычные приближенные должны довольствоваться поддержкой, покровительством и защитой от обидчиков. Еще хуже приближенные-интриганы, побуждаемые не привязанностью к тому, при ком состоят, но недовольством против кого-либо другого; откуда и возникает обычно рознь, часто наблюдаемая между вельможами. Множество неудобств причиняют и приближенные-фанфароны, повсюду трубящие славу своим покровителям, ибо они вредят делу неумением хранить его в тайне; чести при этом убывает, а завистников прибывает. Опасен и тот приближенный, который, на деле будучи соглядатаем, стремится выведать домашние тайны и пересказать их другим. И все же такой часто бывает в большой милости, ибо кажется весьма услужливым, а между тем разносит сплетни в обе стороны.

Свита из людей определенного сословия соответственно положению самого вельможи (как, например, свита из солдат при бывшем военачальнике и тому подобное) всегда считалась весьма пристойной и позволялась даже при монархиях, лишь бы не было при этом излишней пышности и поисков популярности. Наиболее почетна та свита, которую составляет себе человек, стремящийся покровительствовать добродетели и достоинствам в людях любого сословия. И все же, где нет чрезмерного различия в способностях, лучше приближать к себе посредственных, нежели даровитых. К тому же, если говорить откровенно, в наш испорченный век деятельные люди полезнее добродетельных.

На государственной службе к людям одного звания лучше относиться одинаково, ибо чрезмерно отличать кого-либо значит сделать его дерзким, а остальных – недовольными; ведь и они могут потребовать свою долю. Напротив того, при оказании милостей лучше поступать с большим разбором, потому что в этом случае обласканные будут признательнее, а остальные усерднее; ведь на то и милость. Неразумно оказывать одному человеку слишком много милостей сразу, ибо тогда их хватает ненадолго. Опасно идти, как говорится, на поводу у одного любимца; это указывает на слабость и дает волю сплетням и пересудам;

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org ведь те, кто не решился бы порочить самого человека, будут смело злословить о его любимце, а тем самым бесчестить и его. Но еще хуже находится во власти нескольких лиц, ибо от этого человек становится переменчив и послушен последнему наговору.

Советоваться с немногими избранными друзьями всегда хорошо, ибо зачастую зрителям дело яснее, чем игрокам; а лучший вид на холмы открывается из долины. дружба в этом мире – редкость, а особенно дружба меж равными, столь превозносимая всюду. Если и бывает она, то между высшим и низшим, когда благосостояние одного зависит от другого.

XLIX. О просителях

Многие вредные дела и предложения находят своих ходатаев; и происки отдельных лиц действительно наносят вред общественному благу. Многие хорошие дела находят в качестве своих ходатаев плохих людей; я имею в виду не только испорченных людей, но и людей хитрых, которые не намереваются действовать на защиту дела, по которому они взялись ходатайствовать. Некоторые берутся за дела, которые они вообще не намерены доводить до конца; но если они видят, что дело продвигается вперед и без их помощи, то все же добиваются благодарности или хотя бы незначительного вознаграждения за свои усилия, которые они якобы затратили, или же по крайней мере употребят себе на пользу надежды просителя.

Некоторые становятся ходатаями только потому, что представляется случай перебежать дорогу кому-либо другому; или получить сведения, которых в противном случае они не имели бы возможности добыть, не заботясь о том, что станет с делом, когда они достигли своей цели; или вообще превращают дело другого человека в своего рода развлечения, чтобы можно было протолкнуть свое собственное дело. Некоторые же ходатайствуют по чужим прошениям с единственной целью завалить все дело, чтобы удовлетворить противоположную сторону или конкурента.

Разумеется, в каждом прошении есть своего рода право: либо право справедливости, если прошение касается судебного дела; либо право заслуги, если прошение представляет собой просьбу о назначении на должность. Если личное пристрастие заставляет человека вынести решение в суде в пользу неправой стороны, то пусть он использует свою поддержку, скорее, для того, чтобы кончить дело компромиссом, а не для того, чтобы возбудить его. Если личное пристрастие заставляет человека вынести решение в пользу менее достойного просителя, имеющего меньше заслуг, то пусть он делает это, не очерняя и не унижая более достойного конкурента.

Если человек не совсем хорошо понимает какое-либо прошение, то лучше спросить о нем мнение друга, суждению которого он доверяет и который может сказать, имеет ли этот человек право с честью заниматься этим делом; но пусть он тщательно выбирает своих советчиков, ибо в противном случае его могут водить за нос.

Просители настолько возмущаются отсрочками и злоупотреблениями, что откровенность в отношениях с ними не только похвальна, но и приятна для них, идет ли речь о немедленном отказе от рассмотрения прошений, об откровенном изложении результатов рассмотрения или о требовании вознаграждения только в той мере, в какой действительно оно заслужено. Когда просят о милости, пришедший первым не должен получать только из-за этого какое-либо преимущество; в дальнейшем может быть еще рассмотрен вопрос о том, достоин ли он доверия, но если суть дела можно узнать только от него, не следует злоупотреблять этим, а предоставить претенденту возможность показать другие свои способности и каким-либо образом вознаградить его за его сведения. Не знать ценности просимого означает неопытность; не знать права для прошения означает недостаток совести. Сохранение тайны прошения – сильная гарантия получить удовлетворение; ведь преждевременное разглашение прошения может отбить охоту у одних просителей, но привлечь внимание и возбудить интерес других. Но главное – это своевременная подача прошения. Своевременная не только в отношении лица, которое должно удовлетворить просьбу, но и в отношении тех, кто может противодействовать этому.

Пусть при выборе средства человек избирает, скорее, наиболее пригодное, чем
Страница 64

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org самое сильное; и скорее, такое, которое поможет в данном конкретном деле, чем такое, которое верно вообще. Иногда компенсация за отвергнутую просьбу окажется ценнее, чем сама первоначальная просьба, если человек не обнаружит ни разочарования, ни недовольства. «*Iniquum petas, ut aequum feras*»[210 – «Проси много–получишь сколько следует». Квинтилиан, «Наставления оратору», IV, 5, 16.] – хорошее правило, если человек находится в большом фаворе; в противном случае лучше постепенно увеличивать свои просьбы; ведь тот, кто вначале и рискнул бы потерять просителя, отказав ему в просьбе, в конечном итоге не захочет терять ни просителя, ни плоды своей собственной прежней милости. Полагают, что нет более легкой просьбы, с которой можно обратиться к высокому лицу, чем просить у него рекомендательное письмо; и все же, если это делается не ради доброго дела, то очень сильно вредит его репутации. Нет ничего худшего, чем эти стряпчие по любым ходатайствам; они представляют собой отправу и заразу в общественных делах.

L. О занятиях науками[211 – Этим опытом «Of Studies» открывалось первое издание бэконовских «Essays» 1597; в обоих последующих изданиях он расширялся, а в латинском вышел под названием «De Studiis et Lecture Librorum».]

Науками занимаются ради удовольствия, ради украшения и ради умения. Удовольствие обнаруживается всего более в уединении, украшение – в беседе, а умение – в распоряжениях и руководстве делом. Ибо людям опыта можно поручить выполнение да еще, пожалуй, суждение об отдельных подробностях; но общего руководства и совета лучше искать у людей ученых. Отдавать наукам все время означает неумение применить их к делу; превращать их целиком в украшение – жеманство; а всецело полагаться на них в суждениях – ученое чудачество. Наука совершенствует природу, но сама совершенствуется опытом, ибо прирожденные дарования подобны диким растениям и нуждаются в выращивании с помощью ученых занятий, а ученость сама по себе дает указания чересчур общие, если их не уточнить опытом. Люди хитроумные презирают ученость, простодушные дивятся ей, мудрые ею пользуются. Ибо сама по себе ученость не находит, как применять ее: на то есть мудрость особая, высшая, которую приобрести можно только опытом.

Читай не затем, чтобы противоречить и опровергать; не затем, чтобы принимать на веру, и не затем, чтобы найти предмет для беседы; но чтобы мыслить и рассуждать. Есть книги, которые надо только отведать, есть такие, которые лучше всего проглотить, и лишь немногие стоит разжевать и переварить. Иначе говоря, одни книги следует прочесть лишь частично, другие – без особого прилежания и лишь немногие – целиком и внимательно. Есть и такие, которые можно поручить прочесть другому и воспользоваться сделанными им извлечениями; но так можно поступать лишь с маловажными предметами и посредственными авторами, ибо перегонка книг, как перегонка воды, убивает всякий вкус. Чтение делает человека знающим, беседа – находчивым, а привычка записывать – точным. Поэтому, кто мало пишет, тому нужна хорошая память; кто мало упражняется в беседе, должен быть находчив; а кто мало читает, должен быть весьма хитер, чтобы казаться более знающим, чем есть на самом деле.

В истории черпаем мы мудрость; в поэзии – остроумие; в математике – проницательность; в естественной философии – глубину; в нравственной философии – серьезность; в логике и риторике – умение спорить. «*Abeunt studia in mores*».[212 – «Занятия налагают печать на характер». Овидий, «Героики», XV, 83.] Скажем более: нет такого умственного изъяна, который не мог бы быть исправлен надлежащими занятиями, подобно тому как недостатки телесные устраняются соответствующими упражнениями. Так, игра в шары полезна при каменной болезни и для почек; стрельба – для легких и груди; ходьба – для желудка; верховая езда – для головы и так далее. А кто рассеян, тот пусть займется математикой, ибо при доказательстве теорем малейшая рассеянность вынуждает все начинать сначала. Кто неспособен усматривать различия, пусть изучает схоластиков, ибо они «*cumini sectores*».[213 – «Расщепляющие тминные зерна», т. е. вдающиеся в чрезмерные тонкости. Такое прозвище имел за свою интеллектуальную изощренность римский император Антонин Пий.] Кто не умеет быстро осваиваться с предметом и быстро припомнить все нужное для доказательства, пусть изучает судебные дела. И такие средства имеются против каждого умственного изъяна.

LII. О партиях

Многие ошибочно держатся того мнения, что и государю в управлении страной, и каждому вельможе в ведении дел надо прежде всего принимать во внимание интересы партий; а между тем высшая мудрость велит, напротив, сообразоваться либо с общими интересами, осуществляя то, с чем согласны представители самых различных партий, либо с интересами отдельных лиц. Этим я не хочу, однако, сказать, что соображениями партийными должно совершенно пренебречь. Людям простого звания, чтобы возвыситься, необходимо за что-то держаться; но людям знатным, чувствующим свою силу, лучше сохранять независимость. И даже начинающему выдвигаться для более верного успеха обычно лучше обнаруживать столь умеренную приверженность, чтобы из всех членов своей партии быть наиболее приемлемым для другой.

Чем партия слабее и малочисленнее, тем больше в ней единства; и часто бывает, что небольшое число непреклонных берет верх над многочисленным, но более умеренным противником. Когда одна из двух партий прекращает свое существование, другая раскалывается. Так, партия, объединявшая Лукулла и сенатскую знать (называвшуюся «Optimates»), некоторое время противостояла партии Помпея и Цезаря; но, когда власть сената рушилась, произошел и разрыв Цезаря с Помпеем. Подобным же образом партия Антония и Октавиана противостояла некоторое время Бруту и Кассию, но вслед за падением Брута и Кассия последовал разрыв Антония с Октавианом. Эти примеры относятся к партиям, состоящим в открытой войне, но то же самое можно сказать о более частных случаях. И зачастую при расколах те, что были на вторых ролях, оказываются во главе партии, но столь же часто оказываются ничтожествами и бывают отстранены, ибо многие сильны лишь в оппозиции, а когда этого нет, они бесполезны.

Часто видим мы, что человек, добившись успеха, переходит в партию, враждебную той, коей обязан он своим возвышением, полагая, вероятно, что с первой он свое уже взял, ища новой выгоды. Такому перебежчику это сходит легко, ибо, когда силы долгое время уравновешены, приобретение даже одного лишнего приверженца дает перевес одной из сторон, а вся заслуга приписывается ему. Если кто держится середины между двумя партиями, это не всегда происходит от умеренности, но нередко от своекорыстия и имеет целью извлечение выгоды из обеих. В Италии, например, считаются подозрительными те папы, у которых постоянно на устах «Padre commune», [214 - «Общий отец» (итал.)] ибо это служит признаком стремления всеми средствами возвеличить свой род.

Королям не следует держать сторону какой-либо одной партии, потому что всяческие союзы неизменно пагубны для монархии; они налагают обязательства, которые могут возобладать над долгом подданного, и король становится при этом «tanquam unus ex nobis», [215 - «Стал как один из нас». Ветх. Зав., кн. Бытие, гл. 3, ст. 22.] как это было с Лигой во Франции. [216 - Католическая лига – образовалась в 1576 г. во время религиозных войн во Франции как активная антигугенотская организация. Её вождем был герцог Генрих Гиз, претендовавший также на французскую корону.] Чрезмерное усиление партий и раздоров между ними оказывает на слабость государей и весьма вредит их славе и успеху их дел. Действия партий под властью монархии должны быть (если говорить языком астрономов) подобны движению низших орбит, которые могут иметь и собственное движение, но вместе с тем увлекаться высшим движением – «primum mobile».

LII. О манерах и приличиях

Тот, кто внешне скромен и прост, должен обладать исключительно большими добродетелями, чтобы заслужить похвалу у людей, подобно тому как тот камень, который имеет оправу без фольги, должен действительно быть богатым. Если человек хорошо понимает значение манер, то с одобрением его другими дело обстоит так же, как и в случае приобретений и выгод. Ведь существует правильная поговорка, гласящая, что «мелкие барыши тugo набивают мошну», так как мелкие барыши идут густо, в то время как крупные редки. Поэтому верно, что за малые дела люди получают большую похвалу, ибо малые дела постоянно в ходу и, следовательно, на виду; случай же для проявления какой-либо великой добродетели представляется редко, только во время значительных событий. Поэтому если у человека хорошие манеры, то это

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org значительно укрепляет его репутацию и (как говорила королева Изабелла) равносильно тому, что у него есть «постоянно рекомендательные письма». Для того чтобы приобрести такие манеры, почти достаточно ими не пренебрегать; ведь тогда человек будет наблюдать их у других, а в остальном пусть доверяет самому себе. Ибо если он будет проявлять слишком большие старания в манерах, то они потеряют свое изящество, которое должно быть естественным и непринужденным.

Поведение некоторых людей напоминает стихотворение, в котором измерен каждый слог; как может человек, обращающий свой ум на соблюдение множества мелочных приличий, понять великие дела? Не соблюдать правил приличия в обращении с другими – значит подавать дурной пример; и в следующий раз вам отплатят тем же, и, следовательно, уважение к вам будет подорвано; особенно не следует забывать о приличиях при общении с незнакомыми людьми и формалистами; но придавать церемониям слишком большое значение и превозносить их до небес не только утомительно для других, но и подрывает доверие к тому человеку, который придерживается таких правил.

Ясно, что существует эффективный способ внушения определенных мыслей под видом любезности, который приносит исключительную пользу, если умело его применять.

Находясь среди старших по положению, можно быть уверенным в том, что столкнешься с фамильярностью, и вследствие этого хорошо быть чуть-чуть сдержаным.

Находясь среди низших по положению, будешь уверен в том, что встретишь почтительное отношение, и поэтому хорошо быть немного фамильярным. Тот, кто чрезмерен во всем, так что им пресыщаются уже при второй встрече, теряет всякое уважение. Хорошо уметь приспособливать свою личность к другим, но это нужно делать, показывая, что поступаешь так из уважения к ним, а не из своекорыстных побуждений. Обычно, если поддерживаешь другого человека, хорошо добавить что-либо от себя; например, если поддерживаешь его мнение, то все же твое мнение в чем-то должно от него отличаться; если поддерживаешь его предложение, то только при определенном условии; если одобряешь его совет, то выдвигаешь какие-либо новые обоснования. Нужно осторегаться того, чтобы быть слишком изощренным в любезностях; ибо даже если у вас не будет никаких других недостатков, ваши завистники, безусловно, припишут вам это в качестве недостатка в ущерб вашим другим более важным добродетелям. Если также придавать слишком большое значение мелочам или всегда быть готовым воспользоваться любым благоприятным моментом и случаем, то это нанесет вред делу. Соломон сказал: «Кто наблюдает ветер, тому не сеять; и кто взирает на облака, тому не жать».[217 – Ветх. Зав., Еккл., гл. 11, ст. 4.] Умный человек создаст себе больше благоприятных возможностей, чем ему предоставит случай. Поведение человека должно быть подобно его одежде: не слишком стеснять его и не быть слишком изысканной, но обеспечивать свободу движения и действия.

LIII. О похвале

Похвала есть отражение добродетели, но качество отражения зависит от зеркала. Если зеркалом служит толпа, то исходящая от нее похвала обычно лжива и бесполезна и высказывается она, скорее, людям тщеславным, чем добродетельным. Ведь простой народ не понимает многих высших добродетелей – низшие добродетели вызывают у него похвалу, средние – его удивление или изумление; но о самых высоких добродетелях он не имеет ни малейшего представления или вообще не воспринимает их. И лучше всего его удовлетворяет видимость и «*species virtutibus similes*».[218 – «Видимость и подобие добродетели». Тацит, «Анналы», кн. XV, 48.] Безусловно, мольва подобна реке, которая несет на своей поверхности легкие и пустые предметы и топит вещи тяжелые и прочные. Однако, если похвалу произнесут лица, известные своими суждениями и высокими качествами, тогда, как говорится в Писании: «*Nomen bonum instar unguenti fragrantis*»,[219 – «Доброе имя лучше дорогих благовоний». Ветх. Зав., Еккл., гл. 7, ст. 1.] она заполняет все вокруг и ее нелегко рассеять, ибо аромат благовоний более стоек, чем аромат цветов.

В похвале может содержаться столько лжи, что вполне справедливо относиться к ней с подозрением. Некоторые похвалы произносятся чисто из лести; и если

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
это обыкновенный льстец, то у него есть некоторые общие места, которые он
может высказывать многим людям; если же это хитрый льстец, то он подражает
тому архильстецу, каким является сам для себя каждый человек; и если
кто-либо особенно кичится каким-то качеством, то льстец именно в этом и
будет больше всего его поддерживать; а если это бесстыдный льстец, то он
узнает, в чем человек наиболее уязвим (что он и сам осознает и больше всего
из-за этого смущается), и тогда льстец своей похвалой волей-неволей
вызывает у такого человека состояние «*spreta conscientia*». [220 – «Наперекор
совести» (лат.).] Некоторые похвалы исходят из благих пожеланий и почтения,
и это такая форма, в которой подобает из вежливости обращаться к государям
и великим людям, «*laudando praescipere*»; [221 – «Восхваляя наставлять»
(лат.).] когда говорят людям, каковы они есть, указывают, какими они должны
быть. Некоторых людей хвалят злобно, чтобы уязвить их и вызвать зависть и
ревность по отношению к ним: «*Pessimum genus inimicorum laudantium*»; [222 –
«Самая зловредная порода врагов – хвалящие», Тасит, «Жизнеописание Юлия
Агриколы», 41.] так, у греков была поговорка, что «у того, кого хвалят во
вред, должен вскочить прыщ на носу»; как мы говорим, что «у того, кто лжет,
на языке вскочит волдырь». Безусловно, умеренная похвала, высказанная в
подходящий момент и соответствующим образом, приносит пользу тому, кого
хвалят. Соломон сказал: «Кто громко хвалит друга своего с раннего утра,
будет для него проклятием». [223 – Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 27,
ст. 14.] Слишком сильное возвеличение человека или дела поистине приводит к
умалению его достоинства, а со стороны противников вызывает зависть и
презрение.

Хвалить самого себя неприлично, за исключением некоторых редких случаев; но
хвалить свою должность и профессию вполне допустимо, и это можно делать
даже со своего рода великодушием. У римских кардиналов – теологов, монахов
и схоластов – есть слово, выражающее их явное презрение и неуважение к
гражданским делам, ибо они называют все мирские дела – войны, посольства,
правосудие и другие занятия – словом «*sbirrerie*», т. е. полицейство, как
будто все эти дела подходят только полицейским и судебным приставам; хотя
эти полицейские приносят во много раз больше пользы, чем высокомерные
рассуждения кардиналов. Когда св. Павел хвалил себя, он часто вставлял
слова: «Скажу по неразумию», но, говоря о своей миссии, он сказал:
«*Magnificabo apostolatum meum*». [224 – Нов. Зав., Посл. Коринф. II, гл. 11,
ст. 23; «Приумножу служение мое»; Нов. Зав., Посл. Римлян., гл. 11, ст.
13.]

LIV. О тщеславии

Хорошо выразился Эзоп в одной из басен: «Муха села на ось воза и сказала:
какую пыль я подымаю!». [225 – В эзоповских сборниках такой басни нет. Это,
по-видимому, одна из поздних версий басни Бабрия «Бык и комар».] Таковы и
некоторые тщеславные люди, которые, где бы что ни двигалось само по себе
или под воздействием более сильных причин, думают, что они это двигают,
хотя иногда они даже не приложили к этому рук. Тщеславные люди неизбежно
должны вносить разногласия и раскол в любое дело, ибо всякое тщеславие
познается в сравнении. Они неизбежно должны быть шумливыми, дабы
подтвердить свое хвастовство. Они не могут быть скрытными и поэтому не
достигают своей цели; как говорит французская пословица: «*Beaucoup de
bruit, peu de fruit*» – много шума, мало проку. Однако, безусловно, в
гражданских делах можно найти применение даже этому качеству; где
необходимо создать мнение или прославить добродетель или величие, эти люди
являются хорошими трубачами.

Как заметил Тит Ливий в отношении Антиоха и этолийцев, «иногда перекрестная
ложь приводит к большим последствиям»; [226 – Тит Ливий, «Римская история от
основания города», кн. XXXV, 12.] например, если какой-либо человек,
ведущий переговоры между двумя государствами с целью вовлечь их в войну против
третьего, действительно сверх меры преувеличивает силы каждого из них перед
другим; а иногда тот, кто имеет дело с двумя людьми, приобретает больше
доверия в глазах обоих, притворяясь, что он проявляет больше интереса, чем
у него есть на самом деле, к каждому из них. И в этих и других подобных
случаях часто получается так, что из ничего создается нечто, ибо лжи
достаточно, чтобы породить мнение, а мнение влечет за собой действие.

Тщеславие является важной чертой военачальников и солдат; ибо подобно тому,
как железо заостряется железом, так восхвалением мужества одного

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
заостряется мужество другого. В случаях, требующих большой
предприимчивости, связанных с нападением и риском, сочетание тщеславных
натур действительно вдыхает жизнь в эти предприятия; а солидные и трезвые
натуры, скорее, служат балластом, чем парусом. Что касается славы в ученом
мире, то ее полет будет медленным, если в ней не будет нескольких перьев
хвастовства: «Qui de contemnenda gloria libros scribunt, nomen suum
inscribunt». [227 – «Пищущие о тщете славы ставят на книгах свои имена».
Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 15.] Сократ, Аристотель, Гален были
полны хвастовства. Тщеславие, безусловно, помогает увековечить память о
человеке; и добродетель не бывает обязана за свое прославление только тому,
что получает из вторых рук. Слава Цицерона, Сенеки, Плиния Младшего не
пережила бы их века, если бы к ней не присоединилось их тщеславие, подобно
лаку, который придает полу не только блеск, но и прочность.

Но все время, пока я говорю о тщеславии, я имею в виду не то качество,
которое Тацит приписывает Муциану: «Omnium, quae dixerat feceratque, arte
quadam ostentator»; [228 – «На всем, что он говорил или делал, всегда лежала
печать какого-то артистизма». Тацит, «История», кн. II, 80.] ибо оно
происходит не от тщеславия, а от природного великолюбия и благородства, и у
некоторых людей оно не только благообразно, но и грациозно. Ибо оправдания,
притворные уступки, сама скромность, которой хорошо владеют, есть всего
лишь приемы хвастовства. И среди этих приемов есть один непревзойденный, о
котором говорит Плиний Младший и который состоит в том, чтобы щедро
раздавать похвалы другим в отношении того, в чем сам человек достиг
какого-либо совершенства. Ибо, как весьма остроумно замечает Плиний:
«Восхваляя другого, ты воздаешь должное самому себе; ибо тот, кого ты
хвалишь, либо превосходит тебя в том, что ты восхваляешь, либо уступает
тебе в этом. Если он тебе уступает и если его хвалят, то ты тем более
заслуживаешь похвалы; если же он превосходит тебя и если его не хвалят, то
тем менее нужно хвалить и тебя». [229 – Плиний Младший, «Письма», VI, 17.]

Тщеславные люди возбуждают презрение у мудрых, восхищение у глупцов,
становятся идолами паразитов и рабами своей собственной похвальбы.

LV. О почестях и славе

Завоевание почестей есть лишь обнаружение – без помех – достоинств и
добротелей человека. Некоторые во всех своих деяниях стремятся к почестям
и известности. О таких обычно говорят много, но втайне думают дурно.

Другие, напротив, не умеют показать своих достоинств, так что им не воздают
должного.

Если человек совершил что-либо, что до него не предпринималось, или было
начато и оставлено, или же выполнено не столь удачно, ему достанется больше
чести, чем за более трудное дело, где он явится лишь последователем.

Кто сумеет так повести себя, чтобы угодить всем партиям и группировкам,
того будут славить всего громче. Кто предпримет что-либо, что грозит
большим позором в случае неудачи, нежели обещает почестей при свершении,
тот плохо заботится о своей славе. Слава, отнятая у соперника, сверкает
всего ярче, как граненый алмаз. Страйтесь же превзойти всех соперников,
поразить их, так сказать, собственным их оружием.

Много содействуют доброй славе слуги и приближенные, если они не болтают
лишнего. «Omnis fama a domesticis emanat». [230 – «Всякая репутация исходит
от тех, с кем мы живем». Квинт Цицерон, «О достижении консульского звания»,
V, 17.] чтобы избежать зависти, пагубной для доброй славы, лучше всего
заявлять, что целью ваших стремлений является не слава, но единственно лишь
служение, и приписывать ваши успехи более божественному промыслу и удаче,
нежели собственным вашим достоинствам или образу действий.

лиц, облеченных верховной властью, я разместил бы на лестнице славы в
следующем порядке. На первом месте – «conditores imperiorum», основатели
государств и содружеств, как Ромул, Кир, Цезарь, Осман, Исаил. [231 – Ромул
– легендарный основатель Рима; см. Платон, «Сравнительные жизнеописания»
(Ромул). Кир – персидский царь (558–529 до н. э.), основатель великой
персидской державы. Цезарь, Гай Юлий (102 или 101–44 до н. э.) – всей своей
деятельностью подготовил превращение Римской республики в империю. Осман I

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org (ок. 1259–1326) – основатель Османского государства. Исмаил (XVI в.) – основатель династии Сефевидов, начавшей объединение Персии.] На втором – «legislatores», законодатели, называемые также «вторыми основателями» или «perpetui principes», потому что они и после смерти управляют посредством своих законов; таковы Ликург, Солон, Юстиниан, Эдгар, Альфонсо Кастильский Мудрый, создатель «Siete partidas».[232 – Ликург (VIII в. до н. э.) – законодатель древней Спарты, ему приписывали создание ее государственного устройства: см. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Ликург). Солон (ок. 635–580 до н. э.) – известный афинский законодатель, реформы которого состояли в замене аристократической родовой основы государства имущественной и в создании основ афинской демократии; см. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Солон). Юстиниан (483–565) – император Восточной римской империи, при нем была осуществлена кодификация права – создан «Свод римского права». Эдгар Мирный (943–975) – англо-саксонский король, хроники приписывают ему активную деятельность по объединению Англии. Альфонсо I (1252–1284) – король Леона и Кастилии, при нем был создан свод законов «Партид» (1265), в котором фиксировались суверенные права короны.] На третьем месте стоят «liberatores», или «salvatores», которые кладут конец долгим бедствиям гражданской войны или освобождают отчество от чужеземного ига или тирана; таковы Цезарь Август, Веспасиан, Аврелиан, Теодорих VII Английский, Генрих IV французский.[233 – Т. е. «освободители» или «спасители» (лат.).] Октавиан Август (63 до н. э.–14 н. э.) – первый римский император (с 27 г. до н. э.), положивший конец изнурительным гражданским войнам в Римской республике и самой республике. Тит Флавий Веспасиан (9–79) – римский император (с 69 г.), власть которого завершает анархию периода правления Гальбы, Оттона и Вителлия. Луций Домиций Аврелиан (214 или 215–275) – римский император (с 270 г.), сумевший возвратить империи многие отпавшие от нее провинции. Теодорах – король остготов (493–526), основавший в Италии государство Остготов. Генрих VII (1455–1509) – английский король (с 1485 г.), положивший конец междуусобной «войне Роз» и начало династии Тюдоров. Генрих IV – французский король (1594–1610), его приход к власти завершает многолетние религиозные войны и кладет начало королевской династии Бурбонов.]

На четвертом месте стоят «propagatores», или «propugnatores imperii», [234 – «Расширявшие» или «защитившие державу» (лат.).] – те, кто в почетной войне раздвигает границы своих государств или доблестно защищается от завоевателей. На последнем месте стоят «patres patriae»[235 – «Отцы отечества» (лат.).] – те, кто правит по справедливости, составляя счастье своих подданных. Последние две категории не нуждаются в примерах, столь они многочисленны.

Подданные заслуживают почестей в следующем порядке. Вначале – «participes curarum», те, на кого государи возлагают главное бремя правления и кого называют обычно их правой рукой. Далее следуют «duces bellū» – великие полководцы, помощники государей в делах войны. На третьем месте стоят «gratiosi», фавориты, но только те из них, кто умеет держаться в границах и, служа утехой государю, не причиняют вреда народу. На четвертом месте стоят «negotiis pares» – те, кто занимает высокие должности в государстве и добросовестно их отправляет. Есть и еще род славы, из числа величайших, но редко кому выпадающий, – это честь пожертвовать собой на благо родины, как это сделали М. Регул и оба Деции.[236 – Марк Атилий Регул – римский консул, разбивший в 256 г. до н. э. карфагенский флот и высадившийся в Африке. Регул попал в плен к карфагенянам и, согласно преданию, принял там мученическую смерть. Публии Деции Мусы – отец и сын, консулы Рима, по преданию, пожертвовали жизнью ради отечества.]

LVI. О правосудии[237 – Опыт «Of Judicature» впервые появился в издании 1612 г. и значительно расширен для издания 1625 г. Этот опыт особенно для нас интересен, так как связан с предметами непосредственных профессиональных занятий Бэкона, который поднялся в своей придворной службе от простого юриста до лорда-канцлера (министра юстиции) Англии.]

Судьям надлежит помнить, что их дело «*jus dicere*», а не «*jus dare*» – толковать законы, а не создавать и издавать их. Иначе будет похоже на ту власть, какую присваивает себе римская церковь, которая под предлогом толкования Писания не останавливается перед добавлениями и изменениями, находит там то, чего нет, и под видом охраны старого вводит новое.[238 –

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Обращаем внимание на весьма резкий выпад Бэкона против произвола
римско-католической церкви.] Судьям подобает более учености, чем остроумия,
более почтительности, чем искусности в доказательствах, более
осмотрительности, чем самоуверенности. Но главной их добродетелью является
неподкупность. «Проклят нарушающий межи ближнего своего», [239 - Ветх. Зав.,
кн. Второзакон., гл. 27, ст. 17.] – гласит Писание. Кто сдвинет межевой
знак, достоин осуждения. Но никто не смеет столько межевых знаков,
сколько неправедный судья, неверно междущий земли и владения. Один дурной
приговор пагубнее множества дурных примеров, ибо последние оскверняют
поток, первые же – самый родник. Так говорит и Соломон: «Fons turbatus et
vena corrupta, est justus cadens in causa sua coram adversario». [240 - «Что
возмущенный источник и поврежденный родник, то праведник, падающий перед
нечестивым»; Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 25, ст. 26.] В
отправлении своей должности судьи имеют дело с тяжущимися сторонами, с
защищающими их адвокатами, с подчиненными им судейскими писцами и
чиновниками и с государем или правительством, которому они сами подвластны.

Скажем сперва об отношении судей к тяжущимся сторонам.

«Есть такие, – говорит Писание, – которые суд превращают в отраву», [241 -
Ветх. Зав., кн. Амоса, гл. 5, ст. 7.] а есть и такие, что превращают
правосудие в уксус, ибо оно становится горьким от несправедливости и кислым
от проволочек. Главная обязанность судьи состоит в обуздании насилия и
плутовства, причем насилие пагубнее, когда оно явно, а плутовство – когда
оно тайно. Добавьте к этому спорные дела, которые судам следовало бы
изрыгать, не обременяя своего чрева. Судья должен готовить справедливый
приговор, как Бог прокладывает свой путь, «наполняя всякий дол и понижая
всякий холм». [242 - Ветх. Зав., кн. Исаи, гл. 40, ст. 4.] Если с
какой-либо стороны окажутся произвол, насилие, хитрость, сговор, сильная
заручка, искусный защитник, вот тогда-то и должен праведный судья уравнять
неравенство и как бы уравновесить весы правосудия.

«Qui fortiter emungit, elicit sanguinem», [243 - «Кто сморкается с большим
усилием, досморкается до крови»; см. Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл.
30, ст. 33.] и где винный пресс жмет черезсур сильно, вино получается
терпким и отзывается косточками. Пусть судьи осторегаются толкований в
дурную сторону и натянутых выводов, ибо нет пытки хуже, нежели пытка
законом. Особенно в части уголовных законов они должны стараться, чтобы
острастка не превратилась в жестокость; и чтобы не обрушить на народ того
бедствия, о котором говорит Писание: «Pluet super eos Iaqueos»; [244 - «Он
пошлет на них дождь тенет». Ветх. Зав., Псалм. давид., 10, ст. 6.] ведь
суровые уголовные законы для народа не что иное, как тенета и ловушки. А
потому пусть те уголовные законы, кои пребывали в долгой спячке или стали
непригодны для новых времен, мудрыми судьями применяются ограниченно:

«Judicis officium est, ut res, ita tempora rerum, etc.». [245 - «долг судьи
разобрать поступок и время поступка» (лат.).]

Там же, где дело идет о жизни и смерти, судьям надлежит (поскольку
дозволяет закон), верша правосудие, помнить о милосердии и взирать суровым
оком на дурной пример, но милосердным – на самого виновника.

Скажем, далее, об отношении судей к адвокатам, защищающим дело. Умение
выслушивать терпеливо и невозмутимо составляет важную часть судебских
обязанностей; многоречивый судья не есть «кимвал бряцающий». Судье не
подобает первому высказывать то, что он может своевременно услышать от
адвокатов, щеголять своей сметливостью, прерывая на полуслове свидетеля или
защитника, и прерывать показания вопросами, хотя бы и уместными.
Обязанности судьи при слушании дела могут быть сведены к четырем:
направлять показания; умерять многословие, повторения и неуместные речи;
отобрать и свести воедино наиболее существенное из сказанного и вынести
решение или приговор. Все, что сверх этого, излишне и проистекает из
тщеславия и словоохотливости, или от нетерпения, или от беспамятности, или
от неумения сосредоточить свое внимание.

Странно видеть, как может влиять на судью бессовестный адвокат; тогда как
судье надлежит, подобно Богу, чьим наместником он является, «гордым
противиться, а смиренным давать благодать». [246 - Нов. Зав., Посл. Иаков.,
гл. 4, ст. 6.] Но еще более странно, что у судей бывают любимцы. Ведь это
неизбежно влечет за собой повышение платы адвокатам и подозрения в

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
лихомстве. Когда дело защищалось правильно и по чести, судья обязан выразить адвокату известное поощрение, в особенности же адвокату проигравшей стороны, ибо это внушает тяжущемуся доверие к адвокату и колеблет его убеждение, что дело его и без того верное. С другой стороны, когда имеются налицо плутни, грубое небрежение, неосведомленность, давление или наглость, судья обязан публично вынести адвокату порицание. И пусть адвокат на суде не пререкается с судьей и после вынесения приговора не пытается вновь вмешаться в дело; но пусть и судья со своей стороны не спешит с решением и не дает какой-либо из сторон повод жаловаться, что его защитник или свидетели не были выслушаны.

Скажем, далее, о судейских писцах и чиновниках. Суд есть место священное, а потому не только судейское кресло, но и подножье его и все подступы к нему должны быть охраняемы от соблазнов и худой славы. «Нельзя, — гласит Писание, — собирать виноград с терновника».[247 - Нов. Зав., Матф., гл. 7, ст. 16.] Так и правосудие не может дать своего сладостного плода среди шипов и терниев, какими являются алчные и корыстные писцы и чиновники. Крючкотворы эти встречаются в четырех разновидностях. Первые из них — мастера плодить тяжбы, от которых жиреют судьи и беднеет народ. Вторые — это те, кто вовлекает суды в столкновения по поводу границ их юрисдикции, а на деле является не «*amicī curiae*», но «*parasiti curiae*»,[248 - Не «приверженцы судов», а «паразиты судов» (лат.)] ибо ради собственных выгод подстрекают суды к превышению их полномочий. Третьи — это те, кого можно назвать левой рукой правосудия: люди, имеющие в запасе всевозможные ловкие и темные плутни и ухищрения, которые мешают прямому ходу правосудия и ведут его кривыми и запутанными путями. Четвертые — это вымогатели, из-за которых суд часто сравнивают с терновым кустом, где овцы, ищащие убежища от непогоды, непременно оставляют часть своей шерсти. И напротив, старый чиновник, сведущий в precedентах, осмотрительный в судопроизводстве и опытный во всех делах, является превосходным руководителем и нередко может указать путь самому судье.

Что касается государя и государства, то здесь судьям надлежит прежде всего помнить заключительные слова римских Двенадцати Таблиц: «*Salus populi suprema lex*»[249 - «Высшим законом да будет для них благо народа»; эти слова мы находим, однако, не в законах Двенадцати Таблиц, а у Цицерона «о законах», кн. III, 3, 8.] — и знать, что законы, если они не служат этой цели, суть лишь вздорные и ложные прорицания. Благо тому государству, где король и правители часто совещаются с судьями, а судьи часто совещаются с правителями и королем; первые — когда в государственные дела замешаны вопросы права, вторые — когда вопросы права сталкиваются с политическими соображениями. Ибо нередко дело по видимости сводится к понятиям «*teum*» и «*tuum*»,[250 - т. е. «моё» и «твоё» (лат.)] тогда как последствия его могут затрагивать интересы государства. Делом государственным я называю не только права верховной власти, но все, что влечет за собой важные перемены, или создает опасный прецедент, или касается большой части населения. И пусть никто не думает, что справедливые законы и разумная политика враждебны друг другу, ведь они подобны нервам и мускулам: одно без другого не действует. Пусть судьи помнят также, что трон Соломонов поддерживаем был с обеих сторон львами. И пусть они будут львами, но львами у подножия трона, и не ставят никаких препон верховной власти. Вместе с тем пусть судьи достаточно знают свои права, чтобы понимать, что мудрое применение законов остается их главнейшей прерогативой. Ибо им, наверное, ведомо, что сказал апостол о другом, высшем законе: «*Nos scimus quia lex bona est, modo quis ea utatur legitime*».[251 - «А мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его». Нов. Зав., Посл. Тимоф. I, гл. 1, ст. 8.]

LVII. О гневе

Надеяться совершенно смирить свой гнев — это всего лишь показное стремление стоиков. У нас есть более верные оракулы: «Гневаясь, не согрешайте. Солнце да не зайдет во гневе вашем».[252 - Нов. Зав., Посл. Ефес., гл. 4, ст. 26.] Гнев необходимо ограничивать и сдерживать как в силе выражения, так и в продолжительности. Мы сначала поговорим о том, как естественная склонность и привычка сердиться может быть поставлена под контроль и усмирена; во-вторых, как можно подавлять конкретные действия, вызываемые гневом, или по крайней мере как можно избежать беды во гневе; в-третьих, как возбуждать или усмирять гнев у других.

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Что касается первого, то нет другого пути, как хорошенько подумать и поразмыслить о последствиях гнева, о том, какое беспокойство он приносит в жизнь человека. Самое лучшее время для этого – тот момент, когда приступ гнева совершенно прошел. Сенека хорошо сказал: «Гнев подобен падающему зданию, которое разбивается о то, что оно сбивает». Писание требует от нас, чтобы мы «терпением своим спасали души свои».[253 – Сенека, «О гневе», I, 1. Нов. Зав., Лук., гл. 21, ст. 19.] И тот, кто потерял терпение, потерял свою душу. Люди не должны превращаться в пчел.

Animasque in vulnere ponunt.[254 – «...И душу в ранениях тех полагают».
Вергилий, «Георгики», кн. IV, ст. 233.]

Гнев, безусловно, является одним из видов низменного, что хорошо проявляется в слабости тех, в ком он царит: в детях, женщинах, стариках, больных. Необходимо только иметь в виду, что в гневе лучше выказывать презрение, чем страх, с тем чтобы казаться, скорее, выше обиды, чем ниже ее; что легко сделать, если человек сам управляет собой.

Что касается второго пункта, то причины и мотивы гнева главным образом сводятся к трем. Первая – слишком большая чувствительность к обиде, ибо человек не испытывает гнева, если он не чувствует, что его обидели. Поэтому нежные и тонкие натуры гневаются чаще, так как их задевает много таких вещей, которые более грубые натуры даже почти не ощущают. Затем – восприятие и истолкование обиды: то, как она была нанесена, в каких обстоятельствах, нанесена ли с полным презрением. Ведь презрение является тем фактором, который разжигает гнев в той же мере или даже сильнее, чем сама обида. И поэтому, когда люди искусны в определении тех обстоятельств, которые свидетельствуют о презрении, они, действительно, очень сильно разжигают свой гнев. Наконец, мысль о том, что это затрагивает репутацию человека, умножает и заостряет гнев. Лекарством от этого является обладание, как имел обыкновение говорить Гонсалво, «*telam honoris crassiorem*».[255 – «Честь должна быть из прочной ткани»; Фернандес Гонсалво (1443–1515) – испанский военачальник, прозванный «Великим капитаном», прославился в борьбе против мавров, затем командовал испанскими войсками в итальянских войнах.] Но при всех попытках сдержать гнев самое лучшее средство состоит в том, чтобы выиграть время; заставить себя поверить тому, что время для мщения еще не наступило, но непременно наступит; а пока успокоить себя и оставить за собой право на мщение.

Чтобы сдержать гнев и не допустить беды, даже если человек уже в гневе, нужно обратить особое внимание на два обстоятельства, с которыми надо быть особенно осторожным. Первое, не допускать чрезвычайной ожесточенности выражений, особенно если они будут ядовиты и крепки; ибо «*communia maledicta*»[256 – «Обычные проклятия» (лат.)] есть многозначительное ничто; и еще, чтобы в припадке гнева не раскрыть секретов, ибо это ставит человека вне общества. Второе, нельзя в припадке гнева бесповоротно ломать какое-либо дело; и как бы вы ни выражали свою горечь, не делайте ничего, чего нельзя было бы поправить.

Что касается возбуждения и успокоения гнева в другом человеке, то это достигается главным образом выбором подходящего времени, когда люди наиболее упрямы и плохо настроены, дабы рассердить их; или же тем, что вы собираете (как было упомянуто ранее) все то, что может усугубить презрение. А для успокоения имеются два противоположных средства. Первое – выбрать подходящее время, чтобы впервые сообщить человеку о деле, которое может вызвать его гнев, ибо первое впечатление много значит; а второе – пресечь в той мере, в какой это возможно, истолкование обиды как нанесенной с презрением; отнести ее за счет непонимания, страха, эффекта или всего чего угодно.

LVIII. О превратностях вещей

«Нет ничего нового под солнцем»,[257 – Ветх. Зав., Еккл., гл. 1, ст. 9.] – сказал Соломон. И, как Платон считает, что «Всякое знание есть лишь припоминание», так Соломон говорит, что «Все новое есть лишь забвенное»,[258 – Ветх. Зав., Еккл., гл. 1, ст. 10–11.] – откуда можно видеть, что воды Леты текут не только под землей, но и на земле. У одного астролога находим мы следующее темное высказывание: «Не будь на свете двух

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org постоянных вещей (а именно: неподвижных звезд, всегда находящихся друг от друга на одном расстоянии, не приближаясь и не удаляясь; и неизменного ежедневного вращения, которое отсчитывает время), никто не мог бы существовать и одного мгновения».

Одно можно сказать с достоверностью: материя не знает покоя и находится в вечном движении. Есть два обширных савана, все под собой погребающих, – потопы и землетрясения. Что касается пожаров и больших засух, то они хотя и разрушительны, но не совсем истребляют население. Кони Фаэтона понесли только раз.[259 – Изложение мифа о Фаэтоне см. Овидий, «Метаморфозы», кн. II, ст. 1-328.] А трехлетняя засуха во времена Илии была только частичной и оставила жителей в живых.[260 – См. Ветх. Зав., кн. Царств III, гл. 17.] Точно так же и пожары, возникающие от молний и часто наблюдаемые в Вест-Индии, – действие их местное и ограниченное. Тогда как при потопе и землетрясении, если и случится кому уцелеть, то это обычно люди темные, жители глухих горных мест, не сохранившие памяти о прошлом; поэтому забвение поглощает страну так, словно бы никого в живых и не оставалось. Возьмем хотя бы население Вест-Индии; весьма возможно, что это народ более новый или молодой, чем обитатели Старого Света, и что бедствие, некогда там произшедшее, было всего вероятнее не землетрясением (как говорил египетский жрец Солону об острове Атлантида),[261 – Платон, «Тимей», 25 с-д; ср. «Новая Атлантида».] но частичным потопом, ибо землетрясения в тех краях редки.

Зато реки у них столь мощны, что рядом с ними реки Азии, Африки и Европы кажутся ручьями. Точно так же и горы их, Анды, много выше наших; почему и представляется возможным, что жители после такого потопа частью уцелели. Что же касается замечания Макиавелли, который главную причину исчезновения памятников прошлого видит во вражде религиозных сект и обвиняет Григория Великого в усердном истреблении языческих древностей,[262 – Григорий I – римский папа (понтификат 590–604 гг.).] то я что-то не вижу, чтобы подобное рвение достигало цели или имело длительные последствия; так было и на сей раз, ибо Григорию наследовал Сабиниан, взявшись за восстановление древностей.

Превратности или перемены в небесных сферах не являются подходящим предметом для моего рассуждения. Быть может, Платонов Великий Год,[263 – Период, в течение которого полюс мира совершает полный оборот около полюса эклиптики; равен 25 800 лет. См. Платон, «Тимей»] если только мир наш продержится до тех пор, окажет некоторое действие – не в смысле воскрешения отдельных личностей (ибо это лишь пустые бредни тех, кто воображает, будто небесные светила имеют более влияния на земные дела, чем это есть в действительности), но в смысле общих перемен. Такое же действие и влияние на общий ход вещей, несомненно, имеют кометы. Но у нас принято более доверять им и следить за их движением, нежели должным образом наблюдать их действие, особенно в его взаимосвязях, а именно какие кометы – по величине, цвету, направлению лучей, положению в небе и длительности появления – какое действие оказывают.

Мне довелось слышать один пустяк, который, однако же, не хотелось бы оставлять без внимания. Говорят, что в Нидерландах (не знаю только в какой их части) каждые тридцать пять лет повторяются в том же порядке все явления природы, как-то: большие морозы, проливные дожди, сильные засухи, теплые зимы, холодные лета и так далее. И называется это у них «Примой». Пример этому я привожу тем охотнее, что, произведя некоторые вычисления за прошедшие годы, обнаружил ряд совпадений.

Но обратимся теперь от природы к человеку. Величайшей превратностью в делах человеческих являются смены сект и вероучений. Ведь именно они всего более властвуют над умами. Истинная религия зиждется на скале; остальные же являются игралищем волн времени. Итак, поговорим о причинах появления новых сект и дадим по этому поводу некоторые советы в той мере, в какой слабый человеческий разум способен оказывать действие на события такой важности.

Когда общепринятая религия раздираема спорами; когда нравы ее служителей исполнились греха и соблазна, а времена темны и невежественны – тогда должно ожидать появления новой секты, если к тому же явится неспокойный и мятущийся дух, чтобы стать ее основателем. Все эти обстоятельства были налицо, когда Магомет возгласил свой закон. Но есть еще два признака, обязательных для новой секты; иначе нечего и опасаться ее распространения. Во-первых, надо, чтобы она противостояла установленной власти и стремилась

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org заменить ее, ибо нет ничего популярнее этого; а во-вторых, чтобы давала простор чувственным страстиам. Ибо ересь умозрительная (каковым было в древние времена арианство, а ныне – арминианство), [264 – Арианство – течение в христианстве, отрицавшее «единосущность» Бога-Сына и Бога-Отца. Его основатель –alexандрийский пресвитер Арий, учение которого было осуждено как еретическое Никейским собором в 325 г. Арминиане (ремонстранты) – протестантская секта начала XVII в. в Нидерландах, основанная Яковом Арминием (1560–1609); допускала отступления от строгостей ортодоксального кальвинизма, в политическом отношении арминиане примыкали к федералистам и подвергались гонениям со стороны монархических сторонников Нассауского дома.] хотя и сильно воздействует на умы, все же не производит переворотов в государствах, разве лишь в сочетании с политическими событиями.

Насаждение новой веры происходит тремя путями: силой чудес и знамений, красноречивыми и мудрыми речами и увещеваниями и силой оружия. Мученичество причисляю я также к чудесам, ибо оно превышает, по-видимому, силы человеческой природы. Туда же склонен я отнести и выдающиеся примеры необычайной святости жизни. Для борьбы с новыми сектами и ересями нет лучшего способа, как искоренять злоупотребления, примирять несущественные разногласия, действовать с умеренностью, не прибегая к кровавым расправам; главных же зачинщиков лучше привлекать подкупами и милостями, нежели озлоблять преследованиями.

Превратности и перемены в войнах многочисленны, но более всего подвержены им три вещи: театр военных действий, оружие и способы ведения войны. В древности войны имели преимущественно направление с востока на запад, ибо персы, ассирийцы, арабы, татары (т. е. все завоеватели) были народами восточными. Правда, галлы относятся к числу западных; но из их набегов нам известны лишь два: один – на Галатию, другой – на Рим. [265 – В III в. до н. э. произошло вторжение древних галлов в Малую Азию; заселенная ими область получила название Галатия. Поход галлов на Рим имел место в 390 г. до н. э., они взяли Рим и осадили Капитолий; с этой осадой связано известное предание о гусях, спасших Рим.] Восток и запад не являются, однако, постоянными точками на небе: так же и о войнах нельзя с точностью заключить, свойственно ли им восточное направление или западное. Тогда как север и юг являются направлениями постоянными; и редко или даже никогда не случалось южному народу завоевывать северный, а бывало как раз наоборот. Отсюда явствует, что жители северных стран по природе своей более воинственны, будь то влияние звезд этого полушария или следствие расположения на севере больших материков, тогда как юг, насколько известно, почти целиком занят морями: или же (что всего вероятнее) следствие холодного климата северных стран, который без помощи военного обучения всего более укрепляет тела и горячит сердца.

Войны наверняка можно ждать при распаде великой империи. Ибо такие империи, покуда они существуют, весьма расслабляют население подвластных им областей, полагаясь для защиты их единственно на собственные свои силы; а когда силы эти иссякнут, то и все рушится, становясь легкой добычей. Так было при распаде Римской империи, так было с империей Германской после Карла Великого, когда каждый хищник отрывал по куску; так может случиться с Испанией, если станет она распадаться. Крупные государственные объединения также порождают войны, ибо, когда могущество государства чрезмерно усиливается, оно становится подобным мощной реке и наверняка выходит из берегов. Так было с Римом, Турцией, Испанией и др. И еще заметим: когда мир населен не варварскими племенами, но преимущественно такими, которые воздерживаются от брака и деторождения, если не имеют средств к жизни (а это в наши дни наблюдается почти повсеместно, исключая Татарию), то нечего опасаться нашествий. Но когда имеются огромные скопления людей, продолжающих плодиться, не заботясь о средствах к существованию, тогда неизбежно раз или два в столетие часть этого народа будет наводнить соседние страны; это у древних народов Севера решалось жребием: кому оставаться дома, а кому искать счастья по свету. Война неизбежна и тогда, когда народ, ранее воинственный, становится изнеженным и расслабленным, ибо такие государства обычно накапливают богатства за время своего вырождения; это служит приманкой, а упадок в них доблести поощряет врагов к войне.

Что касается оружия, то здесь трудно привести какое-либо общее правило; однако и тут мы видим превратности и чередования. Известно, например, что огнестрельное оружие применялось в Индии и что именно его македонцы называли громом и молнией или колдовством. И мы знаем также, что в Китае

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org огнестрельное оружие было известно более двух тысячелетий назад. От оружия требуется, во-первых, дальность боя, ибо тогда оно опережает опасность, как видно по артиллерию и мушкетам; во-вторых, пробивная сила, в чем артиллерия опять-таки превосходит все тараны и военные машины древности; в-третьих, удобство пользования: чтобы действовали во всякую погоду, были подвижными, легкими и тому подобное.

Что касается способов ведения войны, то вначале более всего полагались на численность войска; в солдатах ценили лишь силу и храбрость, назначали дни для решающих сражений, т. е. старались решить дело просто в схватке, а искусство боевого строя было неведомо. Впоследствии стали более ценить умение, а не число, понимать значение выбора местности, хитроумных диверсий и прочего и искуснее располагать войска перед боем.

В молодых государствах процветает искусство войны; в зрелых – науки; затем некоторое время процветает то и другое; в дряхлых же – ремесла и торговля. Есть и у науки младенчество, когда она только еще лепечет; затем юность, когда она бывает цветущей и пышной; далее, зрелость, когда она становится серьезной и немногословной; и наконец, старость, когда она дряхлеет. Но не следует слишком долго созерцать вращение колес превратности, не то закружится голова. Что же касается их объяснения, то это лишь собрание побасенок, а потому для этих страниц непригодно.

Примечания

Работа над «Essays or Counsels, Civil and Moral» сопровождала Бэкона всю жизнь. «Они принадлежат к лучшим плодам, которые божьей милостью могло принести мое перо», – признается он за год до смерти. «Essays» были очень популярны и неоднократно переиздавались еще при жизни автора, не говоря уже о бесчисленных изданиях потом. Поэтому важно среди всех этих публикаций «Essays» и их переводов на другие языки выделить те, которые Бэкон подготовил сам или как-то принимал участие в их подготовке. Таких изданий пять: три английских, итальянское и латинское, выпущенные в разное время различными лондонскими издательями.

Первое английское издание «Essays» вышло в 1597 г. в одном томике с «Religious Meditations» и «Places of Persuasion and Dissuasion». Оно содержало всего 10 опытов: I «О занятиях науками»; II «О беседе»; III «О манерах и приличиях»; IV «О приближенных и друзьях»; V «О просителях»; VI «О расходах»; VII «О поддержании здоровья»; VIII «О почестях и славе»; IX «О партиях»; X «О переговорах». Композиция этого первого издания довольно аморфна; как отмечает комментатор бэконовских «Essays» Ф. А. Коган-Бернштейн, это свободное сочетание наблюдений и рассуждений на разные темы, расположенные еще совершенно случайно. Через 15 лет, в 1612 г. появилось второе издание. Томик включал одни только эссе, но число их возросло до 38; из них 29 были совершенно новые, а остальные исправлены и дополнены. В этом издании уже прослеживаются узловые темы, вокруг которых сосредоточиваются размышления автора, и одна из центральных: политическая и административная. Действительно, в издании 1612 г. появляются такие эссе, как «О религии», «О знати», «О высокой должности», «Об искусстве властвовать», «О совете», «О величии королевств», «О правосудии», на которых лежит очевидная печать и социально-политических взглядов Бэкона и его опыта крупного государственного чиновника. Последнее подготовленное Бэконом прижизненное издание «Essays» 1625 г. содержало 58 эссе: было добавлено 20 новых, а многие из старых так или иначе изменены. Круг занимающих его тем здесь еще более расширяется. Он делится соображениями о наилучшей постройке дворца, разбивке сада, устройстве придворных спектаклей («О строениях», «О садах», «О масках и триумфах»). В этом издании впервые появляются и такие опыты: «Об истине», «О бедствиях», «О притворстве и лицемерии», «О зависти», «О путешествиях», «О колониях», «О ростовщичестве», «О гневе», «О превратностях вещей». А особенно значительному исправлению и расширению опять-таки подвергаются опыты на социальные и политические темы: «О религии», «О знати», «Об искусстве властвовать», «О величии королевств», «О партиях», «О правосудии».

Следует отметить также итальянский перевод «Essays», сделанный с издания 1612 г. и вышедший в Лондоне в 1618 г. В нем впервые был опубликован опыт «О смутах и мятежах». Последние годы жизни Бэкон работал над подготовкой латинского издания. В этом ему помогали ряд лиц, среди которых называют и

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org Томаса Гоббса. Именно будущему автору «Левиафана» принадлежит перевод на латинский эссе «Об истинном величии королевств и республик» (впервые опубликованный в трактате «De Dignitate et Augmentis Scientiarum», VIII, 3) и, как полагают, «О новшествах» и «О притворстве и лицемерии». Этот латинский перевод «Essays» под названием «Sermones Fideles, sive Interiora Rerum» вышел уже после смерти Бэкона в 1638 г. в составе подготовленного В. Раули тома бэконовских сочинений «Francisci Baconi... Operum Moralium et Civilium Tomus». Том также содержал: «Historia Regni Henrici Septimi Regis Angliae», «Tractatus de Sapientia Veterum», «Dialogus de Bello Sacro» и «Nova Atlantida» – замечательный цикл гуманитарных произведений Фр. Бэкона.

На русский язык «Essays» были переведены в прошлом веке П. А. Бибиковым под названием «Нравственные и политические очерки» (Бакон, Собрание сочинений, т. II. СПб., 1874). Перевод П. А. Бибикова содержит 57 эссе – почему-то выпал опыт «О масках и триумфах». Новый русский перевод «Essays», выполненный З. Е. Александровой, был опубликован в академической серии «Литературные памятники» в 1954 г. (не все опыты) и в 1962 г. (все опыты). Примечания подготовил А. Л. Субботин. При их составлении нельзя было не опираться на обстоятельные комментарии к «Опытам», выполненные Ф. А. Коган-Бернштейн для изданий: фрэнсис Бэкон, «Новая Атлантида. Опыты к наставления нравственные и политические». Примечания

1

Т. е. «дьявольским вином» или «вином демонов». Возможно, Бэкон объединяет сказанное о поэзии Августином и Иеронимом. Августин называл ее «вином заблуждения», а Иероним – «пищей демонов».

2

См. Лукреций, «О природе вещей», кн. II, ст. 1-10:

«Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры,
С твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого,
Не потому, что для нас будут чьи-либо муки приятны,
Но потому, что себя вне опасности чувствовать сладко,
Сладко смотреть на войска на поле сраженья в жестокой
Битве, когда самому не грозит никакая опасность.
Но ничего нет отраднее, чем занимать безмятежно
Светлые выси, умом мудрецов укрепленные прочно:
Можешь оттуда взирать на людей ты и видеть повсюду,
Как они бродят и путь, заблуждаясь, жизненный ищут»,
(пер. Ф. А. Петровского).

3

Монтень, «Опыты» (Об изобличении во лжи).

4

«Атрибуты смерти устрашают сильнее самой смерти». Сенека, «Письма», III, 3.
Страница 77

5

«Подумай, как долго делал ты одно и то же; не одни лишь храбрецы или несчастливцы захотят умереть, но и те, кто поразборчивей». Сенека, «Письма», X, 1.

6

«Ливия, помни, как жили мы вместе; живи и прощай!». Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Божественный Август, 99).

7

«Уже Тиберия покидали телесные, покидали жизненные силы, но все еще не покидало притворство». Тацит, «Анналы», кн. VI, 50.

8

«...кажется, я становлюсь богом». Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Божественный Веспасиан, 23).

9

«Рази, если так нужно римскому народу». Тацит, «История». кн. I, 41.

10

«Приблизься, если мне еще остается что-либо сделать», Дион Кассий, «Римская история», LXXVI, 17.

11

«Что почитает за дар природы предел своей жизни». Ювенал, «Сатиры», X, ст. 358..

12

«Ныне отпускаешь». Нов. Зав., Лук., гл. 2, ст. 29.

13

«...Одной только смертью смиряется зависть». Гораций, «Послания», кн. II, 1.

14

Этот опыт впервые появился в издании 1612 г. и назывался «Of Religion». Для третьего издания Бэкон его значительно изменяет и расширяет. Здесь он называется «Of Unity in Religion», а в латинском издании 1638 г. – «De Unitate Ecclesiae» («О единстве церкви»).

15

«Вот, он в пустыне», «Вот, он в святилище». Нов. Зав., Матф., гл. 24, ст. 26.

16

Апостол Павел. Нов. Зав., Посл. Коринф. 1, гл. 14, ст. 23.

17

Ветх. Зав., Псалм. Давид., 1. ст. 1.

18

Имеется в виду Франсуа Рабле. В одном из эпизодов его романа Пантагрюэль знакомится с каталогом книг библиотеки св. Виктора, где фигурирует и это заглавие. См. «Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. II, гл. 7.

19

Ветх. Зав., кн. Царств IV, гл. 9, ст. 18–19.

20

Названные так по имени Лаодикийской церкви – в делах веры «ни холодной, ни горячей». См. Нов. Зав., Откр. Иоан., гл. 3, ст. 15.

21

Нов. Зав., Матф., гл. 12, ст. 30; Марк., гл. 9, ст. 40.

22

Имеется в виду св. Бернард: «Пусть будет пестрота в этой одежде, но не будет разрыва». См. S. Bernardi ad Guillelmi abbatii Apologia. Paris, 1640, p. 983.

23

«...отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания». Нов. Зав., Посл. Тимоф. 1, гл. 6, ст. 20.

24

Перефразировка места из толкования пророком Даниилом сна царя Навуходоносора. См. Ветх. Зав., кн. Даниил., гл. 2, ст. 43.

25

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
«Вот к злодеяньям каким побуждалась религия смертных». Лукреций, «О природе вещей», кн. 1, ст. 101.

26

Бэкон имеет в виду события Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.) и подготовленный иезуитами и католиками взрыв парламента в Лондоне в 1605 г.

27

Ветх. Зав., кн. Исаи, гл. 14, ст. 14.

28

«Ибо гнев человека не творит правды Божией». Нов. Зав., Иаков., гл. 1, ст. 20.

29

Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 19, ст. 11.

30

Козимо Медичи (1519–1574) – правитель Флоренции, кстати, был знаменит и тем, что в борьбе с противниками не гнушался никакими средствами.

31

Ветх. Зав., кн. Иова, гл. 2, ст. 10.

32

Гай Кассий и Марк Брут, организовавшие заговор против Юлия Цезаря, покончили с собой после разгрома их войска силами цезарианцев в битве при Филиппах (42 г. до н. э.). Септимий Север, вступив в 193 г. в Рим, наказал преторианцев, свергнувших императора Публия Гельвия Пертинакса. Генрих Наваррский в битве при Иври (1590 г.) разбил сторонников католической лиги Гизов, агент которой убил в 1589 г. короля Генриха III.

33

Сенека, «Письма», VII, 4, 29.

34

Сенека, «Письма», VI, 4, 12.

35

Тацит, «Анналы», кн. V, 1.

36

Римский наместник в Сирии Г. Лициний Муциан – один из главных инициаторов военного заговора в пользу Веспасиана.

37

Тацит, «Анналы», кн. III, 70.

38

Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 10, ст. 1.

39

«Избери лучшее, а привычка сделает его приятным и легким» – изречение, которое приписывают Пифагору.

40

Т. е. об Одиссее: «Свою старуху предпочел бессмертию». Цицерон, «Об ораторе», кн. I, 44.

41

«Ведь каждый любопытный зложелателен». Плавт, «Господа и рабы», акт II. сц. 1.

42

Нарсес (472–568) – византийский полководец армянского происхождения; возвысился при императоре Юстиниане и возглавлял его армию в войне против готов.

Агесилай II – спартанский царь (398–361 до н. э.); о нем см. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Агесилай).

Тамерлан (1336–1405) – известный своей жестокостью завоеватель; захватив власть в Средней Азии, он объявил себя потомком Чингис-Хана.

43

«Одним скачком» (лат.).

44

«Сколько терпим» – слова из молитвы о мертвых в католическом богослужении.

45

46

Нов. Зав., Матф., гл. 13, ст. 25.

47

«Каждый из нас для другого является великий театр». Сенека, «Письма», 1, 7.

48

Этот опыт «Of Great Place» впервые опубликован в 1612 г. В латинском издании 1638 г. он называется «De Magistratibus et dignitatibus».

49

«Когда ты уже не тот, чем был, у тебя нет причин быть привязанным к жизни». Цицерон, «Письма к близким», VIII, 3.

50

«Смерть страшна, тяжела тому, кто, хорошо известный всем, сам до смерти не знал себя». Сенека, «Тиэст», действ. II, ст. 470–472.

51

«И увидел Бог все, что он создал, и вот, хорошо весьма». Ветх. Зав., кн. Бытие, гл. 1, ст. 31.

52

Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 28, ст. 21.

53

«Все считали его способным стать императором, пока он им не стал». Тацит, «История», кн. I, 49.

54

«Единственный, кто, ставши принцепсом, изменился к лучшему», Тацит, «История», кн. I, 50.

55

Афинский оратор Демосфен (384–344 до н. э.) страдал врожденными недостатками речи и преодолел их упорными упражнениями.

Бусбек, Ожье Жислен (1522–1592) – австрийский ученый и дипломат, был послом в Турции и издал «*Legationis Turcicae Epistolae*» (1589 г.). Бэкон неточно передает его рассказ: один ювелир прибил живую птицу над дверью, распялив ей клюв палкой. Этую неточность Бэкон исправил в латинском издании.

57

См. Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», кн. II, гл. 2.

58

Имеется в виду эзоповская басня «Петух и жемчужное зерно». Федр, «Басни», III, 12.

59

Нов. Зав., Матф., гл. 5, ст. 45.

60

Нов. Зав., Марк., гл. 10, ст. 21.

61

Misanthropi – «человеконенавистники» (лат.). Тимон – афинский гражданин, живший во времена Пелопоннесской войны. Язвительно издеваясь над нравами своих соотечественников, он отказался от всякого общения с ними и в античных комедиях осмеивался как враг и ненавистник людей. Бэкон, по-видимому, имеет в виду то место у Плутарха, где рассказывается о выступлении Тимона в Собрании: «Есть у меня, господа афиняне, участочек земли подле дома, и там растет смоковница, на которой уже немало из моих любезных сограждан повесилось. Так вот, я собираюсь это место застроить и решил всех вас предупредить – на тот случай, если кто желает удавиться; пусть приходит поскорее, пока дерево еще не срублено». Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Антоний, LXX).

62

Нов. Зав., Посл. Римлян., гл. 9, ст. 3.

63

Этот опыт «Of Nobility» впервые был напечатан в 1612 г. В третьем издании 1625 г. он значительно расширен и исправлен. Во всех предшествующих русских изданиях он переводился «О дворянстве», что, на наш взгляд, стушевывает смысл бэконовской социальной характеристики. В последующих текстах у Бэкона встречается противопоставление «nobility» и «gentry».

64

Опыт «Of Seditions and Troubles» был впервые напечатан в итальянском издании 1618 г. и затем в английском 1625 г. В комментарии к нему Ф. А. Коган-Бернштейн указывает, что в своем анализе классовой структуры

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org английского общества Бэкон часто исходит из более давних социальных отношений раннетюдоровского периода. В связи с этим она ставит весьма существенную задачу – проследить, в какой мере в социально-политических воззрениях и идеалах Бэкона, запечатленных в «Essays», отразились и сплелись установки раннетюдоровского, елизаветинского и стюартовского времени.

65

Вергилий, «Георгики», кн. I, ст. 464–465:

«...О смутах незримых она предваряет

Часто, о кознях и скрытой войне, набухающей тайно».

66

Вергилий, «Энеида», кн. IV, ст. 178–180:

«Онью Матья Земля, на богов распаленная гневом,

Младшую, как повествуют, сестру Энкеладу с Кеем

Произвела...».

67

Бэкон перефразирует место из Тацита: «Отныне, что бы принцепс ни делал, хорошее или дурное, – все навлекало на него равную ненависть»; «История», кн. I, 7.

68

У Тацита: «Солдаты были настроены бодро, но предпочитали обсуждать приказы командиров, а не выполнять их»; «История», кн. II, 39.

69

Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» кн. III, гл. 27.

70

«Первый двигатель» – в аристотелевско-птолемеевской системе мира первоисточник движения, помещающийся за сферой неподвижных звезд.

71

У Тацита; «Так открыто, что можно было подумать, будто они забыли о своих повелителях»; «Анналы», кн. III, 4.

72

«Сниму пояса с чресл царей». Ср. Ветх. Зав., кн. Исаи, гл. 14, ст. 25.

73

Бэкон неточно цитирует Лукана, «Фарсалия», кн. 1, ст. 181–182:

«Хищный отсюда процент, беспощадные сроки уплаты,
И поколеблен кредит, и война стала выгодной многим».

74

«Только для печали есть граница, а для страха – никакой». Плиний Младший, «Письма», кн. VII, 17, 6.

75

«Материал превзошел мастерство»; Овидий, «Метаморфозы», кн. II, ст. 5.

76

Имеется в виду богатство Голландии, прибыльные фрахты, составлявшие значительную статью ее дохода.

77

«Сулла был неграмотен, а потому не мог диктовать». Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Божественный Юлий, 77).

78

«Набирает солдат, а не покупает», Тацит, «История», кн. 1, 5.

79

«Если буду жив, Римская империя не будет нуждаться в солдатах». Flavius Vopiscus, «Probus», 20.

80

«Словом, судя по общему настроению, на последнее злодеяние решились лишь некоторые, сочувствовали ему многие, готовились и выжидали все». Тацит, «История», кн. I, 28.

81

Комментаторы считают, что имелся в виду сборник «Золотая Легенда», содержащий повествования о житиях и чудесах святых. Составлен он был в XIII в. доминиканцем Яковом Ворагинским.

82

Ветх. Зав., Псалм. Давид., 13, ст. 1.

83

«Кощунство не в том, что отрицают богов толпы, а в том, что богам приписывают мнение толпы». Диоген Лаэртский, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. X, 123.

84

диагор (V в. до н. э.) – греческий лирический поэт, за безбожие был приговорен к казни, но успел скрыться.

Бион (III в. до н. э.) – греческий философ и сатирик, слыл атеистом, примыкал к киникам, а затем к киренаикам.

Лукиан (II в. н. э.) – знаменитый греческий сатирик, «Вольтер классической древности», считал все религии обманом и в своих сочинениях высмеивал богов.

85

«Нельзя уже теперь сказать, что каков народ, таков и священник, ибо народ не таков, каковы священники».

86

«Высшее существо» (лат.).

87

«Чем бы мы могли гордиться, отцы отечества, ведь числом мы уступаем испанцам, выносливостью – галлам, хитростью – финикийцам, в искусствах – грекам, наконец, патриотизмом – жителям этой земли – италам и латинянам, если не благочестием и совестливостью, равно как и той исключительной мудростью, благодаря которой именем бессмертных богов, управляющих всем, призваны мы покорить все народы и нации». Цицерон, «De Haruspīcum responsis», 9.

88

Этот опыт «Of Superstition» впервые появился в 1612 г.; в итальянском издании 1618 г. был опущен; значительно дополнен для издания 1625 г.

89

Бэкон цитирует неточно. Плутарх, «О суеверии», 24.

90

Вселенский собор католической церкви, созданный папой Павлом III, открылся 13 декабря 1545 г. и продолжался с перерывами и перенесением места заседаний до 4 декабря 1563 г. Основное внимание уделил борьбе с реформацией и укреплению позиций папства, в своих решениях установил основные доктрины католицизма.

91

Этот опыт «Of Empire» впервые появился в издании 1612 г.; для третьего издания значительно расширен и исправлен.

92

Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 25, ст. 3.

93

Аполлоний Тианский (1 в. н. э.) – неопифагореец, личность которого противники христианства противопоставляли Христу. Бэкон цитирует из его биографии, написанной софистом Филостратом Младшим (III в.). «Vita Appoll. Tyanii», V, 28.

94

«Желания государя бывают большей частью необузданны и противоречивы»; это цитата не из Тацита, а из Саллюстия, «Югуртинская война», 113.

95

Имеются в виду главные участники итальянских войн первой половины XVI в.

96

Имеется в виду их союз в 80-х годах XV в. против растущего могущества Венеции.

97

См. Фома Аквинский, «Summa Theologiae», 2[2] quest., XL.

98

Ливия Друзилла – жена Октавиана Августа; ее обвинение в отравлении мужа считается необоснованным. Роксалана – жена Солимана Великолепного, турецкого султана (1520–1566); чтобы доставить престол своему сыну, оклеветала старшего сына султана Мустафу, который был удушен. Изабелла Анжуйская – дочь французского короля Филиппа IV Красивого и жена Эдуарда II; при поддержке французов и используя крайнюю непопулярность короля в Англии, сумела свергнуть Эдуарда и засадить его в тюрьму, где он и был убит.

99

Селим II – сын Солимана и Роксаланы.

100

Крисп был казнен вследствие интриг своей мачехи. Константин II, ставший
Страница 87

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические императором в 337 г., был убит в 340 г. во время междуусобной борьбы с братом Константом. Император Констант убит в результате военного заговора в 350 г. Наконец, последний сын Константина Великого, Констанций умер в 361 г., когда римские легионы в Галлии провозгласили императором Юлиана, впоследствии прозванного «Отступником».

101

Деметрий – сын македонского царя Филиппа V (а не Филиппа II, как пишет Бэкон) был казнен в 179 г. до н. э. в результате интриг своего брата Персея.

102

Селим – младший сын султана Баязета II (1481–1512), соперничая за престол с братом Ахметом, сверг отца, а затем отправил его, Генрих II – английский король (1154–1189) из династии Плантагенетов; имея обширные владения во Франции, вел там непрерывные войны, в свою очередь французы интриговали против Генриха его сыновей: Генриха, Ричарда Львиное сердце и Иоанна Безземельного.

103

Ансельм Кентерберийский (1033–1109) – знаменитый богослов, философ и политический деятель. Став примасом Англии, настойчиво добивался права назначения на высшие церковные должности, что ранее было прерогативой короля.

Томас Бекет (1118–1170) – архиепископ кентерберийский, выступил против короля Генриха II, который, проводя политику усиления своей власти, пытался ограничить права церкви и церковных судов («Кларенденские постановления»); был убит сторонниками короля.

104

См. Ф. Бэкон, «The History of the Reign of King Henry the Seventh».

105

«Воротная вена» (лат.).

106

Янычары (тур. «новые войска») – привилегированное войско в Османской империи; из янычар формировались отборные военные отряды, они исполняли в стране функции полиции и жандармерии, составляли свиту губернаторов и личную гвардию султана. В XVI–XVIII вв., превратившись в самостоятельную феодальную силу, янычары начинают противопоставлять себя центральной власти, бунтуют, даже свергают султанов. Просуществовав около пяти столетий, были распущены в 1826 г.

Преторианская гвардия – возникла из преторских когорт, личной стражи полководца в Римской республике. Во времена империи превратилась в одну из решающих военно-политических сил в стране: преторианцы устраивали государственные перевороты, провозглашали, свергали и убивали императоров. В 312 г. при императоре Константине I преторианская гвардия была упразднена.

107

«Помни, что ты человек»; «помни, что ты Бог или наместник его».

108

Ветх. Зав., кн. Исаи, гл. 9, ст. 6.

109

Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 20, ст. 18.

110

См. Ветх. Зав., кн. Царств III, гл. 12, ст. 6-14.

111

Ср. нижеследующий текст с эссе «Метида, или Совет» в книге «О мудрости древних».

112

После этих слов в бэконовской рукописи имеется следующее добавление: «Ибо средство это превращает Метиду-супругу в Метиду-любовницу; иначе говоря, заменяет совет, с которым государь торжественно сочетался, советом лиц, которые обязаны своим положением прежде всего лести и ласке».

113

«Кругом в дырах, повсюду протекаю я». Теренций, «Евнух», деист. 1, сц. 2, ст. 106.

114

Мортон, Джон (Morton, 1420–1500) – архиепископ кентерберийский, кардинал и лорд-канцлер Англии (1487–1500).

Фокс, Ричард (Fox, 1448–1528) – епископ Винчестерский, лорд-хранитель печати при Генрихе VII и Генрихе VIII. Эти лица пользовались особой монаршой милостью, так как, по сообщению историков, не хранили тайны чужих исповедей.

115

«Найдет ли веру на земле?» Нов. Зав., Лук., гл. 18, ст. 8.

116

«Главное достоинство государя – знать своих людей». Марциал, Эпиграммы, кн. VIII, 15.

117

«Вообще», «в целом» (лат.).

118

«Лучшие советники-мертвые». Диоген Лаэртский, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», кн. VII, 1.

119

Весь текст, начиная с этой фразы и до конца опыта, добавлен Бэконом в издании 1625 г.

120

«Утро вечера мудренее» (лат.).

121

Комиссия, оформлявшая в 1603 г. объединение Англии и Шотландии после вступления на английский престол шотландского короля Якова Стюарта.

122

«Заняться текущими делами» (лат.).

123

«Как угодно тебе» (лат.).

124

Федр, «Басни», кн. V, 8.

125

«Отправь обоих нагишом к людям, которые их не знают, и тогда увидишь»; это изречение приписывают философи Аристиппу (V в. до н. э.).

126

По мнению некоторых комментаторов, здесь имеется в виду сэр Фрэнсис Уолсингем (1530–1590).

127

Ветх. Зав., кн. Неем., гл. 2, ст. 1–2.

128

См. Тацит, «Анналы», кн. XI, 29–30.

129

Предполагают, что здесь Бэкон мог иметь в виду своего двоюродного брата Роберта Сесиля и сэра Томаса Бодлея.

130

«Я-то не имею иных интересов, кроме безопасности императора». Тацит, «Анналы», кн. XIV, 57.

131

Собор св. Павла в Лондоне в XVI–XVII вв. был излюбленным местом праздношатающейся публики.

132

«Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим». Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 14, ст. 15.

133

«Влюбленный в самого себя и не знающий соперников». Цицерон, «Письма к брату Квинту», III, 8.

134

Ветх. Зав., кн. Иерем., гл. 6, ст. 16.

135

Нов. Зав., Посл. Тимоф. II, гл. 3, ст. 5.

136

«Из пустяка делаешь великое дело». Теренций, «Самоистязатель», III, 5, 8.

137

«Отвечаешь, одну бровь задирая на лоб, а другую опуская до самого подбородка; но свирепость тебе не идет». Цицерон, «Против Пизона», VI.

138

«Пустозвон, который легковесностью слов разрушает весомость вещей». Это
Страница 91

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org высказывание, которое Бэкон приписывает Авлу Геллию, имеется у Квинтилиана, «Наставления оратору», X, 1.

139

Аристотель, «Политика», кн. 1, 1.

140

«Большой город, большое одиночество».

141

«Причастные заботам» (лат.).

142

Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Помпей, XIV).

143

«я не скрыл этого от тебя из дружбы». Тацит, «Анналы», кн. IV, 40.

144

Коммин, «Memoirs», V, 5.

145

Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Фемистокл, XXIX).

146

Нов. Зав., Посл. Иаков., гл. 1, ст. 24.

147

Второе издание 1612 г. содержало опыт «Of Greatnes of Kingdomes», который затем был Бэконом значительно изменен и расширен. В издании 1625 г. он фигурирует под названием «Of the True Greatness of Kingdoms and Estates». Однако до этого опыт был переведен на латинский язык (Томасом Гоббсом) и опубликован в 1623 г. в составе трактата «De Dignitate et Augmentis Scientiarum», VIII, 3 под названием «Exemplum Tractatus summarii de Proferendis Finibus Imperii». Поэтому все пояснения к тексту этого опыта читатель может найти в наших примечаниях 132–150 к книге восьмой «О достоинстве и приумножении наук». См. Фрэнсис Бэкон, Сочинения в двух томах. М., 1971, т. 1, стр. 575–576.

148

«Удовлетворяют требованиям» (лат.).

149

«...область, оружьем сильна и земли плодородьем»; Вергилий, «Энеида», кн. I, ст. 531.

150

«Право торговли, право вступления в брак, право наследования»; «избирательное право, право занимать государственные должности» (лат.).

151

«Планы Помпея поистине фемистокловские; он полагает, что господство на море означает господство надо всем». Цицерон, «Письма к Аттику», X, 8.

152

Истории царствования и характеристике личности этого первого представителя Тюдоров Бэкон посвятил свое сочинение «The History of the Reign of King Henry the Seventh» (1621).

153

«Подозрение освобождает от верности».

154

«Сын, берегись погонять и крепче натягивать вожжи»; Овидий, «Метаморфозы», кн. II, ст. 127.

155

Опыт «Of Plantations» впервые появился в издании 1625 г. В латинском издании он назывался «De Plantationibus populi et Colonis». Сам Бэкон был энтузиастом колониальной политики и принимал активное участие в разработке планов колонизации Виргинии, Ньюфаундленда и Ольстера.

156

Ср. Лукреций, «О природе вещей», кн. V, ст. 822–827.

157

Виргиния – первая английская колония в Америке. Охваченная жаждой наживы Лондонская компания организовала здесь табачные плантации и нещадно эксплуатировала на них коренное население; когда же туземцы стали массами гибнуть, в Виргинию начался ввоз рабов-негров и приговоренных к ссылке преступников из Англии.

158

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Имеет двоякое значение: «препятствие, помеха» и «обоз».

159

Ветх. Зав., Еккл., гл. 5, ст. 10.

160

Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 18, ст. 12.

161

«В своем стремлении увеличить состояние обнаруживает не алчность, но поиски способов делать добро». Цицерон, «В защиту Рабирия Постума», 2.

162

«Кто спешит разбогатеть, тот не останется ненаказанным». Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 28, ст. 20.

163

«В поте чужого лица» – перефразировка библейского «в поте лица твоего». Ветх. Зав., кн. Бытие, гл. 3, ст. 19.

164

«Он, словно ищейка, выслеживает завещания и бездетных граждан». Тацит, «Анналы», кн. XII, 42.

165

Ветх. Зав., кн. Царств I, гл. 28, ст. 12.

166

Гомер, «Илиада», кн. XX, ст. 307–308:

«Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться».

167

Сенека, «Медея», дейст. II, ст. 440–444:

«Промчатся годы, и чрез много веков
Океан разрешит оковы вещей,
И огромная явится взорам земля,

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
И новые Тифис откроет моря,
И фула не будет пределом земли».

168

«Явлюсь тебе еще в Филиппах». См. Аппиан, «Гражданские войны», кн. IV, 134.

169

«И ты, Гальба, отведаешь самодержавной власти». Светоний, «Жизнь двенадцати Цезарей» (Гальба, 4).

170

См. Тацит, «История», кн. V, 13.

171

При Генрихе VI (1422–1461) началась война Алой и Белой роз. Ср. Бэкон. «The History of the Reign of King Henry the Seventh».

172

Этим астрологом был известный составитель гороскопов, врач Нострадамус (1505–1566), автор «Centuries».

173

T. e. «hempe» – Henry, Edward, Mary, Philip, Elizabeth.

174

В 1588 г. испанский король Филипп II послал к берегам Англии свою «Непобедимую армаду».

175

«Восемьдесят восьмой год будет достопамятным»; Региомонтан – прозвище немецкого математика и астронома Иоанна Мюллера (1436–1476).

176

Этот сон сатирически изобразил Аристофан, «Всадники», Пролог, ст. 218 и след.

177

В Англии в XVI–XVII вв. неоднократно принимались законы против злоупотребления всякого рода предсказаниями.

178

Имеется в виду «Критий», который в одном из латинских переводов назывался «Критий, или Атлантик».

179

Приручая охотничьих птиц, им на время зашивали веки.

180

См. Дион Кассий, «Римская история», LVII, 9.

181

Опыт «Of Masques and Triumphs» появился в третьем издании 1625 г. «Масками» называли любительские придворные спектакли, в которых иногда принимали участие царственные особы и высшая знать. Эти спектакли были богато декорированы, отличались изысканными костюмами и носили характер своеобразного дивертисмента с декламацией, пением, танцами, живыми картинами и разыгрыванием небольших сцен. Как это видно из частной переписки Бэкона, он сам принимал участие в организации таких празднеств еще будучи в корпорации Грейс-Инн и даже пробовал писать для них пьески. «Триумф» – здесь величественное театральное представление.

182

«Тот всего лучше свой дух побеждает, кто цепи на теле порвав, перестает и печалиться». Овидий, «Лекарства от любви», 293.

183

Имеется в виду эзоповская басня «Ласка и Афродита». Эзоп, «Басни», 50.

184

«Долго жила душа моя». Ветх. Зав., Псалм. Давид., 119, ст. 6.

185

См. Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», кн. III, гл. 6.

186

Жак Клеман – доминиканский монах, во время религиозной войны во Франции заколол 1 августа 1589 г. короля Генриха III.

Франсуа Равальяк – католический фанатик, убил в 1610 г. французского короля Генриха IV.

187

Жореги – покушался в 1583 г. на штатгальтера Голландии Вильгельма Нассауского, принца Оранского. Жерар через два года после Жореги повторил покушение и убил принца.

188

Такой оборот в переводе возможен, т. к. английское слово «custom» означает и «привычку» и «обычай».

189

См. Д. Флетчер, «О государстве русском». СПб., 1906, гл. XXVIII.

190

«Каждый кузнец своего счастья». Плавт, «Тринуммус», акт II, сц. 2, ст. 84.

191

«Змея не станет драконом, пока не съест другую змею» (лат.).

192

«В этом человеке сочетались такие физические и духовные силы, что, где бы он ни родился, он, несомненно, смог бы устроить свое счастье»; Тит Ливий, «Римская история от основания города», кн. XXXIX, 40.

193

«Гибкий талант» (лат.).

194

«Немного безумия» (итал.).

195

«Ты везешь Цезаря и его счастье». Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Цезарь, XXXVIII).

196

«Счастливый», а не «Великий». См. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Сулла, XXXIV).

197

См. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Тимолеонт, XXXVI).

198

«Трутней от ульев своих отгоняют, ленивое стадо». Вергилий, «Георгики», кн. IV, ст. 168.

199

«В поте лица твоего будешь есть хлеб». Ветх. Зав., кн. Бытие, гл. 3, ст. 19. Затем, перефразировка Бэкона: «В поте чужого лица».

200

«Уступка по жестокосердию» (лат.).

201

«Молодость его была полна ошибок, более того – безумия» (лат.).

202

Ветх. Зав., кн. Иоиля, гл. 2, ст. 28.

203

«Он оставался прежним, но прежнее ему уже не шло». Цицерон, «Брут, или о знаменитых ораторах», 95.

204

«Последние уступали первым». Тит Ливий, «Римская история от основания города», кн. XXXVIII, 53.

205

Бэкон, по-видимому, имеет в виду трактат Дюрера «Четыре книги о пропорциях человеческого тела, найденных и описанных Альбрехтом Дюрером из Нюрнберга на пользу всем любящим таковую науку» (1528). Что касается Апеллеса, то источники приписывают такой метод другому древнегреческому художнику – Зевксису. Расписывая храм Геры в Кротоне, Зевксис выбрал пять красивых девушек, чтобы из лучших черт каждой создать образ Елены. Аналогичная ошибка (упоминание «Венеры» Апеллеса, вместо «Елены» Зевксиса) содержится и в трактате «О достоинстве и приумножении наук», кн. VI, гл. 1.

206

«Прекрасна осень прекрасного» – изречение, приписываемое Эврипиду. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Алкивиад, 1).

207

Мом (миф.) – греческий бог насмешки и злословия. Имеется в виду эзоповская басня «Зевс, Прометей, Афина и Мом». Эзоп, «Басни», 100.

208

Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Лукулл, XXXIX).

209

«Вечную весну» (лат.).

210

«Проси много-получишь сколько следует». Квинтилиан, «Наставления оратору», IV, 5, 16.

211

Этим опытом «Of Studies» открывалось первое издание бэконовских «Essays» 1597; в обоих последующих изданиях он расширялся, а в латинском вышел под названием «De Studiis et Lectione Librorum».

212

«Занятия налагают печать на характер». Овидий, «Героики», XV, 83.

213

«Расщепляющие тминные зерна», т. е. вдающиеся в чрезмерные тонкости. Такое прозвище имел за свою интеллектуальную изощренность римский император Антонин Пий.

214

«Общий отец» (итал.).

215

«Стал как один из нас». Ветх. Зав., кн. Бытие, гл. 3, ст. 22.

216

Католическая Лига – образовалась в 1576 г. во время религиозных войн во Франции как активная антигугенотская организация. Ее вождем был герцог Генрих Гиз, претендовавший также на французскую корону.

217

Ветх. Зав., Еккл., гл. 11, ст. 4.

218

ФРЭНСИС БЭКОН Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
«Видимость и подобие добродетели». Тацит, «Анналы», кн. XV, 48.

219

«доброе имя лучше дорогих благовоний». Ветх. Зав., Еккл., гл. 7, ст. 1.

220

«Наперекор совести» (лат.).

221

«Восхваляя наставлять» (лат.).

222

«Самая зловредная порода врагов – хвалящие», Тацит, «Жизнеописание Юлия Агриколы», 41.

223

Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 27, ст. 14.

224

Нов. Зав., Посл. Коринф. II, гл. 11, ст. 23; «Приумножу служение мое»; Нов. Зав., Посл. Римлян., гл. 11, ст. 13.

225

В эзоповских сборниках такой басни нет. Это, по-видимому, одна из поздних версий басни Бабрия «Бык и комар».

226

Тит Ливий, «Римская история от основания города», кн. XXXV, 12.

227

«Пищащие о тщете славы ставят на книгах свои имена». Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 15.

228

«На всем, что он говорил или делал, всегда лежала печать какого-то артистизма». Тацит, «История», кн. II, 80.

229

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org
Плиний Младший, «Письма», VI, 17.

230

«Всякая репутация исходит от тех, с кем мы живем». Квинт Цицерон, «О достижении консульского звания», V, 17.

231

Ромул – легендарный основатель Рима; см. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Ромул).

Кир – персидский царь (558–529 до н. э.), основатель великой персидской державы.

Цезарь, Гай Юлий (102 или 101–44 до н. э.) – всей своей деятельностью подготовил превращение Римской республики в империю.

Осман I (ок. 1259–1326) – основатель Османского государства. Исмаил (XVI в.) – основатель династии Сефевидов, начавшей объединение Персии.

232

Ликург (VIII в. до н. э.) – законодатель древней Спарты, ему приписывали создание ее государственного устройства: см. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Ликург).

Солон (ок. 635–580 до н. э.) – известный афинский законодатель, реформы которого состояли в замене аристократической родовой основы государства имущественной и в создании основ афинской демократии; см. Плутарх, «Сравнительные жизнеописания» (Солон).

Юстиниан (483–565) – император Восточной римской империи, при нем была осуществлена кодификация права – создан «Свод римского права».

Эдгар Мирный (943–975) – англо-саксонский король, хроники приписывают ему активную деятельность по объединению Англии.

Альфонсо I (1252–1284) – король Леона и Кастилии, при нем был создан свод законов «Партид» (1265), в котором фиксировались суверенные права короны.

233

Т. е. «освободители» или «спасители» (лат.).

Октавиан Август (63 до н. э.–14 н. э.) – первый римский император (с 27 г. до н. э.), положивший конец изнурительным гражданским войнам в Римской республике и самой республике.

Тит Флавий Веспасиан (9–79) – римский император (с 69 г.), власть которого завершает анархию периода правления Гальбы, Оттона и Вителлия.

Луций Домиций Аврелиан (214 или 215–275) – римский император (с 270 г.), сумевший возвратить империи многие отпавшие от нее провинции.

Теодорах – король остготов (493–526), основавший в Италии государство Остготов.

Генрих VII (1455–1509) – английский король (с 1485 г.), положивший конец междоусобной «войне Роз» и начало династии Тюдоров.

Генрих IV – французский король (1594–1610), его приход к власти завершает

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org многолетние религиозные войны и кладет начало королевской династии Бурбонов.

234

«Расширившие» или «защитившие державу» (лат.).

235

«Отцы отечества» (лат.).

236

Марк Атилий Регул – римский консул, разбивший в 256 г. до н. э. карфагенский флот и высадившийся в Африке. Регул попал в плен к карфагенянам и, согласно преданию, принял там мученическую смерть. Публии Деции Мусы – отец и сын, консулы Рима, по преданию, пожертвовали жизнью ради отечества.

237

Опыт «Of Judicature» впервые появился в издании 1612 г. и значительно расширен для издания 1625 г. Этот опыт особенно для нас интересен, так как связан с предметами непосредственных профессиональных занятий Бэкона, который поднялся в своей придворной службе от простого юриста до лорда-канцлера (министра юстиции) Англии.

238

Обращаем внимание на весьма резкий выпад Бэкона против произвола римско-католической церкви.

239

Ветх. Зав., кн. Второзакон., гл. 27, ст. 17.

240

«Что возмущенный источник и поврежденный родник, то праведник, падающий перед нечестивым»; Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 25, ст. 26.

241

Ветх. Зав., кн. Амоса, гл. 5, ст. 7.

242

Ветх. Зав., кн. Исаи, гл. 40, ст. 4.

243

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org «Кто сморкается с большим усилием, досморкается до крови»; см. Ветх. Зав., кн. Притч. Соломон., гл. 30, ст. 33.

244

«Он пошлет на них дождь тенет». Ветх. Зав., Псалм. Давид., 10, ст. 6.

245

«Долг судьи разобрать поступок и время поступка» (лат.).

246

Нов. Зав., Посл. Иаков., гл. 4, ст. 6.

247

Нов. Зав., Матф., гл. 7, ст. 16.

248

Не «приверженцы судов», а «паразиты судов» (лат.).

249

«Высшим законом да будет для них благо народа»; эти слова мы находим, однако, не в законах двенадцати Таблиц, а у Цицерона «О законах», кн. III, 3, 8.

250

т. е. «моё» и «твое» (лат.).

251

«А мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его». Нов. Зав., Посл. Тимоф. I, гл. 1, ст. 8.

252

Нов. Зав., Посл. Ефес., гл. 4, ст. 26.

253

Сенека, «О гневе», I, 1. Нов. Зав., Лук., гл. 21, ст. 19.

254

«...И душу в ранениях тех полагают». Вергилий, «Георгики», кн. IV, ст. 233.

255

«Честь должна быть из прочной ткани»;

Фернандес Гонсалво (1443–1515) – испанский военачальник, прозванный «Великим капитаном», прославился в борьбе против мавров, затем командовал испанскими войсками в итальянских войнах.

256

«Обычные проклятия» (лат.).

257

Ветх. Зав., Еккл., гл. 1, ст. 9.

258

Ветх. Зав., Еккл., гл. 1, ст. 10–11.

259

Изложение мифа о Фаэтоне см. Овидий, «Метаморфозы», кн. II, ст. 1–328.

260

См. Ветх. Зав., кн. Царств III, гл. 17.

261

Платон, «Тимей», 25 с–д;ср. «Новая Атлантида».

262

Григорий I – римский папа (понтификат 590–604 гг.).

263

Период, в течение которого полюс мира совершает полный оборот около полюса эклиптики; равен 25 800 лет. См. Платон, «Тимей»

264

Арианство – течение в христианстве, отрицавшее «единосущность» Бога-Сына и Бога-Отца. Его основатель –alexандрийский пресвитер Арий, учение которого было осуждено как еретическое Никейским собором в 325 г.

Арминиане (ремонстранты) – протестантская секта начала XVII в. в Нидерландах, основанная Яковом Арминием (1560–1609); допускала отступления от строгостей ортодоксального кальвинизма, в политическом отношении

Фрэнсис Бэкон Опыты или наставления нравственные и политические filosoff.org арминиане примикиали к федералистам и подвергались гонениям со стороны монархических сторонников Нассауского дома.

265

В III в. до н. э. произошло вторжение древних галлов в Малую Азию; заселенная ими область получила название Галатия. Поход галлов на Рим имел место в 390 г. до н. э., они взяли Рим и осадили Капитолий; с этой осадой связано известное предание о гусях, спасших Рим.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!